

СТАНИСЛАВ ЛЕМ • ОХОТА НА СЭТАВРА

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

ОХОТА

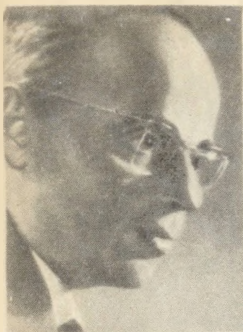
НА СЭТАВРА

3

АРУБЕЖНАЯ

ФАНТАСТИКА

Известный писатель-фантаст Станислав Лем родился в 1921 году во Львове. В 1944 году он переехал в Краков, где окончил медицинский факультет университета.

Литературную деятельность начал после войны, сперва как реалист (рассказы, роман о польской интеллигенции в период оккупации «Непотерянное время»). Написав в 1950 году научно-фантастический роман «Астронавты», Лем с тех пор стал работать исключительно в области научной фантастики. За «Астронавтами» последовал утопический роман «Магелланово облако», сборники рассказов «Сезам», «Вторжение с Альдебарана», «Эдем».

СТАНИСЛАВ ЛЕМ • ОХОТА НА СЭТАВРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»

Станислав Лем

ОХОТА НА СЭТАВРА

Перевод с польского

Под редакцией и с предисловием
А. Г. ГРОМОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1965

ПРАВДА О ЛЮДЯХ И СКАЗКИ О РОБОТАХ

Имя Станислава Лема хорошо знакомо советским читателям. В нашей стране переведены и изданы многие его книги — повести «Астронавты», «Магелланово облако», «Соларис», «Непобедимый», «Возвращение со звезд», циклы рассказов — «Звездные дневники Ийона Тихого» и «Воспоминания Ийона Тихого», сборник рассказов «Вторжение с Альдебарана»; часто появляются переводы его произведений в наших журналах и газетах.

Творчество Лема, глубоко оригинальное, отмеченное неповторимой индивидуальностью, которая сразу выделяет этого автора даже на очень богатом и разнообразном фоне современной мировой фантастики, поразительно широко по тематическому и жанровому диапазону. С непривычки, наверное, трудно поверить, что один и тот же писатель может создавать философские трагедии типа «Соларис» или «Возвращения со звезд» и почти фарсовые по приемам, то уморительно-веселые, то едко-насмешливые рассказы о космическом Мюнхгаузене, о неустрашимом космопроходце Ийоне Тихом, неизменно оставаясь на самом высоком уровне, доступном современной фантастике

(да впрочем, и вообще современной литературе). Но для вдумчивого читателя эта широта диапазона кажется естественной и необходимой: она вызвана сложностью и глубиной задач, которые ставит перед собой Станислав Лем.

В сборнике «Охота на Сэтавра», который предлагает читателям издательство «Мир», тоже представлены совершенно различные — на первый взгляд диаметрально противоположные — линии творчества Лема.

Большую часть сборника занимают рассказы о космическом пилоте Пирксе, составляющие цикл. Первые рассказы этого цикла написаны семь лет назад (они вошли в сборник «Вторжение с Альдебарана»), последний — «Охота на Сэтавра» — закончен в декабре 1964 года. Лем продолжает работать над образом этого героя.

Цикл рассказов о Пирксе — явление почти уникальное в мировой фантастике. Характеры, очерченные с реалистической разносторонностью и глубиной, в фантастике вообще редки: она разрабатывает по преимуществу проблемы, стоящие перед человечеством в целом, а это трудно совместить с детальной психологической разработкой образа отдельно взятого человека. Даже у Герберта Уэллса, в максимальной степени пользовавшегося в фантастике приемами реализма, не так уж много героев, о которых можно сказать, что у них есть индивидуальность (самый яркий из них — Гриффин, герой «Человека-невидимки»).

А пилот Пиркс — не только характер, но и характер развивающийся. Мы знакомимся с

неуклюжим толстощеким курсантом, детски мечтательным (он мечтает попеременно то о великих подвигах, то о монете, на которую можно купить билет в кино, да еще и сдачи получить, то о «романтической» физиономии с орлиным взглядом и седыми висками). Мы видим потом, как этот неуклюжий и наивный мечтатель, когда доходит до дела, обнаруживает такие качества, которых подчас в решительный момент не хватает и людям более талантливым или более опытным. Пиркс отлично выдерживает, несмотря на непредвиденные осложнения, пробный космический полет, который оказывается не под силу его блестящему коллеге Бёрсту, будто рожденному для побед («Испытание»). Он выходит победителем из нелепо трагических ситуаций, стоивших жизни его предшественникам («Условный рефлекс», «Патруль»), и тем самым помогает уберечь от гибели остальных.

Спасают его два завидных качества—очень здоровая, надежно уравновешенная психика и непоколебимый здравый смысл. Поняв, что столкновение с Луной почти неизбежно, Пиркс не поддается панике, а, учитывая это «почти», делает все, что возможно, для спасения. Увидев на экране радара два скафандра и твердо зная, что на лунной станции, кроме него, находится лишь один человек, Пиркс перестает доверять показаниям приборов. Когда на телеэкране ракеты возникает светящаяся точка, нарушающая хорошо известные ему законы физики, он способен предположить, что сошел с ума, но не может поверить в чудо и поддаться.

ся суеверному страху, лишаящему возможности рассуждать и обдумывать действия.

В «Терминусе» и в «Охоте на Сэтавра» мы видим его уже настоящим пилотом — опытным, энергичным, решительным, инициативным. В этих «зрелых» сценах образ Пиркса обогащается новыми чертами, приобретает большую глубину и сложность. Юношеские, наивные мечты о славе забыты, пришла повседневная, трудная и опасная работа, а с ней и зрелость. Надежность и устойчивость психики Пиркса по-прежнему помогают ему. Ведь призрачная и жуткая трагедия, с которой он сталкивается в «Терминусе», могла бы, по крайней мере временно, вывести из строя и очень сильного человека. Пиркс и здесь устоял, хоть нелегко ему это далось. И принятое им решение — оберечь покой живых и тайну мертвых, закрыть доступ к давно совершившимся и необратимым событиям — продиктовано зрелым и трезвым разумом.

Это отнюдь не означает, что Пиркс является таким воплощением торжествующего здравого смысла, прямолинейного и узкого, что он застрахован от потрясений сравнительно низким уровнем психики, несложностью реакций. Его переживания сложны и сильны (особенно в «Терминусе» и в «Охоте на Сэтавра»), а надежность его психики сказывается лишь в том, что в конечном счете все эти резкие колебания психологического потенциала гасятся, уравниваются, что Пиркс при любых обстоятельствах быстрее других возвращается к норме.

Обстановка в рассказах о Пирксе обрисована тоже весьма характерно. Способность

Лема изображать несуществующий, вымышленный мир с помощью убедительных деталей, вводить в его атмосферу используется здесь для того, чтобы читатель поверил в полную реальность описываемых событий. Испытания, которые проходит Пиркс во время учебы, лунные пейзажи и быт лунной станции, патрулирование в космосе, гибель космического корабля, которую Пиркс наблюдает с борта другого корабля, интерьер старой, заново отремонтированной ракеты, битва на Луне — все это обставлено таким плотным «бытовым» реквизитом, насыщено такими точными и тонкими деталями, которые сделали бы честь мастеру-реалисту, изображающему события из жизни летчика или, допустим, танкиста, шофера, капитана корабля. Лем заставляет поверить в абсолютную реальность не только самого Пиркса, но и его пока несуществующей профессии. И, что особенно важно, в этих рассказах развитие событий поставлено в прямую зависимость от индивидуальных особенностей характера Пиркса, от его поступков, продиктованных этими особенностями.

Несомненно, Крис Келвин, герой «Солярис», или Эл Брегг, герой «Возвращения со звезд», изображены Лемом не менее углубленно и точно, чем Пиркс; к тому же оба эти героя наделены гораздо более яркими и сильными индивидуальностями, да и ситуации, в которых они оказываются, намного сложнее, трагичнее, значительнее, чем те случаи, с которыми имеет дело Пиркс. Но история характера, динамика его развития даны лишь в этом цикле. Это делает рассказы о пилоте Пирксе явле-

нием пока совершенно необычным в фантастике, обнаруживающим ее еще не раскрытые потенциальные возможности.

Следует сказать, что в советской литературе аналогичные попытки создать «движущиеся» характеры делают А. и Б. Стругацкие (Юрковский и другие герои трилогии «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею» и «Стажеры» или Горбовский, который встречается читателю в «Возвращении» и в «Далекой Радуге»). Но герои Стругацких эволюционируют в известной степени внешне (даже Юрковский, образ которого изменяется наиболее явно, почти демонстративно); история характера обрисована тут бегло и отрывочно, психология менее детализирована, чем у Лема.

Совсем по другим принципам созданы «Сказки роботов». По-видимому, свою родословную эта книга ведет от «Одиннадцатого путешествия Ийона Тихого» (оно появилось позже основной книги «Звездных дневников» и у нас пока не опубликовано). Там рассказывается о Главном Калькуляторе космической ракеты, который взбунтовался, не выдержав насмешек, выбросил весь экипаж корабля, высадился на необитаемую планету и там основал государство роботов; своих подданных он сделал сам, выпотрошив для этой цели все нутро ракеты, используя все наличные материалы. Правда, это государство роботов просуществовало недолго. Но, возможно, Лему захотелось потом представить себе другой вариант: а что, если колонии роботов будут существовать? В самых различных условиях? Если они создадут свою культуру?

Роботы в «Одиннадцатом путешествии» выпускают свои газеты. Пишут и говорят они архаическим языком и отличаются свирепостью — это потому, что Калькулятор использовал в качестве материала для их создания и библиотеку корабля, где было много детективов и книг по истории языка. Роботы эти ненавидят людей, считают их тиранами, которые нещадно эксплуатируют бедных роботов. Очевидно, и в сказки роботов, которые они рассказывают своим «детям», должны были войти мотивы неприязни к людям. Кроме того, там должно быть представление о Конструкторе — причине всех причин. Ну и, конечно, стилизованная под архаику речь, в подражание человеческим сказкам.

«Сказки роботов» частично уже публиковались у нас. В эту книгу вошло семь сказок. Среди них есть не только сказки, «перелицованные» из человеческих («Три электричара», «Советники короля Гидропса», «Сказка о цифровой машине...»), но и написанная в несколько другом, не столько сказочном, сколько ироническом, ключе притча о роботе Автоматее и его друге. Представлены здесь и сказки о конструкторах Трурле и Клапауциусе («Как уцелела Вселенная», «Машина Трурля», «Крепкая взбучка»); впрочем, эти конструкторы тоже роботы, хоть об этом и не всегда вспомнишь: ведут они себя совсем как люди.

Конструкторы эти очень полюбились Лему; они появляются и в его новой книге «Кибериада». Они выдумывают там много удивительных вещей, например расправляются с космическим пиратом (который, нападая на корабли,

отбирал не материальные ценности, а информацию), создав «Демона второго рода», который отсеивает информацию отовсюду и толпит пирата в океане информации.

Но в «Сказках роботов» Трурль и Клапауциус еще не выходят в космос, и дела их более скромны, да и по большей части кончаются трагикомическими неудачами. Девятиэтажная машина, созданная Трурлем, оказывается не только предельно глупой, но вдобавок еще упрямой, как осел, страшно обидчивой и причиняет ему массу неприятностей («Машина Трурля»). Другая его машина, умеющая делать все на букву «Н» («Как уцелела Вселенная»), действует вполне исправно, но оказывается, что с ней надо обращаться осторожно, а то она и весь мир уничтожит, создавая «Ничто» («Ничто» ведь тоже на «Н»!).

«Сказки роботов» привлекают неистощимым богатством фантазии, остроумием, изяществом; это, по определению Лема, «развлечение на высшем уровне». Конечно, и в этих «внеземных» конструкциях просматриваются знакомые нам черты земной действительности; конечно, и этот внешне легкий юмор не плавает в условиях невесомости — он подчиняется законам земного тяготения. «Сказки роботов» тоже, как и все произведения Лема, заставляют с какой-то неожиданной точки зрения посмотреть на многое примелькавшееся, оценить его по-новому. Словом, они дают и пищу пытливому уму, и в то же время отдых: ведь нет лучшего лекарства от усталости, чем веселый смех!

Ариадна Громова

I.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗВЕЗДНОГО
НАВИГАТОРА

ИСПЫТАНИЕ

— Курсант Пиркс!

Голос Ослиной Лужайки вырвал его из глубины мечтаний. Пиркс как раз представил себе, что в часовом карманчике его старых штатских брюк, на дне шкафа, лежит монета в две кроны. Серебряная, звенящая, забытая. Еще минуту назад он знал наверняка, что ничего там нет,— самое большее старая почтовая квитанция,— но постепенно поверил, что монета существует, и к моменту, когда Ослиная Лужайка назвал его имя, окончательно в этом убедился. Можно сказать, он отчетливо ощущал ее округлость и видел, как она разлеглась в карманчике. Он мог бы пойти в кино, и у него еще останется полкроны. А если пойти только на хронику, так останется полторы, из них одну крону он отложил бы, а на остальное поиграл на автоматах. Если б автомат заело и он начал бы без конца сыпать медяки — прямо в раскрытую ладонь,— а Пиркс едва поспевал бы рассовывать их по карманам и снова подставлять руку... ведь случилось же такое со Смигой! Пиркс уже сгибался под тяжестью неожиданно свалившегося богатства,

когда голос Ослиной Лужайки развеял его мечты.

Преподаватель заложил обычным своим жестом руки за спину и, налегая всем телом на здоровую ногу, задал вопрос:

— Что вы сделали бы, встретив во время патрульной службы корабль с чужой планеты?

Курсант Пиркс открыл рот, будто пытаясь вытолкнуть находившийся там ответ. Он выглядел, как человек, меньше всех на свете знающий, что следует делать, встретив корабль с чужой планеты.

— Я приблизился бы...— сказал он глухим, странно огрубевшим голосом.

Курс замер. Все учуяли нечто менее скучное, чем лекция.

— Очень хорошо,— сказал отеческим тоном Ослиная Лужайка.— И что же дальше?

— Застопорил бы...— выпалил курсант Пиркс, чувствуя, что уже давно перешагнул рубеж своих познаний. Он лихорадочно отыскивал в опустевшей голове какие-нибудь подходящие параграфы из «Поведения в Космосе». Ему казалось, что он никогда в жизни не видел этой книги. Пиркс скромно потупился и тогда заметил, что Смига что-то говорит в его сторону — одними губами. Прежде чем смысл подсказки дошел до его сознания, он громко повторил:

— Я бы им представился.

Весь курс взревел, как один человек. Ослиная Лужайка секунду сдерживался, потом тоже расхохотался. Однако серьезность быстро вернулась к нему.

— Завтра явитесь ко мне с бортовым журналом... Курсант Бёрст!

Пиркс уселся так, словно стул был из расплавленного, еще не совсем остывшего стекла. Он даже не особенно обиделся на Смигу — такой уж он был, этот Смига, не мог пропустить удобного случая. Пиркс не слышал ни слова из того, что говорил Бёрст, — тот рисовал на доске кривые, а Ослиная Лужайка по своему обыкновению приглушал ответы электронного вычислителя, так что отвечающий в конце концов запутывался в вычислениях. Устав разрешал прибегать к помощи вычислителя, но Ослиная Лужайка придерживался в данном случае собственной теории: «Вычислитель — тоже человек, — говорил он, — и может испортиться». Пиркс не обиделся и на Ослиную Лужайку. Он вообще ни на кого не обижался. Почти никогда. Через пять минут он уже стоял перед магазином на улице Дайергоффа и смотрел на выставленные в витрине газовые пистолеты, из которых можно стрелять холостыми зарядами, пулевыми либо газовыми, — целый комплект с сотней патронов за шесть крон. Конечно, на улице Дайергоффа он был только в мечтах.

После звонка курсанты покинули зал — не с криком и топотом, как первый или второй курс, они ведь не дети! Добрая половина курса направилась в столовую — в это время там нечего есть, зато можно встретить новую кельнершу. Говорят, хорошенькая. Пиркс медленно шел мимо стеклянных шкафов, битком набитых звездными глобусами, и с каждым шагом все больше терял надежду найти в кар-

манчике две кроны. На последней ступеньке он понял, что монеты там никогда не было.

У ворот стояли Бёрст, Смига и Пайартц, с которым Пиркс полгода сидел за одним столом на лекциях по космодезии. Пайартц замазал черной тушью все звезды в атласе Пиркса.

— Завтра у тебя пробный полет,— сказал Бёрст, когда он проходил мимо.

— Порядок,— флегматично ответил Пиркс. Его не так-то легко разыграть.

— Не веришь — прочти!— Бёрст стукнул пальцем по стеклу доски приказов.

Пиркс хотел пройти дальше, но голова сама повернулась. В списке стояли только три фамилии. Черным по белому на самом верху значилось: «Курсант Пиркс».

У него потемнело в глазах.

Потом он услышал издалека свой голос:

— Ну и что? Я же сказал — порядок!

Он прошел мимо них и зашагал по аллее между клумбами. В этом году тут была масса незабудок, хитроумно расположенных так, что получалась приземляющаяся ракета. Лютики изображали пламя выхлопа, но они уже отцвели. Пиркс не видел ни клумб, ни дорожки, ни незабудок, ни Ослиной Лужайки, который торпливо вышел из бокового крыла института. В воротах Пиркс едва не налетел на преподавателя и отсалютовал прямо у него под носом.

— А, Пиркс!—сказал Ослиная Лужайка.— Вы завтра летите? Счастливого старта! Может, вам удастся встретить тех — с других планет.

Интернат находился в парке, на противоположной стороне, за большими плакучими ива-

ми. Он стоял на берегу пруда, а боковое крыло высилось над самой водой, поддерживаемое каменными колоннами. Кто-то распустил слух, будто эти колонны привезены с Луны,— чистейший вздор, но первокурсники со священным трепетом вырезали на них свои инициалы. Имя Пиркса тоже где-то там было: он старательно выгравировал его четыре года назад.

Попав в свою комнату,— она была такая маленькая, что Пиркс ни с кем ее не делил,— он долго размышлял, стоит ли открывать шкаф. Он точно помнил, где лежат старые брюки. Держать здесь гражданские вещи запрещалось, поэтому он их и оставил; кроме этого, никакой пользы от брюк не было. Зажмурился, присел у шкафа, приоткрыл дверцу, просунул руку внутрь и нащупал карманчик. Конечно,— он это знал заранее — карман был пуст.

Он стоял в еще не наполненном воздухе комбинезоне, на стальном помосте, под самым сводом ангара, цепляясь локтем за натянутый вместо перил трос, так как обе руки у него были заняты: в одной он держал бортовой журнал, а в другой — брик. Это была шпаргалка, которую одолжил ему Смига. Говорят, с ней летали все курсанты. Правда, было не ясно, каким образом она возвращалась: ведь после пробного полета курсанты покидали институт и отправлялись на Север, на Базу, где начиналась зубрежка перед выпускными экзаменами. Но, как видно, она все-таки возвращалась,—

может, ее сбрасывали на парашюте? Разумеется, это была только шутка.

Он стоял на пружинящем помосте над сорокаметровой пропастью и старался убить время размышлениями о том, будут ли его обыскивать,—к сожалению, это случалось. В пробные полеты курсанты брали с собой самые невероятные и строжайше запрещенные предметы — от плоских фляжек с водкой до жевательного табака и фотографий знакомых девушек. Не говоря уже, конечно, о шпаргалках. Пиркс долго искал на себе место, где бы скрыть брик. Прятал раз пятнадцать — в сапог под пятку, между двумя носками, за голенище, во внутренний карман комбинезона, в маленький звездный атлас — такие атласы разрешалось брать с собой; неплохо бы иметь футляр для очков, но, во-первых, тут подошел бы лишь огромный футляр, а во-вторых, Пиркс не носил очков. Несколько позже он сообразил, что если б носил, то его не приняли бы в институт.

Так что он стоял на стальной доске, поджидая инструкторов и шефа, но все трое почему-то запаздывали, хотя старт назначили на девятнадцать сорок, а было уже девятнадцать двадцать семь. Он подумал, что, если б нашелся кусок липкого пластыря, можно было бы прилепить брик под мышку. Говорят, так сделал маленький Джеркес, а когда инструктор дотронулся до него, записал, что боится щекотки, и все обошлось благополучно. Но Пиркс не походил на человека, боящегося щекотки. Он это знал и не питал никаких иллюзий по этому поводу. Он попросту держал шпаргалку в правой руке, и, лишь когда сооб-

разил, что придется здороваться со всеми тремя провожающими, переложил ее в левую руку, а бортовой журнал — из левой в правую. Манипулируя таким образом, он невольно раскачал стальной помост, и тот заколебался, как трамплин. Вдруг на той стороне послышались шаги. Пиркс не сразу увидел инструкторов: под сводом ангара было темно.

Все трое, как всегда, были в щеголеватых мундирах, особенно шеф. А на нем, на курсанте Пирксе, был комбинезон, который и без надувки выглядел, словно целых двадцать одеяний вратаря-регбиста, надетых вместе. К тому же с обеих сторон высокого ворота свисали длинные концы интеркома* и наружного радиодфона, у шеи болтался шланг с маховичком, ведущий к кислородному аппарату, на спину давил запасной резервуар; Пирксу было адски жарко в двойном, предохраняющем от пота белье, а больше всего мешало приспособление, которое позволяло во время полета не выходить в случае нужды (впрочем, в ракете первой ступени, на которой производятся пробные полеты, и ходить-то особенно некуда).

Вдруг весь помост начал подпрыгивать. Кто-то подходил сзади. Это был Бёрст в таком же комбинезоне. Он отсалютовал четким движением руки в огромной перчатке и остановился так, будто очень хотел столкнуть Пиркса вниз.

Когда инструкторы прошли вперед, Пиркс удивленно спросил:

---

* Интерком — внутренняя система связи на космических кораблях.— *Прим. ред.*

— Ты тоже летишь? Ведь тебя не было в списке.

— Брендан заболел. Я лечу вместо него, — ответил Бёрст.

Пирксу на мгновение стало слегка не по себе. Это, в конце концов, был один-единственный шанс подняться хоть на миллиметр выше к недостигаемым высотам, на которых пребывал Бёрст, хотя, казалось, не прилагал для этого ни малейших усилий. Он был не только самым способным на курсе, что Пиркс относительно легко ему прощал, питая даже определенное уважение к математическим способностям Бёрста с того дня, как стал свидетелем его мужественного состязания с вычислительной машиной, — Бёрст замедлил темп лишь при извлечении корней четвертой степени; у него не только были состоятельные родители и ему вовсе не приходилось предаваться мечтам о монете в две кроны, завалившейся в кармане старых штанов, но он добивался прекрасных результатов в легкой атлетике, прыгал, как дьявол, отлично танцевал и — что уж там говорить! — был очень красив, чего никак не скажешь о Пирксе.

Они шли по длинному помосту между решетчатыми креплениями сводов, мимо выстроившихся рядами ракет, пока их не залило сияние, так как здесь свод был уже раздвинут на протяжении двухсот метров. Над огромными бетонированными воронками, которые втягивали и отводили пламя выхлопа, стояли рядом два конусообразных великана — во всяком случае, в глазах Пиркса они были великанами; каждый из них имел сорок восемь метров в вы-

соту и одиннадцать метров в диаметре у нижних ускоряющих двигателей.

К отвинченным люкам уже были перекинuty небольшие мостики, но проход загораживали установленные посредине свинцовые подставки с маленьким красным флажком на гибком флагштоке. Пиркс знал, что сам отставит в сторону этот флажок, когда на вопрос, готов ли он к выполнению задания, ответит утвердительно, и что сделает это первый раз в жизни. И вдруг он проникся уверенностью, что, когда будет отодвигать флажок, непременно зацепится за трос и растянется на помосте,— такие вещи случались. А если с кем-нибудь такое бывало, то с ним уж *должно* случиться что-нибудь в этом роде, ведь ему всегда не везет. Преподаватели оценивали его иначе: он, мол, ротозей, растяпа и вечно думает о чем угодно, кроме того, о чем как раз и надлежит думать. Правда, Пирксу было гораздо легче действовать, чем говорить. Между его поступками и мыслями, облеченными в слова, зияла, может, и не пропасть... но, во всяком случае, было тут какое-то препятствие, мешающее ему жить. Преподаватели не знали, что Пиркс — мечтатель. Об этом никто не знал. Все полагали, что он вообще ни о чем не думает. А это было неверно.

Он скосил глаза и увидел, что Бёрст уже стал в предписанной позиции, на расстоянии одного шага от мостика, переброшенного к люку ракеты, вытянулся и прижал руки к еще не надутым резиновым бандажам комбинезона.

Пиркс подумал, что Бёрсту к лицу даже этот чудной костюм, будто скроенный из сот-

ни футбольных мячей, и что комбинезон Бёрста действительно не надут, в то время как в его собственном кое-где оставалось немало воздуха, и потому так неловко ходить в нем, приходится так широко расставлять ноги. Он попытался сдвинуть ноги как можно плотнее, но каблуки никак не сходились. Почему у Бёрста они сошлись? Это было непонятно. Впрочем, не будь Бёрста, у Пиркса совсем вылетело бы из головы, что надо занять надлежащую позицию, спиной к ракете и лицом к трем людям в мундирах. Сначала они подошли к Берсту—допустим, потому, что его имя начиналось на «Б», — но и это не было чистой случайностью, или, вернее, было случайностью опять-таки не в пользу Пиркса: ему вечно приходилось подолгу ждать, пока его вызовут, и он нервничал, ибо предпочитал, чтобы плохое приключалось сразу.

Он слышал с пятого на десятое, что говорили Бёрсту, а Бёрст, вытянувшись в струнку, отвечал быстро, так быстро, что Пиркс ничего не понял. Потом подошли к нему, и, когда шеф заговорил, Пиркс вдруг вспомнил, что ведь сегодня лететь должны были трое, а не двое, так куда же девался этот третий? К счастью, он услышал слова шефа и в последнюю минуту успел выпалить:

— Курсант Пиркс к полету готов!

— М... да...— произнес шеф.— И курсант Пиркс утверждает, что он здоров телом и душой... гм... в пределах своих возможностей?

Шеф любил украшать такими цветами красноречия стереотипные вопросы, и он мог себе это позволить, так как был шеф.

Пиркс ответил, что он здоров.

— На период выполнения полета произвожу, вас, курсант Пиркс, в пилоты,— произнес шеф сакраментальную формулу и продолжал:

— Задание: стартовать вертикально, при половинной мощности ускорителей. Выйти на эллипс Б-68. На эллипсе сделать поправку на постоянную орбиту с временем обращения 4 часа 26 минут. Ждать на орбите два корабля непосредственной связи типа ИО-2. Предполагаемая зона радарного контакта—сектор III, спутник ПАЛ, с допускаемым отклонением до 6 угловых секунд. Установить радиотелефонную связь с целью согласования маневра. Маневр: сойти с постоянной орбиты по курсу 60 градусов 24 минуты северной широты, 115 градусов 3 минуты 11 секунд восточной долготы. Начальное ускорение 2,2 g. Конечное ускорение, по истечении 83 минут, 0. Не выходить из радиуса действия радиотелефонной связи, пилотировать оба ИО-2 в строю по направлению к Луне, выйти на временную орбиту в ее экваториальной зоне согласно указаниям Луна — ПЕЛЕНГ, убедиться, что оба ведомые корабля находятся на орбите, и, сойдя с нее при ускорении и курсом по собственному усмотрению, вернуться на постоянную орбиту в зоне спутника ПАЛ. Там ожидать дальнейших приказаний.

В институте говорили, что скоро взамен теперешних шпаргалок появятся электронные брики, то есть микромозги величиной с косточку от вишни, их можно будет носить в ухе или под языком, и они подскажут всегда и всюду все, что окажется необходимым. Но Пиркс не

верил в это, считая — и не без оснований, — что, когда появится такой аппарат, уже не нужны будут курсанты. А пока он должен был сам повторить всю суть задания и сделал это, допустив лишь одну ошибку, но зато основательную: спутал минуты и секунды времени с минутами и секундами долготы и широты. После чего, мокрый как мышь в предохраняющем от пота белье под толстой оболочкой комбинезона, ожидал дальнейшего развития событий. Повторить задание он повторил, но смысл его еще не начал проникать в сознание. Единственная мысль беспрерывно кружила в мозгу: «Ну и задали они мне жару!»

В левой руке он сжимал шпаргалку, правой подал бортовой журнал. Устный пересказ задания был просто придиркой — все равно задание вручалось в письменной форме, с вычерченным первоначальным курсом. Шеф вложил конверт с заданием в кармашек под обложкой журнала, вернул журнал Пирксу и спросил:

— Курсант Пиркс, готовы вы к старту?

— Готов! — ответил курсант Пиркс.

В этот момент у него было единственное желание — очутиться в кабине управления. Он мечтал о том, чтобы расстегнуть комбинезон, хотя бы воротник.

Шеф отступил на шаг.

— По-о ракетам! — крикнул он великолепным, металлическим голосом, который, подобно колоколу, перекрыл глухой, неумолчный шум, стоявший в грандиозном ангаре.

Пиркс повернулся кругом, схватил красный флажок, споткнулся о трос, в последний момент удержал равновесие и, как Голем, зато-

пал по тонкому мостику. Когда он дошел до середины, Бёрст (сзади он все-таки напоминал футбольный мяч) уже входил в свою ракету.

Пиркс спустил ноги внутрь, схватился за массивные крепления люка, съехал по эластичному желобку вниз, не касаясь перекладин («Перекладины — только для умирающих пилотов», — говаривал Ослиная Лужайка), и принялся закрывать люк. Сотни и тысячи раз он упражнялся на макетах и на настоящей крышке, только вынутой из ракеты и укрепленной посреди учебного зала. Тошно становилось от всего этого: левая рукоятка, правая рукоятка до половины оборота, проверить герметизацию, вторая половина оборота обеих рукояток, дожать, проверить герметичность под давлением, задраить люк внутренней покрывкой, задвинуть противометеоритную заслонку, выйти из колодца люка, запереть дверцы кабины, дожать, рукоятка, вторая рукоятка, задвижка — все!

Пиркс подумал, что Бёрст, наверное, давно уж сидит в своем стеклянном шаре, а он еще только закручивает маховик герметического затвора, но тут ему пришло в голову, что ведь все равно они стартуют не вместе, а с шестиминутными интервалами, значит, нечего спешить. Но все же лучше сидеть уже на месте с включенным радиофоном — по крайней мере услышишь команды, которые даются Бёрсту. Любопытно, какое тот получил задание?

Лампочки вспыхнули автоматически, едва он запер наружный люк. Заперев все свое хозяйство, Пиркс по ступеням невысокого ската,

устланного очень жестким и в то же время упругим пластиком, перешел на место пилота.

Черт знает почему в этих маленьких одноместных ракетах пилот сидел в круглой стеклянной банке трехметрового диаметра. Эта банка, хоть и совершенно прозрачная, была, конечно, не из стекла — и вдобавок пружинила, как толстая, очень твердая резина. Этот пузырь с раздвижным креслом пилота в центре был вмонтирован в середину конусообразной кабины управления; таким образом, пилот, сидя в своем «зубоврачебном кресле» — так его прозвали — и, имея возможность вращаться по его вертикальной оси, видел сквозь прозрачную оболочку, в которую он был заключен, все циферблаты часов, индикаторы, экраны — передние, задние, боковые, — диски обоих вычислителей и астрографа, а также святая святых — траектометр, который чертит толстой, ярко светящейся линией по матовому выпуклому диску путь ракеты по отношению к неподвижным звездам в проекции Гарельсбергера.

Элементы этой проекции надо было знать наизусть и уметь определять их по прибору с любой позиции, даже вися вверх ногами. Когда пилот уже устраивался в кресле, по обе стороны у него оказывались четыре главные рукоятки реактора и ракетных двигателей рулевого управления, три аварийные рукоятки, шесть рычагов простого пилотажа, маховичок старта и холостого хода, а также регулятор мощности тяги, продувки сопла, а над самым полом — большое спицевое колесо климатизаторной и кислородной аппаратуры, рукоятка противопожарной установки, катапульты реактора (на

случай если в нем начнется неуправляемая цепная реакция), тонкий трос с петлей, прикрепленный к верхушке шкафчика с термосами и едой, а под ногами — мягкие, снабженные петлями в виде стремян педали тормозов и предохранитель катапульты: если на него нажать (сначала требовалось разбить ногой его колпачок и подтолкнуть вперед), он выбрасывал оболочку вместе с креслом и пилотом и вылетающими вслед за ним стропами ленточно-кольцевого парашюта.

Помимо этой главной цели — спасения пилота в случае аварии, устранить которую невозможно, — существовало еще восемь чрезвычайно важных причин, по которым был сконструирован стеклянный пузырь, и при благоприятных обстоятельствах Пиркс даже сумел бы все эти причины перечислить, но ни одна из них не была для него убедительной (как, впрочем, и для других курсантов).

Устраиваясь, как полагается, с огромным трудом сгибаясь в поясе, чтобы ввинтить все торчащие и висящие из него трубки, кабели, провода в наконечники, закрепленные в кресле (причем каждый раз, когда он наклонялся вперед, комбинезон мягко толкал его в живот), он, само собой разумеется, перепутал кабель радиодфона с нагревательным кабелем, — к счастью, у них были различные муфты, но Пиркс обнаружил ошибку лишь после того, как с него сошло семь потов, — и под шум сжатого воздуха, который молниеносно наполнил комбинезон, со вздохом откинулся назад, накладывая на себя левой и правой рукой оба набедренно-наплечных пояса.

Правый застегнулся сразу, а левый что-то заупрямился. Надутый, как автомобильная шина, ворот мешал оглянуться, и Пиркс мучился, вслепую дергая широкую застежку пояса. Тут в наушниках раздались приглушенные голоса:

— Пилот Бёрст на АМУ-18! Старт согласно радиопону по счету ноль! Внимание — готовы?

— Пилот Бёрст на АМУ-18 готов к старту согласно радиопону по счету ноль! — раздался мгновенный ответ.

Пиркс выругался — застежка защелкнулась. Он упал в мягкое глубокое кресло, так измучившись, словно только что вернулся из очень продолжительного межзвездного рейса.

— Двадцать три — до старта.. Двадцать две — до старта... Двад... — бормотал голос в наушниках.

Однажды случилось якобы, что, услышав громовое слово «ноль», одновременно стартовали два курсанта — тот, которому следовало, и тот, который лишь ждал своей очереди. Они шли на расстоянии двухсот метров друг от друга по вертикали и в любую долю секунды могли столкнуться; по крайней мере так рассказывали на курсе. С тех пор, говорят, запальный кабель включали в последний момент, делал это сам комендант ракетодома из своей застекленной кабины управления — и весь этот отсчет секунд был просто блефом. Однако никто не знал, как обстоит дело в действительности.

— Ноль!!! — раздалось в наушниках.

В ту же минуту Пиркс услышал приглушенный, раскатистый грохот, его кресло слегка задрожало, отраженные искорки огней чуть шевельнулись на стеклянном колпаке, под которым он лежал распростертый, глядя на потолок, то есть на астрограф, на индикаторы циркуляции охлаждения, тяги главных и вспомогательных дюз, плотности потоков нейтронов, на индикатор загрязнения изотопами и еще на восемнадцать других, половина которых ведала исключительно состоянием ускорителей. Вибрация ослабла, стена глухого шума передвинулась куда-то в сторону и словно расплылась вверх; казалось, какой-то невидимый занавес взвился в небо, гром все удалялся и, как обычно, все более походил на отголоски бури, пока наконец не наступила тишина.

Что-то зашипело, зажужжало,—он даже не успел испугаться. Это автоматическое реле включило бездействовавшие до сих пор экраны: когда кто-нибудь стартовал рядом, они были закрыты снаружи, чтобы ослепительное пламя атомного выхлопа не повредило объективов.

Пиркс подумал, что такие автоматические приспособления очень полезны,—и так размышлял себе о том о сем, но вдруг почувствовал, что волосы встают у него дыбом под выпуклым шлемом.

«Господи боже, я лечу, я, я, я сейчас лечу!»—пронеслось у него в голове.

Он начал лихорадочно подготавливать рычаги к старту, то есть по очереди дотрагиваться до них пальцем и считать: раз... два... три... а где же четвертый? Потом этот... так... этот

указатель... и педаль... нет, не педаль... ага, есть... красная... зеленая рукоятка... потом автомат... так... или сначала зеленая, а потом красная?!

— Пилот Пиркс на АМУ-27! — прервал его размышления громкий голос, бьющий прямо в ухо. — Старт согласно радиофону по счету ноль! Внимание — пилот готов?

«Еще нет!!!» — чуть было не закричал пилот Пиркс, но произнес:

— Пилот Бёр... пилот Пиркс на АМУ-27 готов к старту... э... согласно радиофону по счету ноль!

Он хотел сказать «пилот Бёрст», потому что отлично запомнил, как отвечал Бёрст. «Идиот!» — прикрикнул он сам на себя в наступившей тишине. Автомат (неужели у всех автоматов должен быть голос унтер-офицера?) лаял в ухо:

— До старта шестнадцать... пятнадцать... четырнадцать...

Пилот Пиркс обливался потом. Он силился вспомнить нечто ужасно важное — он знал, что это прямо-таки вопрос жизни и смерти, но никак не мог.

— ...шесть, пять, до старта четыре...

Он сжал мокрые пальцы на стартовой рукоятке. К счастью, она была шероховатая. «Неужели все так потеют? По-видимому...» — мелькнуло у него в голове в тот момент, когда в наушниках прогремело:

— Ноль!!!

Его рука сама — совершенно самостоятельно — потянула рычаг, отодвинула его до половины и остановилась. Раздалось рычание.

Казалось, какой-то эластичный пресс надавил ему на грудь и голову. «Ускоритель!» — успел он подумать, и у него потемнело в глазах. Лишь слегка и лишь на мгновение. Когда он смог уже хорошо видеть, — хотя все та же неотступная тяжесть сковывала тело, — экраны, во всяком случае те три, что находились прямо перед ним, были белые, как молоко, выливающееся из миллиона кувшинов.

«Ага, пробиваю тучи», — подумал он. — Размышлял он теперь вроде свободнее, несколько вяло, зато совершенно спокойно. Через некоторое время Пиркс почувствовал себя так, будто он лишь свидетель всей этой слегка смешной сцены: лежит парень, развалившись в «зубоврачебном кресле», ни рукой, ни ногой не шевельнет. Тучи исчезли, небо еще слегка голубоватое, но уже как плохая синька, вроде и звезды видны — звезды или нет?

Да, это были звезды. Стрелки бегали по потолку, по стенам, каждая на свой лад, каждая что-то показывала, все надо было видеть, а у него только два глаза. Тем не менее его левая рука, подчиняясь короткому, повторяющемуся свисту в наушниках, сама — опять сама — потянула рычаг, сбрасывая ускорение. Сразу стало немного легче: скорость 7,1 в секунду, высота 201 километр, заданная кривая старта кончается, ускорение 1,9 — можно садиться, и вообще теперь-то и начнется настоящая работа!

Он медленно сел, нажимая на подлокотники кресла, отчего поднялась спинка, и вдруг весь похолодел.

— Где же шпаргалка?!

Это и была та ужасно важная вещь, которую он никак не мог вспомнить. Пиркс начал осматривать пол, будто на свете и не было целой тучи индикаторов, подмигивающих со всех сторон. Брик лежал под самым креслом. Пиркс наклонился — пояса, разумеется, не пустили, расстегивать их не было времени — и таким чувством, словно он стоит на верхушке высоченной башни и падает вместе с ней в пропасть, раскрыл бортовой журнал, который лежал в кармане над коленом, вынул из конверта задание и... ничего не понял: где же, черт бы ее побрал, орбита Б-68? Ага, вот эта! Он сверился по траектометру и начал медленно сворачивать. Он удивлялся — как-то все же получалось.

На эллипсе вычислитель благосклонно сообщил ему данные для поправки, Пиркс снова маневрировал, сошел с орбиты, слишком резко затормозил — в течение почти 10 секунд, ускорение было минус 3 g, — но ничего ему не сделалось, он был очень вынослив физически («Если б у тебя были такие же мозги, как бицепсы, — говорил ему Ослиная Лужайка, — то, возможно, из тебя бы что-нибудь вышло»), исправив ошибку, вышел на постоянную орбиту, передал по радиотелефону данные вычислителю, тот ничего не ответил, по его диску пробегали волны холостого хода. Пиркс проревел свои данные еще раз, — конечно, он забыл переключиться, — теперь исправил ошибку, и на диске моментально появилась мерцающая вертикальная линия, а все окошечки единодушно показали единицы. «Я на орбите!» — обрадовался он. Да, но время обращения составляло 4 ча-

са 29 минут, а должно быть 4 часа 26 минут. Теперь он уж окончательно не знал, допустимое это отклонение или нет. Ломал голову, начал уже подумывать, не отстегнуть ли пояса, — шпаргалка лежала под самым креслом, — но черт его знает, написано ли об этом в шпаргалке? И вдруг припомнил, что профессор Кааль говорил: «При расчете орбиты допустима погрешность до 0,3 процента». На всякий случай передал данные вычислителю: он находился в пределах допустимой погрешности. «Ну, как будто порядок», — сказал он себе и лишь теперь как следует осмотрелся.

Тяжесть исчезла, но он был пристегнут к креслу на совесть, только чувствовал себя очень легким. Передний экран — звезды, звезды и светло-бурый рубчик на самом нижнем крае, боковой экран — ничего, лишь чернота и звезды. Нижний экран — ага! Пиркс внимательно всматривался в Землю — он несея над ней на высоте от 700 до 2400 км, в зоне своей орбиты; Земля была огромная, заполняла весь экран, он как раз пролетал над Гренландией — ведь это Гренландия? Пока он решал, что это такое, оказался уже над Северной Канадой. Вокруг полюса искрились снега, океан был черно-фиолетовый, выпуклый, гладкий, словно отлитый из чугуна, удивительно мало туч — будто кто-то разбрызгал по выпуклой поверхности жидкую кашницу. Пиркс взглянул на часы.

Он летел уже семнадцать минут.

Теперь полагалось поймать радиосигналы ПАЛа и следить за радарам при прохождении его зоны. Как называются эти два кораб-

ля? РО? Нет, ИО. А номера? Он заглянул в листок с заданием, засунул его вместе с бортовым журналом в карман и подвигал на груди контрольный регулятор. Раздался писк, треск. ПАЛ... какой у него сигнал? Ага, Морзе... Он напрягал слух, поглядывал на экраны, Земля медленно поворачивалась под ним, звезды быстро передвигались на экранах, а ПАЛа нет как нет — ни слуху, ни духу.

Вдруг он услышал жужжание.

«ПАЛ?— подумал Пиркс, но тотчас же отбросил эту мысль.— Идиотизм! Ведь спутники не жужжат! Что жужжит?»

«Ничего не жужжит,— ответил он самому себе.— Так что же это? Авария?»

Он как-то совсем не испугался. Что за авария, если он летит с выключенным двигателем? Жестянка сама по себе рассыпается — так, что ли? А может, короткое замыкание? А, замыкание! Боже милостивый! Противопожарная инструкция ИА: «Пожар в космосе на орбите»... параграф... черт бы его побрал! Жужжит и жужжит, он едва слышал попискивание отдаленных сигналов.

«Совсем как муха в стакане», — подумал он, обалдев, лихорадочно переводя взгляд с одного циферблата на другой. И тут он увидел ее.

Это была муха-гигант, зеленовато-черная, той отвратительной породы, которая словно создана лишь затем, чтобы отравлять людям жизнь, наглая, назойливая, идиотская и в то же время хитрая, шустрая муха, которая прямо чудом (а как же иначе?) влезла в ракету и летала теперь за прозрачным колпаком,

тыкаясь, как жужжащий шарик, в светящиеся диски циферблатов.

Когда она приближалась к вычислителю, ее жужжание гремело в наушниках, как четырехмоторный самолет: над верхней рамой вычислителя помещался резервный микрофон, чтобы им можно было пользоваться без ларингофона, из-за кресла, если кабели радиофона будут выключены. Зачем? На всякий случай. Подобных приспособлений было немало.

Пиркс проклинал этот микрофон. Он боялся, что не услышит сигналов ПАЛа. В довершение всех бед муха начала предпринимать вылазки и в другие места. Несколько минут он невольно водил за ней взглядом, пока наконец не сказал себе строго, что ему на эту муху наплевать.

Жаль, что нельзя туда насыпать ДДТ.

— Хватит!

Зажужжало так, что он даже поморщился. Муха разгуливала по вычислителю. Стало тихо — она чистила крылышки. Что за отвратительная муха!

В наушниках возник равномерный, далекий писк — три точки, тире, две точки, два тире, три точки, тире — ПАЛ!

— Ну, а теперь надо глядеть в оба! — сказал он себе и приподнял немного кресло: все три экрана были у него перед глазами. Он проверил еще раз, как движется фосфорический управляющий луч радара, и ждал. На радаре не было ничего. Но кто-то кричал:

— А-7 Земля — Луна... А-7 Земля — Луна, сектор III, курс 113, вызывает ПАЛ ПЕЛЕНГ. Дайте пеленг. Прием.

— Вот несчастье, как же я теперь услышу моих ИО! — заволновался Пиркс.

Муха взвыла в наушниках и исчезла. Вскоре тень накрыла его сверху — словно летучая мышь уселась на лампу. Это была муха. Она ползала по стеклянному пузырю, будто исследуя, что скрывается внутри него. Тем временем в эфире становилось тесно. ПАЛ, который уже виднелся (он действительно выглядел, как гигантская палица: это был 800-метровый цилиндр из алюминия, заканчивающийся шаром обсерватории), летел над ним на расстоянии каких-нибудь четырехсот километров, — может, чуть больше — и медленно обгонял его.

— ПАЛ ПЕЛЕНГ к А-7 Земля—Луна, сто восемьдесят запятая четырнадцать, сто шесть запятая шесть. Отклонение растет линейно. Конец.

— Альбатрос-4 Марс — Земля вызывает ПАЛ Главный. ПАЛ Главный, схожу на заправку сектор II, схожу на заправку сектор II, иду на резерве. Прием.

— А-7 Земля — Луна вызывает ПАЛ ПЕЛЕНГ...

Остального он не слышал, все звуки поглотило жужжание мухи. Наконец она утихла.

— Главный к Альбатросу-4 Марс — Земля, заправка в седьмом секторе, Омега Главная, заправка перенесена на Омегу Главную. Конец.

«Они нарочно здесь столпились, чтобы я ничего не слышал», — подумал Пиркс.

Предохраняющее от пота белье прямо-таки плавало на теле. Муха, жужжа, яростно кружилась над диском вычислителя, словно ста-

раясь во что бы то ни стало догнать собственную тень.

— Альбатрос-4 Марс — Земля, Альбатрос-4 Марс — Земля к ПАЛу Главному, выхожу в седьмой сектор, выхожу в седьмой сектор, прошу пилотировать по интеркому. Конец.

Послышался удаляющийся писк интеркома, утонувший в нарастающем жужжании. В этот гул ворвались слова:

— ИО-2 Земля — Луна, ИО-2 Земля — Луна вызывает АМУ-27, АМУ-27. Прием.

— Интересно, кого он вызывает? — подумал Пиркс и вдруг подпрыгнул в своих поясах.

«АМУ»... — хотел он сказать, но охрипшая глотка не пропускала ни звука. В наушниках жужжало. Муха. Он закрыл глаза.

— АМУ-27 вызывает ИО-2 Земля — Луна. Нахожусь в квадранте 4, сектор ПАЛ, включаю позиционные огни. Прием.

Пиркс включил свои позиционные огни — два красных по бокам, два зеленых по носу, один голубой сзади — и ждал. Ничего не было слышно, кроме мухи.

— ИО-2 бис Земля — Луна. ИО-2 бис Земля — Луна, вызываю... — Снова жужжание.

«Это, пожалуй, меня?» — подумал он в отчаянии.

— АМУ-27 к ИО-2 бис Земля — Луна. Нахожусь в квадранте 4, граничный сектор ПАЛ. Все позиционные огни включены. Прием.

Теперь оба ИО отозвались одновременно — он включил селектор очередности, чтобы приглушить того, кто отозвался вторым, но жужжание продолжалось, — конечно, муха!

«Я, кажется, повешусь!» — подумал Пиркс. Ему не пришло в голову, что из-за невесомости даже такой выход невозможен.

— Вдруг он увидел на экране радара оба свои корабля — они шли за ним параллельным курсом на расстоянии не более девяти километров друг от друга, следовательно, в зонах взаимно запрещенных. Его обязанностью, как пилотирующего, было приказать им разойтись на дозволенное расстояние — 14 километров. Он контролировал по радару положение пятнышек, обозначающих корабли, когда муха уселась на одном из них. Он запустил в нее бортовым журналом, тот не долетел до цели, ударился о прозрачную оболочку и, вместо того чтобы соскользнуть с нее, полетел назад, потом вверх, ударился о свод стеклянного пузыря и закружился там — невесомость! Муха даже не соизволила улететь — она медленно отползла.

— АМУ-27 Земля — Луна к ИО-2, ИО-2 бис. Я вас вижу. У вас бортовое сближение. Перейти на параллельные курсы с поправкой ноль запятая ноль один. Выполнив маневр, перейти на прием. Конец.

Оба пятнышка начали не спеша расходиться, возможно, они говорили ему что-то, но он слышал только муху. А та с жужжанием разгуливала по микрофону вычислителя. Нечем уже было швырнуть в нее. Бортовой журнал плавал над ним, тихо шелестя страницами.

— ПАЛ Главный к АМУ-27 Земля — Луна. Выйти из граничного квадранта, выйти из граничного квадранта, принимаю транссолнечный корабль. Прием.

«Какая наглость! Еще и транссолнечный подвернулся! Какое мне дело до транссолнечного?! Кораблям, идущим в строю, предоставляется первенство!» — подумал Пиркс и начал кричать, изливая в крике всю свою бессильную ненависть к мухе:

— АМУ-27 Земля — Луна к ПАЛу Главному. С квадранта не схожу, мне наплевать на транссолнечный, я иду в треугольном строю: АМУ-27, ИО-2, ИО-2 бис, эскадра Земля — Луна, ведущий АМУ-27. Конец.

«Не следовало говорить, что мне наплевать на транссолнечный, — подумал он. — Ясно — заработал штрафные очки. Чтоб их всех черти побрали! А за муху кто получит штрафные? Тоже я!»

Он подумал, что такая история с мухой могла приключиться только с ним. Муха! Важное дело! Он представил себе, как Смига с Бёрстом покатывались бы со смеху, если бы узнали об этой идиотской мухе. Впервые с момента старта он подумал о Бёрсте. Впрочем, не было у него ни минутки, чтобы думать: ПАЛ все больше отставал. Они летели втроем уже пять минут.

— АМУ-27 к ИО-2, ИО-2 бис Земля — Луна. Двадцать часов ноль семь минут. Маневр выхода на параболический курс Земля — Луна начинаем в двадцать часов ноль десять минут. Курс сто одиннадцать... — прочел он на листке, который ему только что удалось с ловкостью акробата схватить в воздухе у себя над головой. Его корабли ответили. ПАЛ уже скрылся из виду, но Пиркс все еще слышал его — не то его, не то муху. Вдруг жужжание как бы раз-

двоилось. Ему хотелось протереть глаза. Так и есть. Их было уже две. Откуда же выползла вторая?

«Теперь они меня прикончат», — подумал он спокойно, совсем спокойно.

Было даже что-то приятное в такой уверенности: уже не стоило ни с чем возиться, трепать себе нервы — мухи все равно доконают. Это продолжалось секунду, потом Пиркс глянул на часы: наступил момент, который он сам назначил для начала маневра, а он не успел даже руки положить на рычаги!

Муки тысячекратных упражнений, как видно, не пропали впустую: он вслепую схватил оба рычага, следя за траектометром, двинул правый, потом левый. Двигатель глухо отозвался, потом что-то зашипело, он получил удар по голове и даже охнул от неожиданности: бортовой журнал хлопнул его корешком по лбу, у самого края шлема! Он закрыл все лицо, Пиркс не мог сбросить его — обе руки были заняты. В наушниках жужжало и бурлило от любовной игры мух на вычислителе. «В полет должны давать револьвер», — подумал он, чувствуя, как бортовой журнал под действием возрастающего ускорения расплющивает ему нос. Пиркс как безумный мотал головой — ведь надо же ему видеть траектометр! Журнал весил примерно три килограмма; вдруг он, хлопнув, свалился на пол — так и есть, было почти 4 g. Пиркс тотчас же уменьшил ускорение, поддерживая его в границах маневра, укрепил защелки рычагов — теперь ускорение было 2 g. Неужели мухам это не вредит? Ничего им не делалось. Они чувствовали себя великолепно.

Он должен был лететь так целых 83 минуты. Пиркс посмотрел на экран радара: оба ИО шли следом, расстояние между его кормой и ими возросло приблизительно до семидесяти километров; это потому, что несколько секунд ускорение доходило до 4 g и он выскочил вперед. Не беда.

Теперь у него было немного свободного времени — до самого конца полета с ускорением. 2 g — это ничего особенного. Он сейчас весил всего-навсего сто сорок два килограмма. Ему случалось сидеть в лабораторной центрифуге и по полчаса при 4 g.

— Другое дело, что это неприятно: руки и ноги будто налиты свинцом, головой невозможно даже пошевелить — в глазах темнеет.

Он еще раз проверил положение обоих своих кораблей за кормой и подумал: «А что теперь делает Бёрст?» Он представил себе его лицо — вероятно, оно выглядело совсем как в кинофильме. Вот ведь карточка у парня! Нос прямой, глаза серые — стальные... и, уж конечно, он-то не взял с собой никакого брика! Хотя и Пирксу шпаргалка пока не понадобилась. Жужжание в наушниках затихло: обе мухи ползали над ним по стеклянной поверхности колпака, их тени пробегали по лицу, — в первый раз его даже передернуло. Пиркс посмотрел вверх: их черные лапки кончались приплюснутыми утолщениями, брюшко в свете ламп отливало металлическим блеском. Мерзость!

— Порыв-8 Марс — Земля вызывает тройку Земля — Луна, квадрант 16, курс одиннадцать запятая шесть. Вижу вас на сближающемся

курсе одиннадцать минут тридцать две секунды, прошу изменить курс. Прием.

— Ну и везение! — застонал Пиркс. — Болван, прет прямо на меня... ведь видит же, что я иду в строю!

— АМУ-27, ведущий тройку Земля — Луна, ИО-2, ИО-2 бис, вызывает Порыв-8 Марс — Земля. Иду в строю, курс не изменю, выполняйте маневр расхождения. Конец.

Произнося эти слова, он искал на радаре этого наглеца «Порыв-8» и нашел. На расстоянии не более полутора тысяч километров!

— Порыв-8 к АМУ-27 Земля — Луна. У меня пробито гравиметрическое распределение, немедленно выполняйте маневр расхождения, точка пересечения курсов сорок четыре ноль восемь, квадрант Луна четыре, граничная зона. Прием.

— АМУ-27 к Порыву-8 Марс — Земля, ИО-2, ИО-2 бис Земля — Луна, произвожу маневр расхождения в двадцать часов тридцать девять минут, одновременный поворот за ведущим на расстоянии видимости, отклонение на север, сектор Луна один ноль запятая шесть, включаю двигатели малой тяги. Прием.

Говоря это, Пиркс одновременно включил оба нижних двигателя рулевого управления. Оба ИО сейчас же ответили, повернули, звезды поплыли на экранах. «Порыв-8» поблагодарил, он летел к Луне Главной. Пиркс вдруг воодушевился и пожелал ему счастливого прилунения по всем правилам хорошего тона, тем более что с ним приключилась авария. Теперь он видел «Порыв» на расстоянии тысячи километров с горящими позиционными огнями. За-

тем Пиркс вызвал свои ИО и снова начал ложиться на прежний курс — кошмар! Известно, что нет ничего легче, чем сойти с курса, а отыскать потом тот же самый отрезок параболы кажется просто немыслимым. Новое ускорение, он не успевал передавать координаты вычислителю, по нему ползали мухи, а потом начали гоняться друг за другом — их тени метались на экране. И откуда у этих тварей берется столько сил? Прошло добрых двадцать минут, пока корабли наконец очутились на первоначальном курсе.

«А у Бёрста дорога, наверное, как пылесосом вычищена! — подумал Пиркс. — Впрочем, что ему! Он одной рукой с чем угодно управится».

Он включил автомат редуктора ускорения, чтобы на 83-й минуте получить ускорение, равное нулю, согласно инструкции, и тут увидел такое, что его мокрое белье, предохраняющее от пота, стало ледяным.

С распределительного щита — миллиметр за миллиметром — сползала белая крышка. Как видно, она была слабо закреплена и во время толчков ракеты при маневре возврата (а он действительно маневрировал очень резко) задвижки отошли. Между тем ускорение все еще составляло $1,7 g$; крышка медленно-медленно сползала, словно кто-то тянул ее снизу за невидимую нить, наконец сорвалась и упала. Она ударилась о стекло колпака и соскользнула на пол. Обнажившись, заблестели четыре медных провода высокого напряжения, а под ними предохранители.

«Ну... и чего же я, собственно, перетру-

сил? — подумал Пиркс. — Упала крышка и упала — подумаешь! Не все ли равно, с крышкой или без крышки?»

Однако он беспокоился: такие вещи не должны случаться. Если может упасть крышка с предохранителей, то и корма ракеты может отвалиться.

Осталось уже только двадцать семь минут полета с ускорением, когда Пиркс подумал, что после выключения двигателей крышка сделается невесомой и начнет летать. Может, она натворит каких-нибудь бед? Пожалуй, нет. Слишком легка. Даже ни одного стеклышка не разобьет. Э, ничего!

Он поискал глазами мух: гоняясь друг за другом, кружась, жужжа, они летали вокруг кабины и наконец уселись под предохранителями. Пиркс потерял их из виду.

На экране он нашел оба свои ИО — они шли по курсу. В переднем экране виднелся огромный, занимающий половину неба диск Луны. Однажды они проводили селенографические учения в кратере Тихо — тогда еще Бёрсг произвел вычисления при помощи самого обычного переносного теодолита... Эх, черт возьми, чего только он не умеет! Пиркс попытался отыскать Луну Главную на внешнем скате Архимеда. Она едва виднелась, почти вся укрытая в скалах, можно было разглядеть лишь гладкую поверхность ракетодома с сигнальными огнями — и то, конечно, когда она оказывалась в зоне темноты, а теперь там светило солнце. Правда, сама станция лежала в полосе тени, которую отбрасывал кратер, но контраст с ослепительно сверкающим диском был так

резок, что слабенькие огоньки сигнализации вообще не просматривались.

Казалось, на Луну никогда не ступала нога человека, от Лунных Альп ложились длинные-длинные тени на равнину Моря Дождей. Пиркс вспомнил, как перед полетом на Луну — тогда они летели целой группой и были еще обыкновенными пассажирами — Ослиная Лужайка попросил его проверить, видны ли с Луны звезды седьмой величины, а он-то, осел, взялся за это с величайшим воодушевлением. Начисто забыл, что днем с Луны вообще не видно никаких звезд — глаза слишком ослеплены блеском солнца, отраженным от ее поверхности. Ослиная Лужайка еще долго поминал ему эти звезды с Луны.

Диск медленно распухал в экранах — скоро он окончательно вытеснит черное небо с переднего экрана.

Странно — ничто не жужжало. Он взглянул в сторону — и оцепенел от ужаса: одна муха сидела на выпуклой поверхности предохранителя и чистила себе крылышки, а вторая ухаживала за ней. Рядом, в нескольких миллиметрах, блестел кабель. Изоляция кончалась немного выше, все четыре кабеля, толщиной почти в карандаш, были обнажены. Напряжение не такое уж высокое, 1000 вольт, и потому промежутки между ними не были большими, всего семь миллиметров. Он случайно знал, что семь. Они однажды разбирали всю электропроводку, и за то, что Пиркс не знал, какие расстояния должны быть между проводами, он всякого наслушался от ассистента. Мухе надоело ухаживать, и теперь она ползала по об-

наженному проводу. Ей это, конечно, ничуть не вредило. А вот если ей захочется перелезть на другой... видно, ей как раз захотелось этого: она зажужжала и уселась на самой крайней медной жиле. Как будто во всей кабине не нашлось другого места! А вдруг она станет передними лапками на один провод, а задними на другой...

Ну и что ж? В худшем случае произойдет короткое замыкание. Впрочем, муха, пожалуй, не так уж велика. А если даже и произойдет, то на мгновение, автоматический предохранитель выключит ток, муха сгорит, автомат опять включит ток, и все придет в норму — зато от мухи он избавится! Как загипнотизированный, Пиркс смотрел на щит высокого напряжения. Все-таки ему не хотелось, чтобы эта тварь производила опыты. Короткое замыкание — черт его знает, что из этого получится... Вроде ничего, но зачем?

Часы: еще восемь минут при постепенно ослабевающей тяге двигателей. Сейчас кончится. Он как раз смотрел на часы, когда что-то сверкнуло и свет погас. Продолжалось это, вероятно, около трети секунды. Муха! Затаив дыхание, он дожидался, пока автомат включит ток. Включил.

Свет загорелся, но оранжевый, слабый, и тут же снова щелкнул предохранитель. Тьма. Автомат опять включил ток. Выключил. Включил. И так беспрерывно, без конца. Лампы светили вполнакала. В чем дело? С трудом он рассматривал при равномерно мигающем свете: от мухи — втиснулась-таки эта тварь между двумя проводами! — остался трупик, продолгова-

тый уголек, который продолжал соединять провода.

Нельзя сказать, чтобы Пиркс уж очень перепугался. Он был взволнован, но разве с момента старта он хоть минуту чувствовал себя спокойным? Часы были видны плохо. Щиты имели собственное освещение, радар тоже. Тока хватало как раз на то, чтобы аварийные огни и резервная цепь не включались, но для полного освещения его явно не доставало. До момента выключения двигателей оставалось четыре минуты.

Об этом ему заботиться не приходилось: автомат должен сам выключить двигатели. Ледяная струйка пробежала вдоль позвоночника — как же сработает автомат, если произошло короткое замыкание?

Какую-то секунду он колебался: та самая это цепь или другая? Потом сообразил, что это главные предохранители. Для всей ракеты и для всех цепей. Но как же котел, ведь он сам по себе?..

Котел — да. Но не автомат. Ведь ты же сам предварительно отрегулировал его. Значит, надо выключить. Или лучше не трогать? Авось как-нибудь сработает!

Конструкторы не учли, что в кабину управления может попасть муха, что крышка может свалиться и произойдет короткое замыкание — да еще какое!

Свет беспрерывно мигал. Надо было что-то предпринимать. Но что?

Очень просто: надо переключить главный выключатель, который находится под полом, за креслом. Он выключит главную цепь и при-

ведет в действие аварийную. И все будет в порядке. Ракета не так уж плохо сконструирована, все предусмотрено для обеспечения надлежащей безопасности.

Любопытно, а пришло бы это вот так, сразу, в голову Бёрсту? Следует опасаться, что пришло бы. Может быть, даже... Но осталось всего две минуты!!! Он не успеет произвести маневр! Пиркс подпрыгнул на месте. Он начисто забыл о тех двоих!

Несколько секунд он соображал, закрыв глаза.

— АМУ-27, ведущий Земля—Луна, к ИО-2, ИО-2 бис. У меня короткое замыкание в кабине управления. Маневр выхода на временно-постоянную орбиту над экваториальной зоной Луны выполняю с опозданием в... э... в неопределенный срок. Выполняйте маневр самостоятельно в установленный момент. Прием.

— ИО-2 бис к ведущему АМУ-27 Земля—Луна. Выполняю маневр одновременно с ИО-2, выхожу на временно-постоянную орбиту над экваториальной зоной. До момента прилунения у тебя остается девятнадцать минут. Желаю успеха. Желаю успеха. Конец.

Едва дослушав, Пиркс отвинтил кабель радифона, кислородный шланг, второй кабель — пояса он расстегнул заранее. Когда он поднимался с кресла, табло автомата вспыхнуло рубиновым светом. Вся кабина то возникла из тьмы, то погружалась в мутный оранжевый полусвет. Двигатель не выключился. Красный огонек смотрел на него из полутьмы, словно спрашивая совета. Раздалось равномерное гудение — предостерегающий сигнал.

Автомат не смог выключить двигателя. Стараясь сохранить равновесие, Пиркс бросился за кресло.

Выключатель находился в кассете, вделанной в пол. Кассета заперта на ключ. Да, конечно, заперта. Он дернул крышку — не поддается! Где же ключ?

Ключа не было. Дернул еще раз — результат тот же.

Пиркс выпрямился и уставился перед собой невидящими глазами: на передних экранах пылала уже не серебристая, а белая, как горные снега, гигантская Луна. Зубчатые тени кратеров передвигались по ее диску. Отозвался радарный альтиметр — или он давно уже работал? Он мерно тикал, из полумрака выскакивали маленькие зеленые цифры. Расстояние — двадцать одна тысяча километров.

Свет мигал без устали, предохранитель регулярно выключал ток. Но когда гас свет, в кабине уже не наступала темнота: призрачное сияние Луны заливало ракету и лишь слегка ослабевало, когда лампы вспыхивали своим тускловатым светом.

Корабль летел прямо, все время прямо и все увеличивал скорость при остаточном ускорении $0,2g$, вдобавок Луна притягивала его все сильнее. Что делать? Что делать? Он рванулся еще раз к кассете, ударил ногой по крышке — сталь не дрогнула.

Сейчас, сейчас! Боже! Как он мог так обалдеть! Надо... надо просто попасть туда, по ту сторону оболочки! Ведь это возможно! У самого выхода, там, где стеклянная банка, сужаясь в туннель, становится воронкой, кончающейся

у затвора, находится специальный рычаг, покрытый красным лаком, с надписью: «Только в случае аварии в системе управления». Стоит его передвинуть, и стеклянный колпак поднимется почти на метр — можно будет подлезть под него! Каким-нибудь кусочком изоляции очистить провода и...

Одним прыжком он очутился у красного рычага.

«Идиот!» — выругал он себя мысленно, схватился за стальную рукоятку и так дернул ее, что у него хрустнул плечевой сустав. Рукоятка выскочила на всю длину сверкающего машинным маслом стального прута, — а пузырь хоть бы дрогнул! Обалдев, Пиркс глядел на пузырь — и видел в глубине экраны, заполненные пылающей Луной. Свет беспрерывно мигал над его головой. Он еще раз дернул рукоятку, хоть она была уже вытянута до отказа... Ничего.

Ключ! Ключ от кассеты с выключателем! Он бросился плашмя на пол, заглянул под кресло. Там лежал только брик... Свет неустанно мигал, предохранители регулярно выключали ток. Когда свет гас, все вокруг становилось белым, будто вырезанным из костей скелета.

«Конец! — подумал он. — Выброситься вместе с пузырем? Катапультироваться с креслом? Нельзя — парашют не затормозит, ведь на Луне нет атмосферы».

«Спасите!!!» — хотелось ему кричать, но не к кому было взывать, он один. Что делать? Должен же быть какой-то выход!!

Пиркс еще раз кинулся к рукоятке, дер-

нул — чуть рука из сустава не выскочила. Он готов был заплакать от отчаяния. Так глупо, так глупо... Где же ключ? Почему механизм заело? Альтиметр... Он быстрым взглядом окинул циферблаты: девять с половиной тысяч километров. На светящемся фоне отчетливо выделялись зубчатые края Тимохариса. Ему казалось, что он уже ясно видит место, где врежется в покрытую пемзой скалу. Будет грохот, огонь и...

Вдруг, при очередной вспышке света, его лихорадочно блуждающий взгляд упал на четыре медные жилы. Там отчетливо чернел маленький уголек, соединяющий кабели, — останки сгоревшей мухи. Выставив плечо, как вратарь в отчаянном броске, Пиркс прыгнул вперед; удар был страшным, от сотрясения он едва не потерял сознание. Эластичная оболочка отбросила его, как надутая автомобильная шина, он упал на пол. Кабина не дрогнула. Он вскочил на ноги, тяжело дыша, с окровавленными губами, готовый опять броситься на стеклянную стену.

И тут он глянул вниз.

Рычаг простого пилотажа. Для больших кратковременных ускорений, до $10g$, но только на долю секунды. Он действовал непосредственно, на механической тяге. Давал мгновенный аварийный ход.

Но этим путем он мог лишь увеличить скорость, то есть еще быстрее долететь до Луны. Нет, надо тормозить. Эффект был слишком кратковременным. Торможение должно быть непрерывным. А простой пилотаж — ни к чему?

Он бросился на рычаг, падая, схватился за

него, рванул — и, лишенный амортизирующей защиты кресла, почувствовал, что буквально разваливается на части — так сильно ударился об пол. Он потянул за рычаг еще раз. Такой же страшный, мгновенный рывок ракеты! Пиркс стукнулся головой об пол, — если б не пенопласт, разбил бы ее вдребезги.

Предохранитель звякнул, мигание внезапно прекратилось. Кабину залил нормальный, спокойный свет ламп.

Двойной толчок молниеносных ускорений выбросил обугленный трупик мухи, застрявший между проводами. Короткое замыкание было ликвидировано. Чувствуя на губах соленый вкус крови, Пиркс кинулся в кресло, будто прыгнул с трамплина, но не попал в его объятия, пролетел высоко над спинкой — страшный удар о потолок, чуть ослабленный шлемом.

В тот момент, когда он готовился к прыжку, вступивший в действие автомат выключил двигатели. Корабль, теперь уже только по инерции, камнем падал прямо на скалистые зубцы Тимохариса.

Пиркс оттолкнулся от потолка. Кровавая слюна, которую он выплюнул, плавала вокруг него красновато-серебристыми пузырьками. Он отчаянно извивался в воздухе, протягивая руки к спинке кресла. Вытащил из карманов все, что в них было, и швырнул за спину.

От этого рывка его тело начало медленно и мягко опускаться все ниже, пальцы, вытянутые так, что жилы лопались, сначала царапнули ногтями по никелированной трубке, потом вцепились в нее. Теперь уж он не выпустит. Он подтягивался вниз головой, как акробат,

делающий стойку на ручках кресла, поймал пояс, по поясу съехал вниз, обмотал его вокруг тела, застегнул... Он не стал тратить время на застегивание, зажал конец пояса зубами — держится! Теперь руки на рукоятки, ноги на педали!

Альтиметр: тысяча восемьсот километров до Луны. Успеет он затормозить? Исключено! Сорок пять километров в секунду! Надо повернуть, провести глубокий выход из пикирующего полета — только так!

Пиркс включил рычаги поворота — 2... 3... 4g. Мало! Мало!!

Он дал полную тягу на поворот. Сверкающий ртутным блеском диск Луны на экране, словно вмурованный в него снаружи, теперь дрогнул и начал все быстрее опускаться вниз. Кресло скрипело под возрастающей тяжестью тела. Корабль входил в дугу с большим радиусом над самой поверхностью Луны — такой радиус был необходим из-за огромной скорости. Рукоятка стояла неподвижно, дожатая до отказа. Тело вдавливалось в губчатую обивку кресла, Пиркс задыхался — комбинезон не был соединен с кислородным аппаратом, он чувствовал, как гнутся его ребра, серые пятна поплыли перед глазами. Он ждал слепоты, не отрываясь от рамки радарного альтиметра, на циферблате которого мелькали маленькие цифры: 990... 840... 760 километров...

Хоть он и знал, что идет на полной мощности, но продолжал нажимать на рукоятку. Он делал самый крутой поворот, какой только был возможен, и, несмотря на это, продолжал терять высоту, цифры уменьшались, хотя и

медленнее, — он все еще находился в нисходящей части большой дуги. Пиркс посмотрел на траектометр — он едва смог повернуть зрачки.

Как обычно в опасной зоне небесных тел, диск аппарата показывал не только кривую, которую чертила ракета, и слабо светящееся воображаемое продолжение траектории, но также профиль поверхности Луны, над которой проводился весь этот маневр.

Обе эти кривые — полета и лунной поверхности — почти сходились. Пересекаются ли они? Нет. Но его дуга была почти касательной. Не известно, проскользнет он над самой поверхностью Луны или врежется в нее. Траектометр работал с точностью до семи-восьми километров, и Пиркс не мог знать, проходит ли кривая в трех километрах над скалами или под ними.

Темнело в глазах — 5g делали свое дело. Но сознания он не потерял. Лежал ослепший — руки крепко сжимали рычаги, — чувствуя, как постепенно подаются амортизаторы кресла. Он не верил, что погибнет. Как-то не мог в это поверить. Он был уже не в силах шевелить губами, и в окутавшей его тьме лишь медленно считал про себя: 21... 22... 23... 24...

Дойдя до пятидесяти, подумал: сейчас произойдет столкновение, если оно вообще должно произойти. И все-таки не выпускал из рук рычаги. Он понемногу терял сознание: духота, звон в ушах, в горле полно крови, перед глазами — кровавая тьма.

Пальцы разжались сами, рукоятка медленно сдвинулась, он уже ничего не слышал, ни-

чего не видел. Постепенно светлело — дышать стало легче. Он хотел открыть глаза, — но ведь они были все время открыты, и теперь их жгло: пересохла слизистая оболочка глазного яблока.

Он сел.

На гравиметре — 2g. Передний экран пуст. Звездное небо. От Луны ни следа. Куда делась Луна?

Она была внизу, под ним. Он вырвался из смертельного пике и теперь удалялся от Луны с сокращающейся скоростью. На какой высоте он проскочил над Луной? Это, конечно, зарегистрировал альтиметр, сейчас Пирксу было не до исследования цифровых данных! Только теперь он осознал, что гудевший непрерывно сигнал тревоги умолк. Очень нужен такой сигнал! Лучше б уж колокол повесили под потолком. Кладбище, так кладбище. Что-то тихонько зажужжало. Муха! Вторая муха! Жива, скотина этакая! Она летала под самым куполом. Во рту у Пиркса было что-то отвратительное, жесткое, с привкусом ткани — конец предохранительного пояса! Он все время безотчетно сжимал его зубами.

Пиркс пристегнул пояса, положил руки на рычаги — надо было вывести ракету на заданную орбиту. Ясное дело — обоих ИО уже и след простыл, но он должен доползти куда следует и сдать рапорт Луне Навигационной. А может быть, Луне Главной, поскольку у него была авария? Черт его знает! Или промолчать? Нет, это исключено. Вернется он — увидят кровь, даже потолок в красных брызгах (теперь он это заметил), да и автоматический

регистратор записал на ленту все, что здесь творилось: и фортели предохранителя, и борьбу с аварийным рычагом. Хороши же эти АМУ — нечего сказать! Хороши и те, кто подсовывает пилотам такие гробы!

Однако пора было рапортовать, а Пиркс все не знал кому. Он наклонился, отпустил немного плечевой ремень.

Протянул руку к шпаргалке, лежащей под креслом. В конце концов, почему бы и не заглянуть в нее? Хоть теперь пригодится.

И тут что-то скрипнуло — совсем так, будто отворилась какая-то дверь.

Никакой двери за ним не было — он это прекрасно знал. Привязанный поясами к креслу, он не мог обернуться назад. Но на экраны упала полоса света, звезды побледнели, и он услышал приглушенный голос шефа:

— Пилот Пиркс!

Пиркс хотел вскочить, но ремни не пустили, он упал обратно в кресло, — ему казалось, что он сошел с ума. В проходе между стенкой кабины и прозрачной оболочкой показалась фигура шефа. Он остановился перед Пирксом в сером мундире, глядел на него серыми глазами — и улыбался. Пиркс не понимал, что с ним происходит. Прозрачная оболочка поднялась вверх, Пиркс инстинктивно отстегнул пояса, встал. Экраны за спиной шефа внезапно погасли, будто их ветром задуло.

— Весьма хорошо, пилот Пиркс, — сказал шеф. — Весьма хорошо.

Пиркс все еще не соображал, что с ним делается. Он встал по команде «смирно» перед шефом и сделал страшную вещь — повернул

голову, насколько позволил надутый воротник.

Весь проход вместе с люком был раскрыт — словно ракета в этом месте лопнула пополам. В лучах вечернего солнца виднелся помост ангара, стоящие на нем люди, тросы, решетчатые фермы. Пиркс поглядел на шефа.

— Иди, мальчуган, — сказал шеф. И медленно протянул ему руку, которую Пиркс взял. Крепко сжав его пальцы, шеф добавил: — Выражаю тебе благодарность от имени Института полетов, а от своего собственного — прошу извинить меня. Это... это необходимо. А теперь идем, зайдешь ко мне. Сможешь умыться.

Он двинулся к выходу. Пиркс пошел за ним, ступая тяжело и неуклюже. Снаружи было холодно, веял слабый ветер — он врывался в ангар через раздвинутую часть свода. Обе ракеты стояли на тех же местах, что и раньше, лишь несколько длинных, толстых кабелей были подключены к их носам. Прежде этих кабелей не было.

Инструктор, стоявший на помосте, что-то говорил ему. Сквозь шлем он плохо слышал.

— Что? — спросил он машинально.

— Воздух! Выпусти воздух из комбинезона!

— Ага, воздух...

Он нажал клапан — зашипело. Пиркс стоял на помосте. Какие-то два человека в белых халатах ждали у барьера. Похоже было, что у его ракеты лопнул нос. Постепенно Пиркса начало охватывать ощущение странной слабости... изумления... разочарования... которое все определеннее переходило в гнев.

Отвинчивали крышку второй ракеты. Шеф стоял на помосте, люди в белых халатах что-то ему говорили. Внутри ракеты раздался слабый треск...

Какой-то коричневый извивающийся клубок выкатился оттуда, смутным пятном моталась голова без шлема, давилась криком...

У Пиркса подкосились ноги,

Этот человек...

Бёрст врезался в Луну.

УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС

Случилось это на четвертом году обучения, как раз перед каникулами.

К тому времени Пиркс уже отработал все практические занятия, остались позади зачеты на симуляторе*, два настоящих полета, а также «самостоятельное колечко», — полет на Луну с посадкой и обратным рейсом. Он чувствовал себя старым космическим волком, докой в этих делах, для которого любая планета — дом родной, а поношенный скафандр — излюбленная одежда; который первым замечает в космосе мчащийся навстречу метеоритный рой и с сакраментальным возгласом: «Внимание! Рой!» — совершает молниеносный маневр, спасая от гибели корабль, себя и своих менее расторопных коллег.

Так по крайней мере он себе это представлял, с огорчением отмечая во время бритья, что по нему совершенно не видно, сколько ему довелось пережить... Даже этот ласкудный случай при посадке в Центральном Заливе, когда прибор Гаррельсбергера взорвался чуть не в руках у него, не наградил Пиркса ни

---

* Симулятор — учебный стенд, создающий иллюзию космического полета. — *Прим. ред.*

одним седым волоском. Что говорить — он понимал бесплодность своих мечтаний о седине (а чудесно было бы все же иметь тронутые инеем виски!), но пускай бы хоть собрались у глаз морщинки, с первого взгляда говорящие, что появились они от напряженного наблюдения за звездами, лежащими на курсе корабля! Но он как был толстощеким, так и остался. А поэтому Пиркс скоблил притупившейся бритвой свою физиономию, которой втайне стыдился, и придумывал каждый раз все более потрясающие ситуации, чтобы в самом их конце стать хозяином положения.

Маттерс, который кое-что знал о его огорчениях, а кое о чем догадывался, посоветовал Пирксу отпустить усы. Трудно сказать, шел ли этот совет от души. Во всяком случае, когда Пиркс в минуту утреннего одиночества приложил перед зеркалом обрывок черного шнурка к верхней губе, его затрясло — такой у него был идиотский вид. Он усомнился в Маттерсе, хотя тот, возможно, не желал ему зла; и уж наверняка неповинна была в этом хорошенькая сестра Маттерса, которая сказала однажды Пирксу, что он выглядит «ужасно добропорядочно». Ее слова доконали Пиркса. Правда, в ресторане, где они тогда танцевали, не произошло ни одной из тех неприятностей, которых обычно побаивался Пиркс. Он только однажды перепутал танец, а она была настолько деликатна, что промолчала, и Пиркс не скоро заметил, что все остальные танцуют совсем другой танец. Но потом все пошло как по маслу. Он не наступал ей на ноги, в меру сил своих старался не хохотать (его хохот заставлял обо-

рачиваться всех встречных на улице), а потом проводил ее домой.

От конечной остановки нужно было еще порядочно пройти пешком, и он всю дорогу прикидывал, как дать ей понять, что он вовсе не «ужасно добропорядочен», — слова эти задела его за живое. Когда они уже подходили к дому, Пиркс переполошился. Он так ничего и не придумал, а вдобавок из-за усиленных размышлений молчал как рыба; в голове его царила пустота, отличавшаяся от космической лишь тем, что была пронизана отчаянным напряжением. В последнюю минуту пронеслись метеорами две-три идеи: назначить ей новое свидание, поцеловать ее, пожать ей руку (об этом он где-то читал) многозначительно, нежно и в то же время коварно и страстно. Но ничего не получилось. Он ее не поцеловал, не назначил свидания, даже руки не подал... И если б на этом все кончилось! Но, когда она своим приятным, воркующим голосом произнесла «Спокойной ночи», повернулась к калитке и взялась за задвижку, в нем проснулся бес. А может, это произошло просто потому, что в ее голосе он ощутил иронию, действительную или воображаемую, бог знает, но совершенно инстинктивно, как раз когда она повернулась к нему спиной, такая самоуверенная, спокойная... это, конечно, из-за красоты, держалась она королевой, красивые девушки всегда так... Ну, короче, он дал ей шлепок по одному месту, и притом довольно сильный. Услышал тихий, сдвленный вскрик. Должно быть, она порядком удивилась! Но Пиркс не стал дожидаться, что будет дальше. Он круто

повернулся и убежал, словно боялся, что она погонится за ним... На другой день, увидев Маттерса, он подошел к нему, как к mine с часовым механизмом, но тот ничего не знал о случившемся.

Пиркса беспокоила эта проблема. Ни о чем он тогда не думал (как легко это ему, к сожалению, дается!), а взял да отвесил ей шлепок. Разве так поступают «ужасно добропорядочные» люди?

Он не был вполне уверен, но опасался, что, пожалуй, так. Во всяком случае, после истории с сестрой Маттерса (с той поры он избегал этой девушки как огня) он перестал по утрам кривляться перед зеркалом. А ведь раньше он пал так низко, что несколько раз с помощью второго зеркала пытался найти такой поворот лица, который хоть частично удовлетворял бы его великие запросы. Разумеется, он не был законченным идиотом и понимал, как смешотворны эти обезьяньи ужимки, но, с другой стороны, ведь искал-то он не признаки красоты, помилуй бог, а черты характера! Ведь он читал Конрада и с пылающим лицом задумывался о великом молчании галактики, о мужественном одиночестве, — а разве можно представить себе героя вечной ночи, отшельника с такой ряшкой? Сомнения не рассеялись, но с кривлянием у зеркала он покончил, доказав себе, какая у него твердая, негибкая воля.

Эти волнующие переживания несколько улеглись, потому что подошла пора сдавать экзамен профессору Меринусу, которого за глаза называли Мериносом. По правде сказать,

Пиркс почти не боялся этого экзамена. Он всего лишь три раза наведывался в здание Института навигационной астродезии и астрогнозии, где у двери аудитории курсанты караулили выходящих от Мериноса не столько для того, чтобы отпраздновать их успех, сколько чтобы разузнать, какие новые каверзные вопросы придумал Зловещий Баран. Такова была вторая кличка сурового экзаменатора. Этот старик, — который в жизни ногой не ступал не то что на Луну, а даже на порог ракеты! — знал в силу теоретической эрудиции каждый камень в любом из кратеров Моря Дождей, скалистые хребты астероидов и самые неприступные районы на спутниках Юпитера; говорили, что ему прекрасно известны метеориты и кометы, которые будут открыты спустя тысячелетие, — он уже сейчас математически рассчитал их орбиты, предаваясь своему любимому занятию — анализу возмущения небесных тел. Необъятность собственной эрудиции сделала его придиричивым по отношению к микроскопическим знаниям курсантов.

Пиркс, однако, не боялся Меринуса, потому что подобрал к нему ключик. Старик ввел свою собственную терминологию, которой никто другой не применял в специальной литературе. Так вот, Пиркс, руководимый врожденной сметливостью, заказал в библиотеке все труды Меринуса и — нет, вовсе он их не читал — попросту перелистал и выписал сотни две мериносовских словесных уродов. Вызубрил их как следует и был уверен, что не провалится. Так оно и случилось. Профессор, уловив, в каком стиле Пиркс отвечает, встрепенулся, под-

нял лохматые брови и слушал Пиркса, как соловья. Тучи, обычно не сходявшие с его чела, рассеялись. Он словно помолодел, ведь он слушал будто самого себя. А Пиркс, окрыленный этой переменой в профессоре и собственным нахальством, неся на всех парусах, и, хотя полностью засыпался на последнем вопросе (тут нужно было знать формулы и вся мериносовская риторика не могла помочь), профессор вывел жирную четверку и выразил сожаление, что не может поставить пять.

Так Пиркс укротил Мериноса. Взял его за рога. Куда больше страха испытывал он перед «сумасшедшей ванной» — очередным и последним этапом накануне выпускных экзаменов.

Против «сумасшедшей ванны» не помогали никакие уловки. Прежде всего нужно было явиться к Альберту, который числился обычным служителем при кафедре экспериментальной астропсихологии, но фактически был правой рукой доцента и слово его стоило больше, нежели мнение любого ассистента. Он был доверенным лицом еще у профессора Балло, вышедшего год назад на пенсию на радость курсантам и к огорчению служителя (ибо никто так хорошо не понимал его, как отставной профессор). Альберт вел испытуемого в подвал, где в тесной комнатке снимал с его лица парафиновый слепок. Затем полученная маска подвергалась небольшой операции: в носовые отверстия вставлялись две металлические трубки. На этом дело кончалось.

Затем испытуемый отправлялся на второй этаж в «баню». Конечно, это была вовсе не баня, но, как известно, студенты никогда не

называют вещи их подлинными именами. Это было просторное помещение с бассейном, полным воды. Испытуемый — на студенческом жаргоне «пациент» — раздевался и погружался в воду, которую нагревали до тех пор, пока он не переставал ощущать ее температуру. Это было индивидуально: для одних вода «переставала существовать» при двадцати девяти градусах, для других — лишь после тридцати двух. Но, когда юноша, лежавший навзничь в воде, поднимал руку, воду прекращали нагревать и один из ассистентов накладывал ему на лицо парафиновую маску. Затем в воду добавляли какую-то соль (но не цианистый калий, как всерьез уверяли те, кто уже искупался в «сумасшедшей ванне»), — кажется, простую поваренную соль. Ее добавляли до тех пор, пока «пациент» (он же «утопленник») не всплывал так, что тело его свободно держалось в воде, чуть ниже поверхности. Только металлические трубки высывались наружу, и поэтому он мог свободно дышать.

Вот, собственно, и все. На языке ученых этот опыт назывался «устранение афферентных импульсов». И в самом деле, лишенный зрения, слуха, обоняния, осязания (присутствие воды очень скоро становилось неощутимым), подобно египетской мумии, скрестив руки на груди, «утопленник» покоился в состоянии невесомости. Сколько времени? Сколько был в состоянии выдержать.

Как будто ничего особенного. Однако в подобном состоянии с человеком начинало твориться нечто странное. Конечно, о переживаниях «утопленников» можно было вдоволь начи-

таться в учебниках по экспериментальной психологии. Но в том-то и дело, что переживания эти были сугубо индивидуальны. Около трети испытуемых не выдерживали не то что шести или пяти, а даже и трех часов. И все же игра стоила свеч, так как направление на преддипломную практику зависело от оценки за выносливость: занявший первое место получал первоклассную практику, совсем не похожую на мало интересное, в общем-то даже нудное пребывание на различных околоземных станциях. Невозможно было заранее предсказать, кто из курсантов окажется «железным», а кто сдастся; «ванна» подвергала нешуточному испытанию цельность и твердость характера.

Пиркс начал неплохо, если не считать того, что он без всякой нужды втянул голову под воду еще до того, как ассистент наложил ему маску; при этом он глотнул добрую кружку воды и получил возможность убедиться, что это самая обыкновенная соленая вода.

После того как наложили маску, Пиркс почувствовал легкий шум в ушах. Он находился в абсолютной темноте. Расслабил мускулы, как было предписано, и неподвижно повис в воде. Глаза он не мог открыть, даже если б захотел: мешал парафин, плотно прилежавший к щекам и ко лбу. Сначала зазудело в носу, потом зачесался правый глаз. Сквозь маску, конечно, почесаться было нельзя. О зуде ничего не говорилось в отчетах других «утопленников»; по-видимому, это был его личный вклад в экспериментальную психологию. Совершенно неподвижный, покоемся он в воде, которая не согревала и не охлаждала его нагое тело. Через

несколько минут он вообще перестал ее ощущать.

Разумеется, Пиркс мог пошевелить ногами или хоть пальцами и убедиться, что они скользкие и мокрые, но он знал, что с потолка за ним наблюдает глаз регистрирующей камеры; за каждое движение начислялись штрафные очки. Вслушавшись в самого себя, он начал вскоре различать тоны собственного сердца, необычно слабые и будто доносящиеся с огромного расстояния. Чувствовал он себя совсем неплохо. Зуд прекратился. Ничто его не стесняло. Альберт так ловко приладил трубки к маске, что Пиркс и забыл о них. Он вообще ничего не ощущал. Но эта пустота становилась тревожащей. Прежде всего он перестал ощущать положение собственного тела, рук, ног. Он еще помнил, в какой позе лежит, но именно помнил, а не ощущал. Пиркс начал соображать, давно ли он находится под водой, с этим белым парафином на лице. И с удивлением понял, что он, обычно умевший без часов определять время с точностью до одной-двух минут, не имеет ни малейшего представления о том, сколько минут — или, может, десятков минут? — прошло после погружения в «сумасшедшую ванну».

Пока Пиркс удивлялся этому, он обнаружил, что у него уже нет ни туловища, ни головы — вообще ничего. Совсем так, будто его вообще нет. Такое чувство не назовешь приятным. Оно скорее пугало. Пиркс будто растворялся постепенно в этой воде, которую тоже совершенно перестал ощущать. Вот уже и сердца не слышно. Из всех сил он напрягал

слух — безрезультатно. Зато тишина, целиком наполнявшая его, сменилась глухим гулом, непрерывным белым шумом, таким неприятным, что прямо хотелось уши заткнуть. Мелькнула мысль, что прошло, наверное, немало времени и несколько штрафных очков не испортит общей оценки: ему хотелось шевельнуть рукой.

Нечем было шевельнуть: руки исчезли. Он даже не то чтобы испугался — скорее обалдел. Правда, он читал что-то о «потере ощущения тела», но кто бы мог подумать, что дело дойдет до такой крайности?

«По-видимому, так и должно быть, — успокаивал он себя. — Главное — не шевелиться; если хочешь занять хорошее место, надо вытерпеть все это». Эта мысль поддерживали его некоторое время. Сколько? Он не знал.

Потом становилось все хуже.

Сначала темнота, в которой он находился, или, точнее, темнота, которой он был, заполнилась слабо мерцающими кругами, плавающими где-то на границе поля зрения, — круги эти даже и не светились, а смутно белели. Он повел глазами, почувствовал это движение и обрадовался. Но странно: после нескольких движений и глаза отказались повиноваться...

Но зрительные и слуховые феномены, эти мерцания, мелькания, шумы и гулы, были лишь безобидным прологом, игрушкой по сравнению с тем, что началось потом.

Он распадался. Уж даже и не тело — о теле и речи не было — оно перестало существовать с незапамятных времен, стало давнопрошедшим, чем-то утраченным навсегда. А может, его и не было никогда?

Случается, что придавленная, лишенная притока крови рука отмирает на некоторое время, к ней можно прикоснуться другой, живой и чувствующей рукой, словно к обрубку дерева. Почти каждому знакомо это странное ощущение, неприятное, но, к счастью, быстро проходящее. Но человек при этом остается нормальным, способным ощущать, живым, лишь несколько пальцев или кисть руки омертвели, стали будто посторонней вещью, прикрепленной к его телу. А у Пиркса не осталось ничего, или, вернее, почти ничего, кроме страха.

Он распадался — не на какие-то там отдельные личности, а именно на страхи. Чего Пиркс боялся? Он понятия не имел. Он жил ни наяву (какая может быть явь без тела?), ни во сне. Ведь не сон же это: он знал, где находится, что с ним делают. Это было нечто третье. И на опьянение абсолютно непохоже.

Он и об этом читал. Это называлось так: «Нарушение деятельности коры головного мозга, вызванное лишением внешних импульсов».

Звучало это не так уж плохо. Но на опыте...

Он был немного здесь, немного там, и все расплзалось. Верх, низ, стороны — ничего не осталось. Он силился припомнить, где должен быть потолок. Но что думать о потолке, если нет ни тела, ни глаз?

— Сейчас, — сказал он себе, — наведем порядок. Пространство — размеры — направления...

Слова эти ничего не значили. Он подумал о времени, повторял «время, время», будто же-

вал комок бумаги. Скопление букв без всякого смысла. Уже не он повторял это слово, а некто другой, чужой, вселившийся в него. Нет, это он вселился в кого-то. И этот кто-то раздувался. Распухал. Становился безграничным. Пиркс бродил по каким-то непонятым недрам, сделался громадным, как шар, стал невыносимым, слоноподобным пальцем, он весь был пальцем, но не своим, не настоящим, а каким-то вымышленным, неизвестно откуда взявшимся. Этот палец обособлялся. Он становился чем-то угнетающим, неподвижным, согнутым укоризненно и вместе с тем нелепо, а Пиркс, сознание Пиркса возникало то по одну, то по другую сторону этой глыбы, неестественной, теплой, омерзительной, никакой...

Глыба исчезла. Он кружился. Вращался. Падал камнем, хотел крикнуть. Глазные орбиты без лица, округлые, вытаращенные, расплывающиеся, если пробовать им сопротивляться, перли на него, лезли в него, распирали его изнутри, словно он резервуар из тонкой пленки, готовый вот-вот лопнуть.

И он взорвался...

Он распался на независимые друг от друга доли темноты, которые парили, как беспорядочно взлетающие клочки обуглившейся бумаги. И в этих мельканиях и взлетах было непонятное напряжение, усилие, будто при смертельной болезни, когда сквозь мглу и пустоту, прежде бывшие здоровым телом и превратившиеся в бесчувственную стынущую пустыню, что-то жаждет в последний раз отозваться, добраться до другого человека, увидеть его, прикоснуться к нему.

— Сейчас, — удивительно трезво сказал кто-то, но это шло извне, это был не он. Может, какой-то добрый человек сжалился и заговорил с ним? С кем? Где? Но ведь он слышал. Нет, это был не настоящий голос.

— Сейчас. Другие-то прошли сквозь это. От этого не умирают. Нужно держаться.

Эти слова все повторялись. Пока не утратили смысла. Опять все расползлось, как размокшая серая промокашка. Как снежный сугроб на солнце. Его размывало, он, недвижимый, неся куда-то, исчезал.

«Сейчас меня не будет», — подумал он вполне серьезно, ибо это походило на смерть, не на сон. Только одно он знал еще: это не сон. Его окружали отовсюду. Нет, не его. Их. Их было несколько. Сколько? Он не мог сосчитать.

— Что я тут делаю? — спросило что-то в нем. — Где я? В океане? На Луне? Испытание...

Не верилось, что это испытание. Как же так: немного парафина, какая-то подсоленная вода — и человек перестает существовать? Пиркс решил покончить с этим во что бы то ни стало. Он боролся, сам не зная с чем, будто приподнимал придавивший его огромный камень. Но не смог даже шелохнуться. В последнем проблеске сознания он собрал остатки сил и застонал. И услышал этот стон — приглушенный, отдаленный, словно радиосигнал с другой планеты.

На какое-то мгновение он почти очнулся, сосредоточился, — чтобы впасть в очередную агонию, еще более мрачную, все разрушающую.

Никакой боли он не ощущал. Э, если б была боль! Она сидела бы в теле, напоминала бы о нем, очерчивала бы какие-то границы, терзала бы нервы. Но это была безболезненная агония — мертвящий, нарастающий прилив небытия. Он почувствовал, как судорожно вдыхаемый воздух входит в него — не в легкие, а в эту массу трепещущих, скомканных обрывков сознания. Застонать, еще раз застонать, услышать себя...

— Если хочешь стонать, не мечтай о звездах, — послышался тот же неизвестный, близкий, но чужой голос.

Он одумался и не застонал. Впрочем, его уже не было. Он сам не знал, во что превратился: в него вливали какие-то липкие, холодные струи, а хуже всего было то — почему ни один болван даже не упомянул об этом? — что все шло через него насквозь. Он стал прозрачным. Он был дырой, решетом, извилист цепью пещер и подземных переходов.

Потом и это распалось — остался только страх и держался, даже когда тьма задрожала, как в ознобе, от бледного мерцания — и исчезла.

Потом стало хуже, намного хуже. Об этом, однако, Пиркс не мог впоследствии ни рассказать, ни даже вспомнить отчетливо и подробно: для таких переживаний еще не найдены слова. Ничего он не смог из себя выдавить. Да, да, «утопленники» обогащались, вот именно обогащались еще одним дьявольским переживанием, которого профаны даже представить себе не могут. Другое дело, что завидовать тут нечему.

Пиркс прошел еще много состояний. Некоторое время его не было, потом он снова появился, многократно умноженный; потом что-то выедало у него весь мозг, потом были какие-то путанные, невыразимые словами мучения — их объединял страх, переживший и тело, и время, и пространство. Все.

Страх-то он наглотался досыта.

Доктор Гротнус сказал:

— Первый раз вы застонали на сто тридцать восьмой минуте, второй раз — на двести двадцать седьмой. Всего три штрафных очка — и никаких судорог. Положите ногу на ногу. Проверим рефлексы... Как вам удалось продержаться так долго — об этом потом.

Пиркс сидел на сложенном вчетверо полотенце, чертовски шершавом и поэтому очень приятном. Ни дать ни взять — Лазарь. Не в том смысле, что он внешне был похож на Лазаря; но чувствовал он себя воистину воскресшим. Он выдержал семь часов. Занял первое место. За последние три часа тысячу раз умирал. Но не застонал. Когда его вытащили из воды, обтерли, промассировали, сделали укол, дали глоток коньяку и повели в лабораторию, где ждал доктор Гротнус, он мельком взглянул в зеркало. Он был совершенно оглушен, одурманен, будто не один месяц пролежал в горячке. Он знал, что все уже позади. И все же взглянул в зеркало. Не потому, что надеялся увидеть седину, а просто так. Увидел свою круглую физиономию, быстро отвернулся и зашагал дальше, оставляя на полу мокрые следы. Доктор Гротнус долго пытался вытянуть из него хоть какие-нибудь

описания пережитого. Шутка сказать — семь часов! Доктор Гротнус теперь по-иному смотрел на Пиркса: не то чтобы с симпатией — скорее с любопытством, как энтомолог, открывший новый вид бабочки. Или очень редкую букашку. Возможно, он видел в нем тему будущего научного труда?

Нужно с сожалением признать, что Пиркс оказался не особенно благодарным объектом для исследования. Он сидел и придурковато хлопал глазами: все было плоское, двухмерное; когда он тянулся к какому-нибудь предмету, тот оказывался ближе или дальше, чем рассчитывал Пиркс. Это было нормальное явление. Но не очень-то нормальным был его ответ на вопрос ассистента, пытавшегося добиться каких-нибудь подробностей.

— Вы там лежали? — ответил он вопросом на вопрос.

— Нет, — удивился доктор Гротнус, — а что?

— Так вы полежите, — предложил ему Пиркс, — сами увидите, каково там.

На следующий день Пиркс чувствовал себя уже настолько хорошо, что мог даже острить по поводу «сумасшедшей ванны». Теперь он стал ежедневно наведываться в главное здание, где под стеклом на доске объявлений вывешивались списки с указанием места практики. Но до конца недели его фамилия так и не появилась.

А в понедельник его вызвал шеф.

Встревожился Пиркс не сразу. Сначала он подсчитал свои прегрешения. Речь не могла идти о том, что впустили мышь в ракету «Ос-

тенса», — дело давнее, да и мышь была крошечная, и вообще тут говорить не о чем. Потом была эта история с будильником, автоматически включавшим ток в сетку кровати, на которой спал Мебиус. Но и это, собственно, пустяк. И не такое вытворяют в двадцать два года; к тому же шеф был снисходителен. До определенной границы. Неужели он узнал о «привидении»?

«Привидение» было собственной, оригинальной выдумкой Пиркса. Разумеется, ему помогали коллеги — есть же у него друзья. Но Барна следовало проучить. Операция «Привидение» прошла как по-писаному. Набили порохом бумажный кулек, потом из пороха же сделали дорожку, трижды опоясавшую комнату, и вывели ее под стол. Может, пороху насыпали действительно многовато. Другим концом пороховая дорожка выходила через щель под дверью в коридор. Барна заранее обработали: целую неделю по вечерам только и говорили, что о призраках. Пиркс, не будь прост, расписал роли: несколько парней рассказывали всякие страсти, а другие разыгрывали из себя неверующих, чтобы Барн не догадался о подвохе.

Барн не принимал участия в этих метафизических спорах, лишь иногда посмеивался над самыми яркими апологетами «потустороннего мира». Да, но надо было видеть, как вылетел он в полночь из своей спальни, ревя, словно буйвол, спасающийся от тигра. Огонь ворвался сквозь щель под дверью, трижды обежал вокруг комнаты и так рванул под столом, что книги посыпались. Пиркс, однако, пе-

реборщик — занялся пожар. Несколькими ведрами воды пламя погасили, но осталась выжженная дыра в полу и вонь. В известном смысле номер не удался. Барн не поверил в привидения. Пиркс решил, что, наверное, все дело в этом «привидении». Утром он встал пораньше, надел свежую сорочку, на всякий случай заглянул в «Книгу полетов», в «Навигацию» и пошел без никаких.

Кабинет у шефа был великолепный. Так по крайней мере казалось Пирксу. Стены были сплошь увешаны картами неба, на темно-синем фоне светились желтые, как капельки меда, созвездия. На письменном столе стоял маленький немой лунный глобус, вокруг было полным-полно книг, дипломов, а у самого окна стоял второй, гигантский глобус. Это было подлинное чудо: нажмешь соответствующую кнопку — и сразу вспыхивают и выходят на орбиту любые спутники, — говорят, там были не только нынешние, но и самые старые, включая первые, уже ставшие историческими спутники 1957 года.

В этот день, однако, Пирксу было не до глобуса. Когда он вошел в кабинет, шеф писал. Сказал, чтобы Пиркс сел и подождал. Потом снял очки — он начал носить их всего год назад — и посмотрел на Пиркса, будто первый раз в жизни его увидал. Такая у него была манера. От этого взгляда мог растеряться даже святой, не имевший на своей совести ни одного грешка. Пиркс не был святым. Он заерзал в кресле. То проваливался в глубину, принимая позу неподобающе свободную, словно миллионер на палубе собственной яхты, то

вдруг сползал вперед, чуть ли не на ковер и на собственные пятки. Выдержав паузу, шеф спросил:

— Ну, как дела, парень?

Он обратился на «ты», значит, дела обстоят неплохо. Пиркс понял, что все в порядке.

— Говорят, ты искупался.

Пиркс подтвердил. К чему бы это? Настороженность не покидала его. Может, за невежливость по отношению к ассистенту...

— Есть одно свободное место для практики на станции «Менделеев». Знаешь, где это?

— Астрофизическая станция на «той стороне»... — ответил Пиркс.

Он был несколько разочарован. Была у него тайная надежда, настолько сокровенная, что он из суеверия даже самому себе в ней не признавался. Он мечтал о другом. О полете. Столько ведь ракет, столько планет, а он должен довольствоваться обычной стационарной практикой на «той стороне»... Когда-то считалось особым шиком называть «той стороной» невидимое с Земли полушарие Луны. Но сейчас все так говорят.

— Верно. Ты знаешь, как она выглядит? — спросил шеф.

У него было странное выражение лица — словно он не договаривал чего-то. Пиркс на миг заколебался: врать или нет.

— Нет, — сказал он.

— Если возьмешься за это задание, я передам тебе всю документацию.

Шеф положил руку на кипу бумаг.

— Значит, я имею право не взяться? — с нескрываемым оживлением спросил Пиркс.

— Имеешь. Потому что задание опасное. Точнее, может оказаться опасным...

Шеф собирался сказать еще что-то, но не смог. Он замолчал, чтобы лучше приглядеться к Пирксу; тот уставился на него широко раскрытыми глазами, медленно, благоговейно вздохнул — да так и замер, будто забыл, что надо дышать. Зардевшись, как девица, перед которой предстал королевич, он ждал новых упонительных слов. Шеф откашлялся.

— Ну, ну, — произнес он отрезвляюще. — Я преувеличил. Во всяком случае, ты ошибаешься.

— То есть как? — пробормотал Пиркс.

— Я хочу сказать, что ты не единственный на Земле человек, от которого все зависит... Человечество не ждет, что ты его спасешь. Пока еще не ждет.

Пиркс, красный как рак, терзался, не зная, куда девать руки. Шеф, известный мастер на всякие штучки, минуту назад показал ему райское видение: Пиркса-героя, который после совершения подвига проходит по космодрому сквозь застывшую толпу и слышит восторженный шепот: «Это он! Это он!», а сейчас, будто совсем не понимая, что делает, начал принижать задание, сводить масштабы миссии к обыкновенной преддипломной практике и наконец разъяснил:

— Персонал станции комплектуется из астрономов, их отвозят на «ту сторону», чтобы они отсидели положенный им месяц, и только. Нормальная работа там не требует никаких выдающихся качеств. Поэтому кандидатов подвергали обычным испытаниям первой и

второй категории трудности. Но сейчас, после того случая, нужны люди, более тщательно проверенные. Лучше всего подошли бы, конечно, пилоты, но сам понимаешь, нельзя же сажать пилотов на обычную наблюдательную станцию...

Пиркс понимал это. Не только Луна, но и вся солнечная система требовала пилотов, навигаторов и других специалистов — их было все еще слишком мало. Но что это за случай, о котором упомянул шеф? Пиркс благоразумно молчал.

— Станция очень мала. Построили ее подураски: не на дне кратера, а под северной вершиной. С размещением станции была целая история, ради сохранения престижа пожертвовали данными селенодезических исследований. Но со всем этим ты познакомишься позже. Достаточно сказать, что в прошлом году обвалилась часть горы и разрушила единственную дорогу. Теперь добраться туда можно лишь днем, и то с трудом. Начали проектировать подвесную дорогу, но потом работу приостановили, так как уже принято решение перенести в будущем году станцию вниз. Практически станция ночью отрезана от мира. Прекращается радиосвязь. Почему?

— Простите — что?

— Почему, я спрашиваю, прекращается радиосвязь?

Вот такой он был, этот шеф. Облагодетельствовал миссией, завел невинный разговор — и вдруг превратил все это в экзамен. Пиркс начал потеть.

— Поскольку Луна не имеет ни атмосферы, ни ионосферы, радиосвязь там поддерживается с помощью ультракоротких волн... С этой целью там построены радиорелейные линии, сходные с телевизионными...

Шеф, опершись локтями о письменный стол, вертел в пальцах самопишущую ручку, давая понять, что будет терпелив и дослушает до конца. Пиркс умышленно распространялся о вещах, известных любому младенцу, чтобы отсрочить ту минуту, когда придется вступить в область, где его знания оставляли желать лучшего.

— Такие передаточные линии находятся как на этой, так и на «той стороне», — тут Пиркс набрал скорость, как корабль, входящий в родные воды. — На той стороне их восемь. Они соединяют Луну Главную со станциями «Центральный Залив», «Сонное Болото», «Море дождей»...

— Это ты можешь опустить, — великодушно разрешил шеф. — И гипотезу о возникновении Луны — тоже. Я слушаю...

Пиркс заморгал.

— Помехи в связи возникают тогда, когда линия оказывается в зоне терминатора. Когда некоторые ретрансляторы находятся еще в тени, а над остальными уже восходит Солнце...

— Что такое терминатор, я знаю. Не надо объяснять, — задумчиво сказал шеф.

Пиркс закашлялся. Потом высморкался. Но нельзя же тянуть до бесконечности.

— В связи с отсутствием атмосферы корпускулярное излучение Солнца, бомбардируя поверхность Луны, вызывает... э-э-э... помехи в

радиосвязи. Именно эти препятствия препятствуют...

— Препятствия препятствуют — совершенно верно, — поддакнул шеф. — Но в чем же они состоят?

— Это вторично возбуждаемое излучение, эффект Но... Но...

— Но?... — благосклонно повторил шеф.

— Новинского! — выкрикнул Пиркс. Вспомнил все же. Но и этого было мало.

— В чем заключается этот эффект?

Вот этого Пиркс и не знал. Вернее, знал раньше, но забыл. Вызубренные когда-то сведения он донес до порога экзаменационного зала, как жонглер несет на голове целую пирамиду из самых невероятных предметов, но теперь-то экзамен остался позади... Шеф сочувственно покачал головой, прерывая его бредовые измышления об электронах, вынужденном излучении и резонансе.

— Н-да, — произнес этот безжалостный человек, — а профессор Меринус поставил тебе четверку... Неужели он ошибся?

Кресло под Пирксом начало напоминать нечто вроде конической вершины вулкана.

— Мне не хотелось бы огорчать его, — продолжал шеф, — так что пусть он лучше ничего не узнает...

Пиркс облегченно вздохнул.

— ...Но я попрошу профессора Лааба, чтобы на выпускном экзамене...

Шеф многозначительно умолк. Пиркс замер. Не от этой угрозы: рука шефа медленно отодвигала документы, которые Пиркс должен был получить вместе со своей миссией.

— Почему не осуществляется связь посредством кабеля? — спросил шеф, не глядя на него.

— Потому что это дорого. Коаксиальный кабель соединяет пока только Луну Главную с Архимедом. Но в течение ближайших пяти лет намечают всю радиорелейную сеть сделать кабельной.

Не переставая хмуриться, шеф вернулся к первоначальной теме.

— Ну, ладно. Практически каждую ночь на Луне станция «Менделеев» отрезана от всего мира на двести часов. До сих пор работа там шла нормально. В прошлом месяце после обычного перерыва в связи станция не откликнулась на позывные «Циолковского». На рассвете со станции «Циолковский» отправили специальную команду. Выяснилось, что главный люк открыт, а в шлюзовой камере лежит человек. Дежурными были канадцы Шалье и Сэвидж. В камере лежал Сэвидж. Стекло его шлема треснуло. Он умер от удушья. Шалье удалось найти лишь сутки спустя на дне пропасти под Солнечными Воротами. Причина смерти — падение. В остальном на станции был полный порядок: нормально работала аппаратура, сохранились нетронутые запасы продовольствия и не удалось обнаружить никаких признаков аварии. Ты читал об этом?

— Читал. Но в газете писали, что произошел несчастный случай. Психоз... двойное самоубийство в припадке помешательства...

— Вздор, — перебил шеф, — Я знал Сэвиджа. Еще по Альпам. Такие люди не меня-

ются. Ну, ладно. В газетах писали чепуху. Прочти-ка доклад смешанной комиссии. Послушай! Такие парни, как ты, в принципе проверены не хуже, чем пилоты, но дипломов у них нет, значит, летать они не могут. А преддипломную практику тебе так или иначе пройти надо. Если согласишься — завтра полетишь.

— А второй кто?

— Не знаю. Какой-то астрофизик. В общем-то там нужны астрофизики. Боюсь, что ему от тебя будет мало пользы, но, может, ты подучишься немного астрографии. Ты понял, о чем идет речь? Комиссия пришла к выводу, что произошел несчастный случай, но остается оттенок сомнения; ну, скажем, неясность. Там произошло что-то непонятное. Что именно — не известно. Вот и решили, что хорошо было бы послать туда в следующую смену хоть одного человека с психической подготовкой пилота. Я не вижу повода отказать им. В то же время, наверно, ничего особенного там не случится. Разумеется, смотри в оба, но никакой детективной миссии мы на тебя не возлагаем, никто не рассчитывает, что ты откроешь какие-то дополнительные подробности, проливающие свет на это происшествие, и это не твоя задача. Тебе что, плохо?

— Что, простите? Нет! — возразил Пиркс.

— А мне показалось. Ты уверен, что сумеешь вести себя благоразумно? У тебя, я вижу, голова закружилась. Я подумываю...

— Я буду вести себя рассудительно, — заявил Пиркс самым решительным тоном, на какой был способен.

— Сомневаюсь, — сказал шеф. — Я посылаю тебя без энтузиазма. Если б ты не вышел на первое место...

— Так это из-за «ванны»! — только сейчас понял Пиркс.

Шеф сделал вид, что не слышал. Он подал Пирксу сначала бумаги, потом руку.

— Старт завтра в восемь утра. Вещей бери как можно меньше. Впрочем, ты уже бывал там, сам знаешь. Вот билет на самолет, вот броня на один из кораблей «Трансгалактики». Полетишь на Луну Главную, оттуда тебя перебросят дальше..

Шеф говорил еще что-то. Высказывал пожелания? Прощался? Пиркс не знал. Он ничего не слышал. Не мог слышать, потому что был очень далеко, уже на «той стороне». В ушах у него стоял грохот старта, в глазах — белый, мертвый огонь лунных скал, и на лице его было написано полнейшее ошеломенение. Сделав поворот налево кругом, он наткнулся на большой глобус. Лестницу преодолел в четыре прыжка, словно и вправду был уже на Луне, где притяжение уменьшается в шесть раз. На улице Пиркс чуть не угодил под автомобиль, который затормозил с таким визгом, что прохожие остановились, — но он даже не заметил этого. Шеф, к счастью, не мог наблюдать, как Пиркс начинает вести себя рассудительно, ибо снова погрузился в свои бумаги.

* * *

За последующие двадцать четыре часа с Пирксом, вокруг Пиркса, в связи с Пирксом произошло столько всего, что временами он

чуть ли не тосковал по теплой, соленой ванне, в которой абсолютно ничего не происходит.

Как известно, человеку одинаково вредны и нехватка, и избыток впечатлений. Но Пиркс таких выводов не делал. Все старания шефа как-то преуменьшить, ослабить и даже принизить значение миссии не возымели, скажем прямо, никакого действия. В самолет Пиркс вошел с таким выражением лица, что хорошенькая стюардесса невольно отступила на шаг; впрочем, это было явное недоразумение, так как Пиркс вообще ее не заметил. Шагал он так, словно возглавлял железную когорту; уселся в кресло с видом Вильгельма Завоевателя; кроме того, он был еще и Космическим Спасителем Человечества, Благодетелем Луны, Открывателем Страшных Тайн, Победителем Призраков Той Стороны — и все это лишь в будущем, в мечтах, что ничуть не портило ему самочувствия, совсем наоборот, наполняло безграничной доброжелательностью и снисходительностью по отношению к спутникам, которые и понятия не имели о том, кто находится вместе с ними в чреве огромного реактивного самолета! Он смотрел на них, как Эйнштейн в старости смотрел на малышей, играющих в песке.

«Селена», новый корабль компании «Трансгалактика», стартовала с Нубийского космодрома, из сердца Африки. Пиркс был доволен. Он, правда, не думал, что со временем в этих местах установят мемориальную доску с соответствующей надписью, — нет, так далеко он не заходил в мечтах. Но был довольно близок к тому. Правда, в чашу наслаждений

начала понемногу просачиваться горечь. В самолете могли не знать о нем. Но на палубе межпланетного корабля? Оказалось, что сидеть ему придется внизу, в туристском классе, среди каких-то французов, которые были обвешаны фотоаппаратами и переговаривались чертовски быстро и совершенно непонятно. Он — в толпе галдящих туристов?!

Никому не было до него дела. Никто не облачал его в скафандр, не накачивал воздух, не спрашивал при этом, как он себя чувствует, не прилаживал за спину баллоны. Пиркс временно утешил себя, что так нужно для конспирации. Салон туристского класса выглядел почти так же, как в реактивном самолете, только кресла были побольше и поглубже да табло, на котором вспыхивали различные надписи, торчало под самым носом. Надписи эти преимущественно запрещали всякие вещи: вставать, ходить, курить. Напрасно пытался Пиркс выделиться из толпы профанов в астронавтике тем, что принял вполне профессиональную позу, заложил ногу на ногу и не пристегнулся ремнем. Второй пилот приказал ему пристегнуться — и это был единственный момент, когда кто-либо из экипажа обратил на него внимание.

Наконец один из французов, видимо по ошибке, угостил его фруктовой помадкой. Пиркс взял ее, старательно забил рот сладкой, клейкой массой и, покорно откинувшись во вздутую глубину кресла, предался размышлениям. Постепенно он снова уверился в том, что миссия его крайне опасна, и медленно смаковал ее ужас, словно закоренелый пьяни-

ца, которому попала в руки покрытая плесенью бутылка вина наполеоновских времен.

Ему досталось место у окна. Пиркс решил, разумеется, вообще не глядеть в окно — столько раз он уже это видел!

Однако он не выдержал. Лишь только «Селена» вышла на околоземную орбиту, с которой она должна была взять курс на Луну, Пиркс прилип к окну. Уж очень захватывал момент, когда исчерченная линиями дорог и каналов, испещренная пятнами городов и поселков поверхность Земли словно очищалась от всяких следов человеческого присутствия; а потом под кораблем развернулась пятнистая, облепленная хлопьями облаков выпуклость планеты, и взгляд, перебегая с черноты океанов на материки, тщетно старался обнаружить хоть что-нибудь созданное человеком. С расстояния в несколько сот километров Земля казалась пустой, ужасающе пустой, словно жизнь на ней только начинала зарождаться, слабым налетом зелени отмечая самые теплые места на планете.

Пиркс действительно видел это уже много раз. Но эта перемена всегда заново ошеломяла его: было в ней нечто, с чем он не мог согласиться. Может быть, первое наглядное свидетельство микроскопичности человека по сравнению с космосом? Переход в сферу других масштабов, планетарных? Картина ничтожности многовековых усилий человека? Или, наоборот, торжество ничтожно малой величины, которая преодолела мертвую, ко всему безразличную силу тяготения этой ужасающей глыбы и, оставив за собой дикость горных мас-

сивов и щиты полярных льдов, ступила на берега других небесных тел? Эти размышления, вернее бессловесные чувства, уступили место другим, так как корабль изменил курс, чтобы сквозь «дыру» в радиационных поясах над Северным полюсом рвануться к звездам.

Смотреть на звезды удалось не очень-то долго: на корабле зажглись огни. Подали обед, во время которого двигатели работали, чтобы создать искусственное тяготение. После обеда пассажиры опять легли в кресла, свет погас, и теперь можно было разглядывать Луну.

Они приближались к ней с южной стороны. За полтораста-двести километров от полюса полыхал отраженным солнечным светом кратер Тихо — белое пятно с выброшенными во все стороны лучевидными полосами; поразительная правильность этих полос поражала не одно поколение земных астрономов, а потом, когда загадка была решена, стала предметом студенческих шуток. Какому же первокурснику не внушали, что «белая шайба Тихо» — это и есть «дырка для лунной оси», а лучевидные полосы — это попросту слишком толсто нарисованные меридианы!

Чем ближе подлетали они к висящему в черной пустоте шару, тем нагляднее убеждались, что Луна — это застывший, запечатленный в отвердевших массивах лавы облик мира, каким он был миллиарды лет назад, когда раскаленная Земля вместе со своим спутником проносилась сквозь тучи метеоритов, остатков планетообразования, когда град железа и камней неустанно молотил по тонкой коре Луны,

дырявил ее, выпуская на поверхность потоки магмы. И когда через бесконечно долгий срок очистилось и опустело окружающее пространство, шар, лишенный воздушной оболочки, сохранился как омертвелое поле боя, как немой свидетель эпохи горообразовательных катаклизмов. А потом его изуродованная бомбардировками каменная маска стала источником вдохновения для поэтов и лирическим фонарем для влюбленных.

«Селена», несшая на своих двух палубах пассажиров и четыреста тонн груза, повернулась кормой к растущему лунному диску, начала медленное, плавное торможение и наконец, слегка вибрируя, села в одну из больших воронок на космодроме.

Пиркс побывал здесь уже трижды, причем два раза прилетал в одиночку и «собственно-ручно садился» на учебном поле, удаленном на полкилометра от пассажирской посадочной площадки.

Сейчас он даже и не видел учебного поля, так как гигантский, обшитый керамическими плитами корпус «Селены» передвинули на платформу гидравлического лифта и спустили вниз в герметический ангар, где проходил таможенный досмотр: наркотики? алкоголь? вещества взрывчатые, отравляющие, разъедающие? Пиркс располагал небольшим количеством отравляющего материала, а именно плоской фляжкой коньяку, которую дал ему Маттерс. Она была спрятана в заднем кармане брюк. Затем последовала санитарная проверка: свидетельства о прививках, справка о стерилизации багажа — чтобы не затащить на

Луну какие-либо микробы; это Пиркс прошел быстро. У барьера он задержался, думая, что, может, кто-нибудь встретит его.

Он стоял на антресоли. Ангар представлял собой огромное, вырубленное в скале и забетонированное помещение с плоским полом и куполообразным сводом. Света здесь было вдоволь, искусственного дневного, он лился из люминесцентных пластин; множество людей сновали во все стороны; на электрокарах развозили багаж, баллоны со сжатым газом, аккумуляторы, ящики, трубы, катушки кабеля; а в глубине помещения неподвижно темнело то, что вызвало всю эту возню, — корпус «Селены», точнее, только его средняя часть, напоминавшая огромный газгольдер; корма покоилась глубоко под бетонным полом, в просторном колодце, а верхушка толстого тела ушла через круглое отверстие в верхний этаж помещения.

Пиркс постоял, пока не вспомнил, что нужно заняться собственными делами. В управлении космодрома его принял какой-то служащий. Он устроил Пиркса на ночлег и сообщил, что ракета на «ту сторону» отправляется через одиннадцать часов. Он куда-то торопился и больше ничего, собственно, не сказал. Пиркс вышел в коридор, придя к убеждению, что тут форменный кавардак. Он даже не знал толком, по какому маршруту полетит — через Море Смита или напрямик к «Циолковскому»? И где все-таки его неизвестный будущий напарник? А какая-то комиссия? А программа предстоящей работы?

Он думал об этом, пока раздражение не перешло в ощущение более материальное, сосредоточившись в желудке. Пирксу захотелось есть. Он разыскал подходящий лифт и, разобравшись в табличке с надписями на шести языках, которая висела в кабине, спустился в столовую для летного состава, но там узнал, что, поскольку он не пилот, питаться ему надлежит в обычном ресторане.

Только этого не хватало. Он направился было в этот проклятый ресторан и вдруг вспомнил, что не получил свой рюкзак. Поднялся наверх, в ангар. Багаж уже отправили в гостиницу. Пиркс махнул рукой и пошел обедать. Его затерло между двумя потоками туристов: французы, прилетевшие вместе с ним, направлялись в ресторан, и туда же шли какие-то швейцарцы, голландцы и немцы, только что вернувшиеся с экскурсии селенобусом к подножию кратера Эратосфена. Французы подпрыгивали, как обычно делают люди, впервые испытывающие очарование лунной гравитации, под женский смех и визг взлетали к потолку и наслаждались плавным спуском с трехметровой высоты. Немцы держались более деловито, они вливались в просторные залы ресторана, развешивали на спинках стульев фотоаппараты, бинокли, штативы, чуть ли не телескопы; уже был подан суп, а они все еще показывали друг другу осколки горных пород, которые команды селенобусов продавали туристам в качестве сувениров. Пиркс сидел над своей тарелкой, утопая в этой немецко-французско-греческо-голландско-... бог знает еще какой суматохе, и среди всеобщего

энтузиазма и восхищения он, наверно, оставался единственным мрачным человеком за вторым в течение дня обедом. Какой-то голландец, решив уделить ему внимание, поинтересовался, не страдает ли Пиркс космической болезнью после ракетного полета («Вы впервые на Луне, да?»), и предложил ему таблетки. Это была капля, переполнившая чашу. Пиркс не доел второе, купил в буфете четыре пачки сдобного печенья и отправился в гостиницу. Вся его злость вылилась на портье, который хотел продать ему «кусочек Луны», а точнее говоря, осколок остекленевшего базальта.

— Отвяжись, торгаш! Я был тут раньше тебя! — заорал Пиркс и, дрожа от бешенства, прошел мимо портье, пораженного этим взрывом.

В двухместном номере сидел, устроившись под лампой, невысокий мужчина в полинялой куртке, рыжеватый, седеющий, с падающей на лоб прядью волос, с загорелым лицом. При появлении Пиркса он снял очки. Звали его Лангнер, доктор Лангнер, он был астрофизиком и вместе с Пирксом направлялся на станцию «Менделеев». Это и был его неведомый лунный компаньон. Пиркс, заранее готовый к самому плохому, тоже назвался, пробурчал что-то себе под нос и сел. Лангнеру было около сорока; по мнению Пиркса, этот старик неплохо сохранился. Он не курил, вероятно, не пил и вроде даже не разговаривал. Читал он три книги сразу: первая представляла собой логарифмическую таблицу, страницы второй были сплошь усеяны формулами, а в третьей

не было ничего, кроме спектрограмм. В кармане он носил портативный арифмограф, которым очень ловко пользовался при вычислениях. Время от времени он, не отрывая взгляда от своих формул, задавал Пирксу какой-нибудь вопрос; тот отвечал, не переставая жевать печенье. В крошечном номере стояли двухъярусные койки, в душевую не пролез бы толстяк, всюду висели таблички, заклинавшие на многих языках экономить воду и электричество. Хорошо еще, что не запрещают глубоко вздыхать: ведь кислород здесь тоже привозной! Пиркс запил печенье водой из-под крана и убедился, что от нее ломит зубы, — очевидно, резервуары с водой находились близко к поверхности базальта. Часы Пиркса показывали без малого одиннадцать, на электрических часах, висевших в номере, было семь вечера, а на часах Лангнера стрелки уже перевалили за полночь.

Они переставили свои часы на время Луны, однако и это было ненадолго; ведь на станции «Менделеев» было другое, свое время, как повсюду на «той стороне».

До старта ракеты оставалось девять часов. Лангнер, ничего не сказав, ушел. Пиркс расположился в кресле, потом пересел под лампу, попытался читать какие-то старые, потрепанные журналы, лежавшие на столике, но не смог усидеть и тоже вышел из комнаты. За поворотом коридор переходил в небольшой холл, где напротив телевизора, вмонтированного в стену, были расставлены кресла. Австралия передавала программу для Луны Главной — какие-то соревнования легкоатлетов.

Пирксу не было никакого дела до этих соревнований, но он сидел и смотрел на экран, пока его не начало клонить ко сну. Вставая с кресла, он взлетел на полметра, так как забыл о слабом притяжении. Все стало ему как-то безразлично. Когда он сможет снять это штатское тряпье? Кто выдаст ему скафандр? Где можно получить инструкции? И вообще что все это значит?

Он, может, и пошел бы куда-нибудь допытываться, даже скандалить, но его компаньон, этот самый доктор Лангнер, по-видимому, находит их положение совершенно нормальным, так не лучше ли держать язык за зубами?

Передача кончилась. Пиркс выключил телевизор и вернулся в номер. Не так он представлял себе это пребывание на Луне! Пиркс принял душ. Сквозь тонкую стенку были слышны разговоры в соседнем номере. Конечно, это знакомые по ресторану — туристы, которых Луна доводит до блаженного исступления. Он сменил сорочку (нужно же чем-нибудь заняться), а когда улегся на койку, вернулся Лангнер. С четырьмя новыми книгами.

Пиркса дрожь пробрала. Он начал понимать, что Лангнер — фанатик науки, нечто вроде второго издания профессора Мериуса.

Астрофизик разложил на столе новые спектрограммы и, изучая их сквозь лупу с такой сосредоточенностью, с какой Пиркс не рассматривал даже снимки своей любимой актрисы, вдруг спросил, сколько Пирксу лет.

— Сто одиннадцать, — сказал Пиркс, а когда тот поднял голову, добавил: — по двоичной системе.

Лангнер впервые улыбнулся и стал похож на человека. У него были белые крепкие зубы.

— Русские пришлют за нами ракету, — проговорил он. — Полетим к ним.

— На станцию «Циолковский»?

— Да.

Эта станция находилась уже на «той стороне». Значит, еще одна пересадка. Пиркс раздумывал, как они проделают оставшуюся тысячу километров. Наверно, не в сухопутном экипаже, а в ракете? Однако он ни о чем не спросил. Не хотелось выдавать свое невежество. Лангнер, кажется, говорил еще что-то, но Пиркс уже заснул, так и не раздевшись. Проснулся он внезапно: Лангнер, склонившись над койкой, тронул его за плечо.

— Пора, — только и сказал он.

Пиркс сел. Похоже было на то, что Лангнер все время читал да писал: стопка бумаг с расчетами выросла. В первую минуту Пиркс подумал, что Лангнер говорит об ужине, но речь шла о ракете. Пиркс навьючил на себя набитый рюкзак; а лангнеровский был еще больше и тяжелый, будто камнями набитый; потом выяснилось, что, кроме сорочек, мыла да зубной щетки, там были только книги.

Уже без таможенного досмотра, без всякой проверки они поднялись на верхний этаж, где их ждала ракета лунного сообщения, некогда серебристая, а теперь скорее серая, пузатая, на трех растопыренных, коленчато изогнутых ногах двадцатиметровой высоты. Не аэродинамическая, так как на Луне нет атмосферы. На таких Пиркс еще не летал. К ним должен был присоединиться какой-то астрохи-

мик, но он опоздал. Стартовали вовремя; полетели они вдвоем.

Отсутствие атмосферы на Луне порождало множество хлопот: невозможно было пользоваться ни самолетами, ни вертолетами — ничем, кроме ракет! Даже машинами на воздушной подушке, такими удобными для передвижения по пересеченной местности: ведь им пришлось бы тащить на себе весь запас воздуха. Ракета движется быстро, но не везде может сесть; ракета не любит ни гор, ни скал.

Это их пузатое трехногое насекомое загудело, загремело и пошло свечой вверх. Кабина была лишь раза в два больше гостиничной комнатухи. В стенах — иллюминаторы, в своде — круглое окно, а рубка пилота расположена не наверху, а как раз внизу, чуть ли не между выхлопными дюзами, чтобы пилот как следует видел, куда садится. Пиркс чувствовал себя как сверток: куда-то его посылают, не известно толком, куда и зачем, не известно, что будет потом... Вечная история.

Они вышли на эллиптическую орбиту. Кабина и длинные «ноги» ракеты приняли наклонное положение. Луна проплывала под ними, огромная, выпуклая, — казалось, на нее никогда не ступала нога человека. Есть такая зона в пространстве между Землей и Луной, откуда величина обоих тел кажется примерно одинаковой. Пиркс хорошо запомнил впечатление от первого полета. Земля, голубоватая, затуманенная, с размытыми очертаниями континентов, казалась менее реальной, чем

каменная Луна с четко проступающим скалистым рельефом, — ее неподвижная тяжесть была почти осязаемой.

Они летели над Морем Облаков, кратер Буллиальд остался уже позади, на юго-востоке виднелся Тихо в ореоле своих блестящих лучей, пересекавших полюс и протянувшихся на «ту сторону»; с большой высоты, как обычно, возникало трудно определимое представление о высшей точности, по законам которой все это создавалось. Залитый солнечным светом Тихо был как бы центром конструкции: белесыми своими руками он охватывал и прорезал Море Влажности и Море Облаков, а северный его луч, самый большой, исчезал за горизонтом, в направлении к Морю Ясности. Но, когда они, обогнув с запада цирк Клавий, начали снижаться над полюсом и полетели уже по «той стороне» над Морем Мечты, обманчивое впечатление правильности исчезало по мере снижения, будто бы гладкая, темная поверхность «моря» теперь обнажала свои неровности, расселины. На северо-востоке засверкали зубцы кратера Верне. Они все теряли высоту, и теперь, вблизи, Луна предстала перед ними в своем настоящем виде: плоскогорья, равнины, впадины кратеров и кольцеобразных горных цепей — все было в одинаковой степени изрыто воронками космической бомбардировки. Кольца каменных обломков и лавы пересекались, переплетались, будто тех, кто вел этот титанический обстрел, все еще не удовлетворяли произведенные разрушения. Не успел Пиркс разглядеть массив Циолковского, как ракету подтолкнули ненадолго

включенные двигатели, она приняла вертикальное положение, и Пиркс увидел уже лишь океан темноты, поглотивший все Западное полушарие, а за линией терминатора возвышалась, сверкая своей макушкой, вершина Лобачевского. Звезды в верхнем окне ракеты замерли неподвижно. Спускались они, как в лифте, и это несколько напоминало вхождение в атмосферу, так как ракета погружалась в столб огня от собственных двигателей, сгущавшегося под кормой, и газы были, обтекая выпуклости наружной брони. Автоматически откинулись спинки кресел, через верхний иллюминатор Пиркс видел все те же звезды; они теперь стремительно летели вниз, однако ощущалось мягкое, но довольно упорное сопротивление гремющих двигателей, которые толкали ракету в обратном направлении. Вдруг двигатели загрохотали во всю мощь. «Ага, становимся на огонь!» — подумал Пиркс, чтобы не забыть, что он все же настоящий астронавт, хотя еще и без диплома.

Удар. Что-то задребезжало, бахнуло, будто огромный молот бил по камням. Кабина мягко скользнула вниз — вернулась вверх, вниз — и опять вверх; так она довольно долго сновала на яростно булькавших амортизаторах, пока три двадцатиметровые, судорожно растопыренные «ноги» не впились как следует в груды скальных обломков. Наконец пилот погасил это скольжение кабины, несколько повысив давление в маслопроводе; послышалось легкое шипение, и кабина повисла неподвижно.

Пилот вылез к ним через люк в середине пола и открыл стенной шкаф, в котором — наконец-то! — оказались скафандры.

Пиркс несколько воспрянул духом, однако ненадолго. В шкафу было четыре скафандра: один для пилота, а кроме того — большой, средний и маленький. Пилот моментально влез в свой скафандр, только шлем не надел и ждал своих спутников. Лангнер тоже управился быстро. Один Пиркс, красный, вспотевший и злой, не знал, что делать. Скафандр среднего размера был ему мал, а большой — чересчур велик. В среднем он упирался головой в донышко шлема, а в большом болтался, как кокосовое ядро в высохшей скорлупе. Конечно, ему давали хорошие советы. Пилот заметил, что просторный скафандр всегда лучше тесного, и посоветовал заполнить пустые места бельем из рюкзака. Он даже предлагал одолжить свое одеяло. Но Пирксу сама мысль напихать что-то в скафандр представлялась кошунственной, вся его душа астронавта становилась от этого на дыбы. Завернуться в какие-то тряпки?!

Он надел тот скафандр, что поменьше. Спутники ничего не сказали. Пилот открыл отверстие шлюзовой камеры, и они вошли туда; пилот повернул винтовое колесо и открыл выходной люк.

Не будь рядом Лангнера, Пиркс сразу прыгнул бы и, возможно, ухитрился бы на первом же шаге вывихнуть ногу: до поверхности было метров двадцать, и если учесть вес скафандра, то даже при здешнем малом притяжении это было все равно что прыгнуть со

второго этажа на рассыпающуюся груду камней.

Пилот спустил за борт складную лестницу, и они сошли по ней на Луну.

И тут никто их не встречал ни цветами, ни триумфальными арками. Кругом не было ни души. На расстоянии менее километра от них возвышался бронированный купол станции «Циолковский», освещенный косыми лучами жуткого лунного солнца. За станцией виднелась вырубленная в скалах небольшая посадочная площадка, но она была занята: на ней в два ряда стояли транспортные ракеты; они были куда больше, чем та, на которой прилетели Пиркс и Лангнер.

Их ракета, чуть-чуть скособочившись, покосилась на своей треноге; камни под ее дюзами почернели, опаленные выхлопным огнем. К западу местность была почти плоской, если можно назвать плоской эту безбрежную каменную россыпь, из которой там и сям торчали обломки величиной с городской дом. К востоку равнина поднималась — сначала отлого, а потом вереницей почти вертикальных уступов переходила в главный массив Циолковского; его стена, обманчиво близкая, лежала в тени и была черна как уголь. Градусов на десять выше хребта пылало Солнце; оно так слепило, что в ту сторону невозможно было смотреть. Пиркс тотчас же опустил дымчатый фильтр над стеклом шлема, но это мало помогло — разве что не пришлось щурить глаза.

Осторожно ступая по неустойчивым глыбам, они двинулись к станции. Свою ракету они сразу же потеряли из виду, так как пришлось переходить неглубокую котловину.

Станция господствовала над этой котловиной и над всей округой; ее здание на три четверти углублялось в монолитную каменную стену, которая была похожа на взорванную крепость, хранившую в своей памяти еще мезозойские времена. Сходство остро срезанных углов с оборонительными башнями крепости было поразительно, но лишь издалека: чем ближе они подходили, тем заметнее «башни» теряли правильность формы, расплывались, а черные полосы, бегущие по ним, оказывались глубокими трещинами. По лунным понятиям местность тут была все же относительно ровная, и двигались они быстро. Каждый шаг вздымал облачко пыли, этой знаменитой лунной пыли, которая подымалась выше пояса, окутывала людей молочно-белым облаком и никак не оседала. Шли они поэтому не гуськом, а в ряд, и когда уже у самой станции Пиркс оглянулся, то увидел весь пройденный путь: его отмечали три толстые змеистые линии, три извилистые косы пыли, более светлой, чем любая земная.

Пиркс знал о ней много любопытного. Первые покорители Луны были поражены этим явлением: насчет пыли они знали, но ведь даже самая мелкая пыль должна была немедленно оседать в безвоздушном пространстве. А лунная пыль почему-то не оседала. И, что особенно интересно, только днем. Под Солнцем. Оказалось, что электрические явления здесь протекают не так, как на Земле. Там существуют атмосферные разряды, молнии, громы, огни святого Эльма. На Луне, конечно, этого нет. Но камни, бомбардируемые излучением частиц, заряжаются тем же зарядом, что и покры-

вающая их пыль. А поскольку одноименные заряды отталкиваются, то и поднятая пыль из-за электростатического отталкивания не садится иногда по целому часу. Когда на Солнце много пятен, Луна «пылит» сильнее. Во время спада солнечной активности — меньше. Это явление исчезает лишь через несколько часов после наступления ночи, здешней ужасной ночи, которую можно выдержать только в специальных двухслойных скафандрах, сконструированных по принципу термоса и тяжелых, даже здесь чертовски тяжелых.

Эти ученые размышления Пиркса прервались, когда они подошли к главному входу станции. Приняли их радушно. Увидев научного руководителя станции профессора Ганшина, Пиркс несколько растерялся. Он был весьма доволен своим высоким ростом, так как полагал, что это в какой-то мере скрадывает его толстошекую физиономию. Но Ганшин смотрел на Пиркса сверху вниз — не в переносном, а в прямом смысле слова. А его коллега физик Пнин был еще выше ростом — пожалуй, метра два.

Было там еще трое русских, а может, и больше, но они не показывались: наверно, несли вахту. На верхнем этаже разместились астрономическая обсерватория и радиостанция. Наклонный туннель, вырубленный в скале и забетонированный, вел в отдельное помещение, над куполом которого неустанно вращались огромные решетки радарных установок; через иллюминаторы просматривалось на самой вершине хребта нечто вроде ослепительно-серебристой, симметрично сплетенной паутины—это

был главный радиотелескоп, самый крупный на Луне. К нему можно было добраться за полчаса по канатной подвесной дороге.

Потом выяснилось, что станция куда больше, чем кажется вначале. В ее подземельях в огромных резервуарах хранились запасы воды, воздуха и продуктов. В крыле станции встроенные в расщелину среди скал и совершенно незаметные из котловины находились преобразователи лучистой энергии Солнца в электричество. А еще была на станции совершенно изумительная штука — огромная гидропонная оранжерея под куполом из кварца, армированного сталью; кроме массы цветов и больших резервуаров с какими-то водорослями, поставлявшими витамины и белки, в самой середине росла банановая пальма. Пиркс и Лангнер съели по банану, выращенному на Луне. Пинн, посмеиваясь, объяснил, что бананы не входят в ежедневный рацион сотрудников станции и предназначены главным образом для гостей.

Лангнер, немного разбравшийся в лунном строительстве, начал расспрашивать о конструкции кварцевого купола, который поразил его больше, чем бананы; это была действительно уникальная постройка. Поскольку ее окружало безвоздушное пространство, купол должен был выдерживать постоянное давление в девять тонн на квадратный метр, что при размерах оранжереи давало внушительную сумму — две тысячи восемьсот тонн. Именно с такой силой давил во всех направлениях заключенный здесь воздух, пытаясь взорвать изнутри кварцевую оболочку. Конструкторы, вынужденные отказаться от использования желе-

зобетона, погрузили в кварц сварные ребра, которые всю мощь давления, без малого три миллиона килограммов, передавали вверх на диск, изготовленный из иридия; снаружи этот диск удерживался прочными стальными тросами, глубоко заякоренными в окружающие базальтовые скалы. Так что это был единственный в своем роде «кварцевый воздушный шар на привязи».

Из оранжереи они направились прямо в столовую. На станции как раз наступило время обеда. Для Пиркса это был уже третий обед: первый он съел в ракете, второй — на Луне Главной. Похоже было, что на Луне едят только обеды.

Столовая, она же кают-компания, оказалась небольшой; стены были обшиты деревом — не панелью, а сосновыми брусьями. Даже смолой пахло. После ослепительных лунных пейзажей эта подчеркнуто «земная» обстановка была особенно приятна. Впрочем, профессор Ганшин признался, что лишь верхний, тонкий слой стен сделали из дерева — чтобы меньше тосковать по Земле.

Ни за обедом, ни после не говорилось о станции «Менделеев», о происшествии, о несчастных канадцах, о предстоящем отлете — будто Пиркс и Лангнер приехали погостить и бог знает сколько здесь пробудут.

Русские держались так, словно им нечем было заниматься, кроме беседы с гостями: расспрашивали, что нового на Земле, как дела на Луне Главной; в порыве откровенности Пиркс признался в своей стихийной неприязни к лунным туристам и их манерам — похоже, что его

слушали с одобрением. Лишь спустя некоторое время можно было заметить, что то один, то другой из хозяев покидает компанию, а потом вновь возвращается. Выяснилось, что они ходят в обсерваторию, так как на Солнце появился удивительно красивый протуберанец. Стоило произнести это слово, как для Лангнера перестало существовать все остальное. Свойственное ученым бессознательное самозабвение овладело всеми сидевшими за столом. Принесли фотографии, потом продемонстрировали фильм, отснятый через коронограф. Протуберанец был и впрямь исключительный: он протянулся на три четверти миллиона километров и напоминал допотопное чудовище с огнедышащей пастью. Но, разумеется, не в этом зоологическом сходстве было дело.

Когда зажгли свет, Ганшин, Пнин, третий русский астроном и Лангнер начали переговариваться; глаза у них блестели, они были глухи ко всему постороннему. Кто-то вспомнил о прерванном обеде; вернулись в столовую, но и тут, отодвинув в сторону тарелки, все принялись что-то подсчитывать на бумажных салфетках. Наконец Пнин сжалился над Пирксом, для которого эти споры были китайской грамотой, и увел его в свою комнату, маленькую, но привлекательную тем, что из ее широкого окна открывался вид на восточную вершину хребта Циолковского. Солнце, низкое, зияющее как ворота ада, бросало в хаос скальных нагромождений другой хаос — теней, которые чернотой своей поглощали контуры предметов, словно за каждой гранью освещенного камня открывалась дьявольская пропасть, ведущая к самому

центру Луны. Каменные вершины, наклонные башни, шпили, обелиски будто растворялись там, в этой пустоте, а потом где-то взмывали из чернильной тьмы, словно окаменевшие языки пламени. Взгляд терялся среди этого нагромождения совершенно несовместимых форм, и находил облегчение лишь в круглых черных ямах, напоминавших глазницы: это были воронки маленьких кратеров, до краев наполненные тенью.

Пейзаж был единственным в своем роде. Пиркс уже бывал на Луне (об этом он раз шесть упомянул в беседе), но не в такую пору, за девять часов до захода Солнца. Они долго сидели у окна. Пнин называл Пиркса коллегой, а тот не знал, как ему отвечать, и мудрил с грамматикой изо всех сил. У русского была фантастическая коллекция фотоснимков, сделанных во время горных восхождений: он, Ганшин и еще один их товарищ, который временно улетел на Землю, в свободное время занимались альпинизмом.

Кое-кто пытался ввести в обиход слово «лунизм», но термин этот не привился, тем более что существуют ведь Лунные Альпы.

Пиркс, который ходил в горы еще до того, как стал курсантом, обрадовался, что встретил своего брата альпиниста, и начал расспрашивать Пнина, чем отличается лунная техника восхождения от земной.

— Коллега, надо помнить об одном, — отвечал Пнин, — только об одном. Делайте все, «как дома», пока возможно. Льда здесь нет — разве что в очень глубоких расщелинах, да и то чрезвычайно редко; снега, разумеется, тоже;

так что вроде тут очень легко, тем более что можно упасть с высоты тридцати метров и ничего с тобой не случится, — но об этом даже и думать нельзя.

— Почему? — очень удивился Пиркс.

— Потому что здесь нет воздуха, — объяснил астрофизик. — И, сколько бы вы ни ходили, все равно не научитесь правильно определять расстояние. Тут и дальномер не очень-то поможет, да и кто ходит с дальномером? Взойдешь на вершину, глянешь в пропасть — и кажется тебе, что в ней пятьдесят метров. А в ней, может, действительно пятьдесят, а может, триста или все пятьсот. Случилось мне однажды... Впрочем, вы знаете, как это происходит. Стоит человеку раз внушить себе, что можно сорваться, так он обязательно рано или поздно упадет. На Земле голову разобьешь — заживет со временем, а здесь один хороший удар по шлему, стекло треснет — и все. Так что держитесь, как в земных горах. Что там позволяете себе, то и здесь можно. Кроме прыжков через расщелины. Пойщите сначала камешек, швырните его на ту сторону и проследите за полетом. По правде говоря, я все же от души не советовал бы вообще прыгать. Ведь как обычно бывает: прыгнешь раз-другой на двадцать метров, так тебе уж и пропасти не страшны, и горы по колено — вот тут и жди несчастья. Спасательной службы здесь нет.., так что сами понимаете...

Пиркс начал расспрашивать о станции «Менделеев». Почему она поставлена почти на вершине, а не внизу? Трудная ли там дорога? Говорят, приходится карабкаться?

— Карабкаться почти не приходится, но путь довольно опасный. Это потому, что прошла каменная лавина. Из-под Солнечных Ворот. Она снесла дорогу... Что касается расположения станции — мне об этом неловко говорить. Особенно сейчас, после такого несчастья... Но вы, наверно, читали о нем, коллега?..

Пиркс, ужасно сконфузившись, промямлил, что как раз в то время у него была экзаменационная сессия. Пнин усмехнулся, но тотчас же посерьезнел.

— Так вот... Луна является международным владением, но каждое государство имеет здесь свою зону научных исследований, — нам досталось это полушарие. Когда стало известно, что радиационные пояса препятствуют прохождению космических лучей на том полушарии, которое обращено к Земле, англичане попросили у нас разрешения построить станцию на нашей стороне. Мы не возражали. Как раз в это время у нас самих велась подготовка к строительству на хребте Менделеева, вот мы и предложили англичанам этот район, с тем что они возьмут завезенные нами туда строительные материалы, а рассчитываться будем потом. Англичане согласились, а потом передали все канадцам, поскольку Канада входит в Британское Содружество. Нам, разумеется, было все равно.

Поскольку мы уже произвели предварительную разведку района, один из наших ученых, профессор Анимцев, вошел в состав группы канадских проектировщиков с совещательным голосом как консультант, хорошо знающий местные условия. И вдруг мы узнали,

что англичане все же принимают участие в этой истории. Они прислали Шэннера, и тот заявил, что на дне кратера могут возникнуть потоки вторичной радиации, которые будут искажать результаты исследований. Наши специалисты считали, что это невозможно, но решали все англичане: ведь это их станция. Они постановили перенести станцию наверх.

Конечно, стоимость строительства возросла ужасающе. И всю разницу в стоимости покрывали канадцы. Но дело не в этом. Мы деньги в чужом кармане не считаем. Они выбрали место для станции, начали проектировать дорогу. Анимцев сообщил: «Англичане хотели сначала перебросить через две пропасти мосты из железобетона, но канадцы возражают, потому что стоимость из-за этого возрастает чуть ли не вдвое; они хотят вгрызться во внутренний склон хребта Менделеева и направленными взрывами пробить два скальных выступа. Я им не советую: это может нарушить равновесие кристаллического базальтового основания. Они не слушают. Что делать?» Что же мы могли сделать? Они ведь не дети. У нас опыт геологических исследований побогаче, но, раз они не хотят прислушаться к совету, не будем им навязываться. Анимцев записал особое мнение, и на этом все кончилось. Начали взрывать скалу. Так первая бессмыслица — неправильный выбор места — повлекла за собой вторую. А результаты, к сожалению, не заставили себя долго ждать. Англичане построили три противолавинные стены, сдали станцию в эксплуатацию, по дороге пошли гусеничные транспортеры, — пожалуйста, полная

удача. Станция работала уже три месяца, когда у основания каменного навеса, под Солнечными Воротами, под этой большой зазубриной на западной грани хребта, показались трещины...

Пнин встал, вынул из шкафа несколько больших снимков и показал их Пирксу.

— Вот в этом месте. Здесь лежит, вернее, лежала, полуторакилометровая плита, местами нависшая над пропастью. Дорога пролежала примерно на одной трети высоты, по этой красной линии. Канадцы встревожились. Анимцев (он все еще находился там) объяснял им: разница между дневной и ночной температурами составляет триста градусов, трещины будут расширяться, и тут ничего не поделаешь. Разве подопрешь чем-нибудь плиту в полтора километра! Путь нужно немедленно перекрыть, а к станции, раз она уже построена, провести подвесную канатную дорогу. А они вызывают эксперта за экспертом из Англии, из Канады, и разыгрывается форменная комедия: экспертов, которые говорят то же, что наш Анимцев, немедленно отправляют домой. Остаются только те, которые пытаются как-то управиться с трещинами. Начинают пломбировать трещины цементом. Применяют глубокое пагнетание раствора, подкосы, цементируют и цементируют, а конца не видно: что зацементировано днем, ломается в первую же ночь. Уже бегут по расселинам небольшие лавины, но их задерживают каменные стены. Возводят систему клиньев, чтобы рассеивать более крупные лавины. Анимцев втолковывает, что дело не в лавинах: вся плита может рухнуть! Я просто смотреть

на него не мог, когда он к нам приезжал. Он ведь из кожи вон лез: видел надвигающуюся беду и ничего не мог поделать.

Скажу вам беспристрастно: у англичан есть прекрасные специалисты, но тут дело было не в специальных селенологических проблемах, а в престиже: построили дорогу и не могут отступить. Анимцев заявил в который-то раз протест и уехал. Потом дошло до нас известие, что начались споры и трения между англичанами и канадцами — все из-за плиты, из-за этого краешка так называемого Орлиного Крыла. Канадцы хотели взорвать ее — пусть разрушит всю дорогу, но зато можно будет проложить новый, безопасный путь. Англичане возражали. Впрочем, это была утопия. Анимцев подсчитал, что для взрыва понадобился бы водородный заряд в шесть мегатонн, а конвенция ООН запрещает применять радиоактивные материалы в качестве взрывчатых веществ. Так они спорили и ссорились, пока плита не рухнула... Англичане писали потом, что во всем виноваты канадцы, отвергшие первоначальный проект — эти самые виадуки из железобетона.

Пнин с минуту смотрел на другой снимок, изображавший зазубрину хребта почти в двойном увеличении; черными точками было обозначено место обвала, который ринулся на дорогу и разрушил ее вместе со всеми укреплениями.

— В результате станция временами недоступна. Днем туда можно легко добраться — несколько небольших переходов по гребням, но, как я уже говорил, дорога очень опасная.

Зато ночью идти туда практически невозможно. У нас тут Земли нет, сами знаете...

Пиркс понял, о чем говорит русский: на этой стороне долгие лунные ночи не освещает огромный фонарь Земли.

— А инфракрасные здесь не помогут? — спросил он.

Пнин усмехнулся.

— Инфракрасные очки? Какой в них толк, коллега, если через час после захода солнца поверхность камней остывает до ста шестидесяти градусов ниже нуля... Теоретически можно бы идти с радароскопом, но вы пробовали когда-нибудь ходить в горы с таким снаряжением?

Пиркс признался, что не пробовал.

— И не советую. Это предельно сложный способ самоубийства. Радар хорош на равнине, но не в горах...

В комнату вошли Лангнер и Ганшин: пора уже было отправляться. До станции «Менделеев» — полчаса в ракете, еще два часа отнимет пеший путь, а через семь часов зайдет Солнце. Семь часов — запас немалый. Тут выяснилось, что с ними полетит Пнин. Пиркс и Лангнер объясняли, что это не нужно, но хозяева и слушать не хотели.

В последнюю минуту Ганшин спросил, не хотят ли они передать что-нибудь на Землю, — теперь случай представится не скоро. Правда, между станциями «Менделеев» и «Циолковский» налажена радиосвязь, но через семь часов они пересекут терминатор и возникнут сильные помехи.

Пиркс подумал, что недурно было бы послать сестре Маттерса «привет с той стороны», но не отважился на это. Так что они поблагодарили и пошли вниз, но опять-таки выяснилось, что русские проводят их до ракеты. Тут Пиркс не выдержал и пожаловался на свой скафандр. Ему подобрали другой, а тот остался в шлюзовой камере станции «Циолковский».

Русский скафандр отличался своим устройством от тех, с которыми был знаком Пиркс. Шлем имел не два фильтра, а три: один предохранял от солнца в зените, другой — от низкого солнца, а третий, темно-оранжевый, — от пыли. По-иному были расположены и воздушные клапаны, и очень забавное устройство имелось в ботинках: можно накачать подошвы воздухом — и ходи как на подушках. Камней вообще не чувствуешь, а внешний слой подошвы идеально прилегает даже к самой гладкой поверхности. Это была «высокогорная» модель. Кроме того, скафандр был наполовину серебряный, наполовину черный. Повернешься черной стороной к Солнцу — начинаешь потеть, повернешься серебристой — по телу пробегает приятная прохлада. Пирксу это показалось не слишком-то удачной выдумкой: ведь не всегда можно повернуться к Солнцу как захочешь. Задом наперед идти, что ли?

Русские ученые расхохотались. Они показали переключатель на груди: он перемещал цвета. Можно было сделать скафандр черным спереди, а серебряным сзади и наоборот. Интересен был и способ, каким перемещались цвета. Узкое пространство между прозрачной внешней оболочкой из твердого пластика и

собственно корпусом скафандра заполнялось двумя разными видами красителей или, скорее, полужидких веществ, приготовленных на алюминии и на угле. А перемещались они просто под давлением кислорода, поступавшего из аппаратуры для дыхания.

Пора было идти к ракете. В первый раз Пиркс вошел в шлюзовую камеру станции с солнечной стороны и тогда был так ослеплен, что ничего не видел. Лишь теперь он обратил внимание, что камера была сконструирована особым образом: вся ее наружная стена двигалась вверх и вниз, как поршень. Пнин объяснил, что благодаря этому можно одновременно впускать или выпускать сколько угодно людей и не расходовать воздух попусту. Пиркс ощутил нечто вроде зависти, потому что камеры Института были почтеннейшими ящиками, устаревшими по меньшей мере на пять лет; а пять лет технического прогресса — это целая эпоха.

Солнце как будто вовсе не снизилось. Странно было шагать в надувных башмаках — словно и не касаешься почвы, — но Пиркс освоился с этим, прежде чем дошел до ракеты.

Профессор Ганшин придвинул свой шлем к шлему Пиркса и прокричал несколько прощальных слов, потом они пожали друг другу руки в тяжелых перчатках, и вслед за пилотом отлетающие влезли внутрь ракеты, которая чуть осела под увеличившейся тяжестью.

Пилот подождал, пока провожающие отойдут на безопасное расстояние, и запустил двигатели. Внутри скафандра угрюмый грохот нарастающей тяги звучал, как за толстой стеной.

Нагрузка возросла, но они даже не почувствовали, как ракета оторвалась от площадки. Только звезды заколебались в верхних иллюминаторах, а гористая пустыня в нижних провалилась и исчезла.

Они летели теперь совсем низко и поэтому ничего не видели, только пилот наблюдал за проплывавшим внизу призрачным ландшафтом. Ракета висела почти вертикально, как вертолет. Нарастание скорости угадывалось по усилившемуся грохоту двигателей и легкой вибрации всего корпуса.

— Внимание, снижаемся! — слышалось в шлемофоне. Пиркс не знал, говорит это пилот по бортовому радио или Пнин. Откинулись спинки кресел. Пиркс глубоко вздохнул, он стал легким — таким легким, что того гляди полетит; он инстинктивно ухватился за подлокотники. Пилот резко затормозил, дюзы запылали, завывли, языки пламени с невыносимым шумом устремились в обратную сторону, вдоль обшивки корабля, перегрузка возросла, опять упала, и наконец до ушей Пиркса донесся двойной сухой стук — они сели. А дальше началось нечто неожиданное. Ракета, которая уже начала свои странные колебания и качалась вверх-вниз, будто подражая мерным приседаниям длинноногих насекомых, вдруг накренилась и под нарастающий грохот камней стала заметно сползать с места.

— Катастрофа! — мелькнуло в уме у Пиркса. Он не испугался, но непроизвольно напряг все мышцы. Его попутчики лежали неподвижно. Двигатели молчали. Пиркс отлично понимал пилота: корабль, кренясь и колеблясь,

сползает вниз вместе с каменной осыпью, и если включить двигатели, то при резком крене одной из «ног» они, не успев взлететь, либо опрокинутся, либо ударятся о скалы.

Скрежет и грохот каменных глыб, катящихся под стальными лапами ракеты, все слабел и наконец утих. Еще несколько струек гравия звонко пробарабанили по металлу, еще какой-то обломок подался вглубь под нажимом шарнирной «ноги» — и кабина медленно осела, с креном градусов в десять.

Пилот выбрался из своего колодца слегка сконфуженный и начал объяснять, что изменился рельеф местности: видимо, по северному склону прошла новая лавина. Он сел на осыпь под самой стеной, чтобы доставить их поближе к цели.

Пнин ответил, что это не слишком-то удачный способ сокращать дорогу: каменная осыпь — не космодром, и без необходимости рисковать не следует. На этом короткий диалог кончился, пилот пропустил пассажиров в шлюзовую камеру, и они по лесенке спустились на осыпь.

Пилот остался в ракете — он должен был ожидать возвращения Пнина, — а Лангнер и Пиркс пошли с Ганшиным.

Пиркс считал, что хорошо знает Луну. Однако он ошибался. Район станции «Циолковский» был просто прогулочной площадкой по сравнению с местом, где они оказались сейчас. Ракета, накренившись на раздвинутых до предела «ногах», ушедших в каменную осыпь, стояла всего в трехстах шагах от границы тени, отбрасываемой главным массивом хреб-

та Менделеева. Плающее в черном небе солнечное жерло почти коснулось зубцов цепи, и казалось, зубы в этом месте плавятся, но это был обман зрения. Однако отвесные стены, возникающие из тьмы километром или двумя далее, не были иллюзией. К изрезанной глубокими рытвинами равнине, являвшейся дном кратера, сбегали из расселин немыслимо белые треугольники осыпей; места свежих обвалов легко распознавались по размытым очертаниям камней, окутанных медленно оседающей пылью. Потрескавшуюся лаву на дне кратера тоже покрывал слой светлой пыли; вся Луна была припудрена микроскопическими частицами метеоров — этого мертвого дождя, миллионы лет падавшего на нее со звезд. По обе стороны тропы — она, в сущности, была нагромождением глыб и обломков, таким же диким, как все вокруг, и называлась так лишь потому, что была обозначена вцементированными в камень алюминиевыми вехами, каждая из которых увенчивалась чем-то вроде рубинового шарика, — по обе стороны этого пути, нацеленного вверх по осыпи, стояли наполовину залитые светом, наполовину черные, как галактическая ночь, стены, с которыми не могли сравниться даже громады Гималаев.

Слабое лунное притяжение позволяло камням на века застывать в формах, будто рожденных в кошмарном сне. Даже привыкшие к виду пропастей люди рано или поздно терялись при восхождении к вершинам. Впечатление нереальности, фантастичности окружающего ландшафта усиливалось и тем, что белые глыбы пемзы от пинка ногой взлетали вверх,

как пузыри, а самый тяжелый обломок базальта, брошенный вниз по склону, летел неестественно медленно, долго и падал беззвучно, будто во сне.

Когда они поднялись на несколько сот шагов, цвет скал изменился. Реки розоватого порфира с двух сторон окаймляли расселину, в которой шли Пнин, Лангнер и Пиркс. Глыбы, громоздвигавшиеся подчас в несколько этажей, сцепившись заостренными краями, будто ждали легкого прикосновения, чтобы ринуться вниз неудержимой лавиной.

Пнин вел их через этот лес окаменевших взрывов, шагая не очень быстро, но безошибочно. Иногда камень, на который он ставил свою ногу в огромном башмаке скафандра, шатался. Тогда Пнин замирал на мгновение и либо шел дальше, либо обходил это место, по ему лишь известным приметам угадывая, выдержит этот камень тяжесть человека или нет. К тому же звук, так много открывающий альпинисту, здесь не существовал. Одна из базальтовых глыб оторвалась без видимых причин и покатила вниз — замедленно, словно сонливо, потом увлекла за собой массу других камней, которые яростными скачками мчались все быстрее, и наконец белая как молоко пыль скрыла дальнейший путь лавины. Это было совсем как в бреду: огромные глыбы сталкивались совершенно беззвучно, и даже подрагивания почвы не ощущались сквозь надувные подошвы. За крутым поворотом Пиркс увидел след лавины, а сама она уже казалась волнистым, спокойно стелющимся облаком. С невольным беспокойством он начал искать взглядом

ракету, но она была в безопасности, стояла на прежнем месте, километрах в двух отсюда, и Пиркс видел ее блестящее брюшко и три черточки ножек. Будто странное лунное насекомое присело на старой осыпи, которая раньше казалась Пирксу крутой, а отсюда выглядела плоской, как стол.

Когда они приблизились к полосе тени, Пнин ускорил шаг. Пиркс был так поглощен зрелищем дикой и грозной природы, что ему просто некогда было взглянуть на Лангнера. Только сейчас он заметил, что маленький астрофизик ступает уверенно и совсем не спотыкается.

Пришлось прыгать через четырехметровую расщелину. Пиркс вложил в прыжок слишком много сил; он взмыл вверх и, бесцельно перебирая ногами, опустился в добрых восьми метрах за противоположным краем пропасти. Только такой лунный прыжок мог дать человеку новый опыт, не имевший ничего общего с паясничанием туристов в гостинице на Луне.

Они вошли в тень. Пока они находились сравнительно недалеко от залитых солнцем скал, их отблески слегка освещали тьму, играли на выпуклостях скафандров. Но вскоре мрак настолько сгустился, что путники потеряли друг друга из виду. В тени была ночь. Сквозь все антитермические слои скафандра Пиркс ощутил ее ледяной холод; он не добирался до тела, не жег кожу, но будто напоминал о своем молчаливом, холодном присутствии: некоторые части бронированного скафандра явственно задрожали, охладившись на двести с лишним градусов. Когда привыкли

глаза, Пиркс заметил, что красные шары на верхушках алюминиевых мачт довольно ярко светятся; бусинки этого рубинового ожерелья уходили вверх и исчезали в свете Солнца — там растрескавшийся горный хребет устремлялся в долину, создавая три гигантских крутых уступа, громоздившихся друг на друга; их разделяли узкие горизонтальные выходы горных пластов, образуя нечто вроде острых карнизов. Пирксу показалось, что исчезающая вдали шеренга мачт ведет к одной из этих каменных полок, но он подумал, что это, пожалуй, невозможно. У самого верха сквозь гребень, словно расколотый ударом молнии, прорывался почти горизонтальный сноп солнечного света. Он напоминал возникший в глухом молчании взрыв, брызгающий раскаленной белизной на скальные выступы и расщелины.

— Вон там станция, — донесся через шлемофон близкий голос Пнина. Русский остановился на границе ночи и дня, мороза и зноя, показывая рукой куда-то вверх, но Пиркс не мог различить ничего, кроме чернеющих обрывов, не посветлевших даже под Солнцем.

— Видите Орла?.. Так мы называли этот хребет. Это голова, вон клюв, а это крыло!..

Пиркс видел только нагромождение света и теней. Над восточной, искрящейся гранью хребта торчала наклонная вершина; из-за отсутствия воздушной дымки, размывающей очертания, она казалась совсем близкой. И вдруг Пиркс увидел всего Орла. Крыло — это и была та стена, к которой они направлялись; выше, на фоне звезд, выделялась голова птицы; наклонная вершина была клювом.

Пиркс посмотрел на часы. Прошло уже сорок минут. Значит, остается идти по меньшей мере еще столько же.

Перед очередной полосой тени Пнин остановился, чтобы переключить свой климатизатор. Пиркс воспользовался этим и спросил, куда ведет дорога.

— Туда, — Пнин показал рукой вниз.

Пиркс видел лишь пропасть, а на дне ее — конус осыпи, из которой торчали огромные обломки скал.

— Оттуда откололась плита, — объяснил Пнин, указывая теперь на просвет в гребне. — Это Солнечные Ворота. Сейсмографы на «Циолковском» зарегистрировали сотрясение почвы; по нашим подсчетам, рухнуло вниз около полумиллиона тонн базальта...

— Позвольте, — перебил его ошеломленный Пиркс. — А как же теперь доставляют наверх грузы?

— Сами увидите, когда придем, — ответил Пнин и зашагал вперед.

Пиркс последовал за ним, пытаясь на ходу решить загадку, но ничего не придумал. Неужели они таскают на спине каждый литр воды, каждый баллон кислорода? Нет, это невозможно. Теперь они шли быстрее. Над пропастью торчала последняя алюминиевая мачта. Темнота снова окутала их, и пришлось зажечь фонарики на шлемах; белые пятна света мерцали, перескакивали с одного каменного выступа на другой. Теперь они шли по карнизу, который иногда сужался до ширины двух ладоней. Они шли, как по канату, по совершенно плоской полке; ее шершавая по-

верхность служила хорошей спорой. Правда, хватило бы одного неверного шага, легкого головокружения...

— Почему мы не связались? — подумал Пиркс, и в эту минуту световое пятно впереди замерло: Пнин остановился.

— Веревка, — сказал он.

Пнин подал конец веревки Пирксу, а тот, пропустив ее через специальный карабин, бросил дальше, Лангнеру. Пока они не двигались, Пиркс мог, прислонившись спиной к скале, посмотреть вниз.

Вся воронка кратера лежала перед ним как на ладони, черные лавовые ущелья казались сеточкой трещин, приземистый центральный конус отбрасывал длинную тень.

Где была ракета? Пиркс не мог ее обнаружить. Где дорога? Эти извилины, помеченные рядами алюминиевых мачт? Они тоже исчезли. Виднелось лишь пространство каменного цирка в ослепительно ярком блеске и в полосах черной тьмы, тянувшихся от одной груды камней к другой; светлая каменная пыль, присыпавшая скалы, подчеркивала рельеф местности с ее гротескными группами кратеров, все уменьшавшихся; только в районе хребта Менделеева были, наверное, сотни кратеров разного диаметра — от полукилометровых до еле заметных; все они были идеально круглые, с пологим наружным скатом и более крутым внутренним, в центре у них располагалась горка либо небольшой конус, на худой конец — нечто наподобие пупка; самые маленькие из них были точной копией средних, средние ничем не отличались от больших, и все это нахо-

дилось внутри огромного каменного кольца диаметром тридцать километров.

Это соседство хаоса и точности раздражало человеческий разум; в этом созидании и разрушении форм по единому образцу математическое совершенство сочеталось с полнейшей анархией смерти. Пиркс посмотрел вверх, потом назад: сквозь Солнечные Ворота по-прежнему хлестали потоки белого огня.

Через несколько сот шагов, за узкой расщелиной, скала отступила; они все еще шли в тени, но стало светлее от лучей, отражаемых вертикально торчащей каменной палицей, которая вырастала из мрака чуть ли не на два километра. Они перебрались через каменистую осыпь, и перед ними открылся довольно пологий, ярко освещенный склон. Пиркс начинал ощущать странное одеревенение — не мускулов, а разума, наверное, оттого, что внимание было перенапряжено: ведь на него обрушилось все сразу — и Луна с ее дикими горами, и ледяная ночь попеременно с приливами неподвижного зноя, и это великое всепоглощающее молчание, среди которого человеческий голос, время от времени звучащий в шлеме, кажется таким же неестественным и неуместным, как попытка пронести на вершину Маттергорна золотую рыбку в аквариуме.

Пнин свернул за последний пик, отбрасывавший тень, и весь вспыхнул, будто облитый огнем. Тот же огонь брызнул в глаза Пирксу, прежде чем он сообразил, что это — Солнце, что они выбрались на верхний, уцелевший участок дороги.

Теперь они быстро шагали рядом, опустив на шлемах сразу по два противосолнечных фильтра.

— Сейчас придем, — сказал Пнин.

По такой дороге действительно могли ездить машины, ее проделали в скале управляемыми взрывами; она вела под навесом Орлиного Крыла на самую вершину кратера; там было нечто вроде седловины с естественно образовавшимся каменным котлом, срезанным снизу. Этот котел и помог наладить снабжение станции после катастрофы. Грузовая ракета привозила припасы, и специальный миномет, предварительно пристрелявшись по котлу, начинал выстреливать в него контейнеры с грузом. Несколько контейнеров обычно раскалывалось, но большинство выдерживало и выстрел, и удар о скалу, потому что их бронированные корпуса отличались исключительной прочностью. Раньше, когда не было еще ни Луны Главной, ни вообще каких-либо станций, доставить припасы экспедициям, углублявшимся в район Центрального Залива, можно было, лишь сбросив контейнер с ракеты; а поскольку парашюты были здесь совершенно бесполезны, приходилось так конструировать эти дюралевые или стальные ящики, чтобы они выдержали самый сильный удар. Их сбрасывали, словно бомбы, а участники экспедиции потом их собирали — иной раз приходилось обыскать квадратный километр пространства. Теперь эти контейнеры сновагодились.

За седловиной дорога шла под самым гребнем к северной вершине Орлиной Головы; метров на триста ниже сверкал бронированный

колдак станции. Со стороны склона станцию окружало полукольцо глыб: они катились в пропасть и задержались, встретив на пути стальной купол. Несколько таких глыб лежало на бетонной площадке у входа в станцию.

— Да неужели нельзя было найти места получше? — вырвалось у Пиркса.

Пнин, который уже поставил ногу на первую ступеньку лестницы, приостановился.

— Вы говорите совсем как Анимцев, — сказал он.

Пнин ушел — один — за четыре часа до захода солнца. Но, собственно, он ушел в ночь: почти вся дорога, которую ему предстояло пройти, была уже окутана непроглядной тьмой... Лангнер, знавший Луну, сказал Пирксу, что, когда они шли, не было еще по-настоящему холодно — камни лишь начинали остывать. Мороз как следует прихватит примерно через час после наступления темноты.

С Пниным договорились, что он даст знать, когда доберется до ракеты. Действительно, через час двадцать минут они услышали его голос по радио. Разговор был короткий, нельзя было терять ни секунды, тем более что стартовать приходилось в трудных условиях: ракета стояла не вертикально, а ее лапы довольно глубоко ушли в каменную осыпь и действовали, как якоря с балластом. Пиркс и Лангнер, отодвинув металлический ставень окна, видели этот старт, — конечно, не самое начало, поскольку место стоянки заслоняли выступы главного хребта. Но вдруг темноту, густую и бесформенную, прошила огненная линия, а снизу взвилось рыжее зарево — это

был свет выхлопных огней, отраженный взметнувшейся пылью. Огненное копьё уходило все выше и выше, ракета совсем не была видна, только эта раскаленная струна, все более тонкая, рвущаяся, распадающаяся на волокна, — нормальная пульсация двигателя, работающего на полной мощности. Пиркс и Лангнер запрокинули головы: огненная линия, отмечающая путь ракеты, проходила уже среди звезд; потом она плавно отклонилась от вертикали и красивой дугой ушла за горизонт.

Они остались вдвоем, в абсолютной темноте, так как намеренно погасили все огни, чтобы лучше видеть старт. Задвинули бронированный ставень, включили свет и поглядели друг на друга. Лангнер слегка усмехнулся и, ссутулившись, подошел к столу, где лежал его рюкзак, и начал доставать из него книги. Пиркс стоял, прислонившись к вогнутой стене. В голове у него все перемешалось: холодные подземелья Луны Главной, узкие гостиничные коридоры, лифты, туристы, подпрыгивающие к потолку и обменивающиеся кусками оплавленной пемзы, полет на станцию «Циолковский», рослые русские исследователи, серебряная паутинка радиотелескопа, еще один полет и, наконец, эта дьявольская дорога сквозь каменный холод и зной, с пропастями, глядящими прямо в стекло шлема. Он не мог поверить, что так много уместилось в каких-нибудь несколько часов: время гигантски выросло, охватило все эти картины, поглотило их, а теперь они возвращались, будто борясь за первенство. Пиркс на мгновение сомкнул пылающие, сухие веки и снова открыл глаза.

Лангнер по какой-то своей системе расставлял книги на полке. Пирксу показалось, что он понял этого человека. Спокойные движения его рук, выстраивающих книги в ровный ряд, не свидетельствовали об отупении или равнодушии. Лангнера не угнетал этот мертвый мир, потому что он ему служил: прибыл он на станцию по доброй воле, по дому не грустил, дом для него — спектрограммы, результаты вычислений и то место, где эти вычисления производились; он всюду мог чувствовать себя как дома, раз уж весь сосредоточился на ненасытной жажде знаний; он знал, зачем живет. Никогда бы Пиркс не сознался ему в своих романтических мечтах о великом подвиге! Он, наверное, даже не усмехнулся бы, как минуту назад, а выслушал бы его и вернулся к своей работе. Пиркс на мгновение позавидовал его уверенности. Но вместе с тем он чувствовал, что Лангнер чужой, что им нечего сказать друг другу, а ведь им предстояло вместе пережить надвигающуюся ночь, и день, и еще одну ночь... Пиркс обвел взглядом кабину, будто впервые увидел ее. Покрытые пластиком вогнутые стены. Закрытое бронированным клапаном окно. Потолочные, вделанные в пластик лампы. Несколько цветных репродукций между полками со специальной литературой; узенькая табличка в рамке, на ней в два столбца написаны фамилии всех, кто жил здесь. По углам порождение кислородные баллоны, консервные банки, наполненные разноцветными кусочками минералов. Легкие металлические стулья с нейлоновыми сиденьями. Небольшой рабочий стол, над ним лампа, укрепленная на шарнире.

Сквозь приоткрытые двери видна аппаратура радиостанции.

Лангнер наводил порядок в шкафу, набитом негативами. Пиркс вышел в прихожую; слева была кухонька, прямо — выход в шлюзовую камеру, а справа — две крошечные комнаты. Он открыл свою. Кроме койки, складного стула, выдвижного столика и полочки, там ничего не было. Потолок с одной стороны, над койкой, был скошен, как в мансарде, но не плоско, а дугообразно, соответственно кривизне наружной брони.

Пиркс вернулся в прихожую. Дверь шлюзовой камеры была скруглена на углах, края ее покрывал толстый слой герметизирующего пластика. Пиркс увидел спицевое колесо и лампочку, которая загоралась, когда наружный люк был открыт и в камере устанавливался вакуум. Сейчас лампочка не горела. Пиркс открыл дверь. Автоматически вспыхнули две лампы, осветив узкое помещение с голыми металлическими стенами и вертикальной лесенкой посередине — лесенка упиралась в выходной люк в потолке. Под нижней ступенькой лесенки виднелся слегка затертый шагами меловой контур. На этом месте нашли Сэвиджа: он лежал на боку, скорчившись, и его не сразу смогли поднять, потому что кровь, залившая ему глаза и лицо, примерзла к шероховатым плитам. Пиркс поглядел на этот белеватый абрис, еще напоминающий человеческий силуэт, потом попятился и, заперев герметическую дверь, поднял глаза к потолку: сверху доносились чьи-то шаги. Это Лангнер влез по приставной лесенке в противополож-

ном конце коридора и возился в обсерватории. Просунув голову в круглый люк в полу обсерватории, Пиркс увидел зачехленный телескоп, напоминавший маленькую пушку, камеры астрографов и два довольно больших аппарата: это были камера Вильсона и другая, масляная, с устройством для фотографирования следов частиц.

Станция была предназначена для исследования космических лучей, и пластинки, которые применяются для этой цели, валялись повсюду; их оранжевые пакеты лежали между книгами, под полками, в ящиках столов, у кроватей, даже в кухоньке. И это все? Собственно, все, если не считать больших резервуаров с водой и кислородом, размещенных под полом и наглухо закрепленных в лунном грунте, в массиве хребта Менделеева.

Над каждой дверью висел круглый индикатор, регистрирующий концентрацию углекислого газа в помещении. Над ним виднелось ситечко климатизатора. Установка работала бесшумно. Она всасывала воздух, очищала его от углекислого газа, добавляла необходимое количество кислорода, увлажняла или осушала и опять нагнетала во все помещения станции. Пиркс был рад каждому звуку, долетавшему из обсерватории: когда Лангнер не шевелился, тишина так разрасталась, что можно было расслышать ток собственной крови, совсем как в экспериментальном бассейне, в «сумасшедшей ванне», — но из бассейна можно было вылезти в любую минуту...

Лангнер спустился вниз и приготовил ужин так бесшумно и умело, что, когда Пиркс вошел

в кухню, все было уже готово. Они ели, почти не переговариваясь: «Передайте мне соль. — Хлеб еще есть в банке? — Завтра придется открыть новую. — Кофе или чаю?»

Только и всего. Пирксу сейчас немногословность была по душе. Что они, собственно, едят? Третий обед за день? Или четвертый? А может, это уже завтрак следующих суток? Лангнер сказал, что должен проявить отснятые пластинки. Он ушел наверх. Пирксу нечем было заняться. Он вдруг понял это. Его прислали сюда, чтобы Лангнер не был в одиночестве, Пиркс ведь не разбирается ни в астрофизике, ни в космических лучах. Разве станет Лангнер обучать его обращению с астрографом! Вышел он на первое место, психологи заверили, что такой человек не рехнется, поручились за него. Теперь придется просидеть в этом горшке две недели ночи, а потом две недели дня, неизвестно чего ожидая, неизвестно на что глядя...

Это Задание, эта Миссия, которая несколько часов назад казалась ему невероятным счастьем, теперь предстала в своем подлинном облике — как бесформенная пустота. От чего должен он охранять Лангнера и самого себя? Каких следов искать? И где? Может, он считал, что откроет такое, чего не заметили все блестящие специалисты, входившие в состав комиссии, люди, годами изучавшие Луну? Каким идиотом он был!

Пиркс сидел у стола. Надо было вымыть посуду. И завернуть кран, потому что утекала по капле вода, бесценная вода, которую привозили в виде замороженных глыб и забрасы-

вали из миномета по дуге в два с половиной километра в каменный котел у подножия станции.

Но он не двигался. Даже не пошевелил рукой, безвольно лежавшей на краю стола. В голове были жар и пустота, безмолвие и тьма, со всех сторон обступившие стальную скорлупу станции. Он протер глаза, которые горели, как песком засыпанные. С трудом встал, словно весил вдвое больше, чем на Земле. Отнес грязную посуду к раковине, с шумом бросил ее на дно, под струйку теплой воды. И, моя тарелки, соскребая с них застывшие остатки жира, Пиркс усмехнулся, вспомнив свои мечты, которые развеялись еще где-то на дороге к хребту Менделеева и остались так далеко позади, были такими смешными и чуждыми, такими давними, что их нечего было даже стыдиться.

• • •

С Лангнером можно было прожить что день, что год — это ничего не меняло. Работал он усердно, но размеренно. Никогда не торопился. Не имел никаких дурных привычек, никаких странностей и чудачеств. Если живешь с кем-нибудь в такой тесноте, любой пустяк начинает раздражать: что твой компаньон долго торчит под душем, что отказывается открыть банку со шпинатом, потому что не любит шпинат, что ему бывает весело, что он вдруг перестает бриться и обрастает жуткой колючей щетиной, либо порезавшись при бритье, потом битый час разглядывает себя в зер-

кале и строит мины, будто он тут один. Лангнер был не такой. Он ел все, хотя и без особого удовольствия. Никогда не капризничал: нужно мыть посуду — моет. Не распространялся по долгу о себе и своих научных трудах. Спросишь о чем-нибудь — ответит. Пиркса он не сторонился. Но и не навязывался ему. Именно эта безличность и могла бы раздражать Пиркса. Потому что первое здешнее впечатление — когда физик, расставлявший книги на полке, показался ему олицетворением скромного героизма, собственно не героизма, а достойного зависти, стоически мужественного отношения к науке — это впечатление исчезло, и навязанный Пирксу компаньон казался ему бесцветным до тошноты. Но Лангнер все же не вызывал у Пиркса ни тоски, ни раздражения. Потому что у Пиркса оказалась — по крайней мере на первое время — масса дел. И дела эти были захватывающие. Теперь, когда Пиркс знал и станцию, и ее окрестности, он снова принялся изучать все документы комиссии.

Катастрофа произошла через четыре месяца после ввода станции в строй. Она наступила не на рассвете и не в сумерки, как того можно было ожидать, а почти в самый лунный полдень. Три четверти нависшей плиты Орлиного Крыла рухнули — без каких-либо признаков, предвещающих катастрофу. Катастрофа произошла на глазах у четырех человек: личный состав станции был тогда временно удвоен, и все как раз стояли, ожидая колонну транспортеров с припасами.

Расследование показало, что проникновение в глубь главной опоры Орла действитель-

но нарушило ее кристаллическую структуру и механическую устойчивость всей системы. Англичане сваливали ответственность на канадцев, канадцы — на англичан; лояльность партнеров по Британскому Содружеству проявилась лишь в том, что они дружно умолчали о предостережениях профессора Анимцева. Но как бы ни обстояло дело, а результаты были трагические. Четверо людей, стоявших у станции, менее чем в миле по прямой линии от места катастрофы, видели, как раскалывается надвое ослепительно сверкающая скала, как разваливается в куски система противолавинных клиньев и стен, как вся эта масса мчащихся глыб сносит дорогу вместе с подпирающим ее скальным основанием и падает в долину, которая на тридцать часов превратилась в море слегка клубящейся белой пыли, — разлив этой пыли, гонимой бешеным натиском лавины, через несколько минут уже достиг противоположного склона кратера. В губительной зоне обвала оказались два транспортера. Того, что замыкал колонну, вообще не удалось найти. Его обломки были погребены под десятиметровой толщей камней. Водитель второго транспортера пытался спастись. Он проскочил поток лавины и выбрался на верхний, уцелевший участок дороги, но огромная глыба, перемахнув через сохранившийся остаток противолавинной стены, сбросила машину в трехсотметровую пропасть. Водитель успел открыть люк и упал в поток мелких камней. Он один пережил своих товарищей, впрочем, лишь на несколько часов. Но эти несколько часов были сущим адом для остальных. Этот человек, кана-

дец французского происхождения, по фамилии Роже, не потерял сознания—или пришел в себя сразу после катастрофы — и из глубины белой тучи, закрывшей все дно кратера, звал на помощь. Приемник в радиоаппаратуре его скафандра был поврежден, но передатчик действовал. Найти Роже было невозможно. Запеленговать его передатчик никак не удавалось из-за многократного преломления волн, отражаемых глыбами, а глыбы были величиной с большой дом, и спасатели двигались по этому лабиринту, залитому молочной пылью, как по руинам города. Радар был бесполезен из-за обилия сернистого железа в осыпавшейся породе. Через час, когда из-под Солнечных Ворот ринулась вторая лавина, розыски пришлось прервать. Вторая лавина была небольшой, однако она могла предвещать новые обвалы. И они ждали, а голос Роже все еще был слышен, и особенно четко наверху, на станции: каменная воронка кратера действовала, как нацеленный вверх рупор. Через три часа прибыли русские со станции «Циолковский» и двинулись в пылевое облако на гусеничных транспортерах; машины становились дыбом и того гляди могли опрокинуться на движущемся склоне: из-за слабого притяжения угол падения каменных осыпей на Луне круче, чем на Земле. Цепочки спасателей прошли туда, где и гусеничные машины не могли пройти, и трижды прочесали зыбкую поверхность осыпи. Один из спасателей упал в расщелину; только немедленная отправка на станцию «Циолковский» и быстрые действия врача спасли ему жизнь. Но и тогда люди не

ушли из белой тучи, потому что все они слышали постепенно слабеющий голос Роже.

Через пять часов он умолк. Роже был еще жив. Об этом знали все. В скафандре, помимо обычной аппаратуры для радиотелефонной связи, есть миниатюрный автоматический передатчик, соединенный с кислородным прибором. Электромагнитные волны передают каждый вдох и выдох на станцию, где он регистрируется специальным устройством, вроде «магического глаза»: зеленый светящийся мотылек то расправляет крылья, то складывает. Это фосфоресцирующее мигание подтверждало, что потерявший сознание, умирающий Роже все еще дышит; пульсация эта все замедлялась; никто не мог уйти из помещения радиостанции, столпившиеся здесь люди бессильно ждали смерти Роже.

Роже дышал еще два часа. Потом зеленый огонек в «магическом глазе» замерцал, сжался и замер. Лишь через тридцать часов отыскали изуродованный, окаменевший труп канадца и похоронили Роже в помятом скафандре, как в металлическом гробу.

Потом проложили новую дорогу, точнее, ту горную тропу, по которой Пиркс пришел на станцию. Канадцы хотели было ликвидировать станцию, но их упрямые английские коллеги разрешили проблему доставки припасов оригинальным способом, который впервые был предложен на Земле при штурме Эвереста. Тогда его отклонили как нереальный. Реальным он оказался лишь на Луне.

Эхо катастрофы прокатилось по всей Земле в многочисленных, порой совершенно проти-

воречивых версиях. Наконец, шум утих. Трагедия стала очередной главой в летописи борьбы с лунными пустынями. На станции посменно дежурили астрофизики. Так прошло шесть лунных дней и ночей. А когда уже казалось, что на этой недавно так много испытывавшей станции не произойдет больше ничего сенсационного, станция «Менделеев» вдруг не ото-звалась на позывные, поданные на рассвете радистами станции «Циолковский». И опять туда направилась команда с «Циолковского» — спасти людей или, вернее, выяснить, чем объясняется молчание станции. Их ракета опустилась у края большой осыпи под Орлиной Вершиной.

До купола станции они добрались, когда почти весь кратер был еще залит непроглядной тьмой. Только под самой вершиной искрился в горизонтальных лучах стальной колпак станции. Входной люк был открыт настежь. Под ним, у основания лестнки, лежал Сэвидж — в такой позе, будто он соскользнул со ступенек. Смерть наступила в результате удушья: бронированное стекло его шлема треснуло. Позже на внутренней стороне его рукавиц обнаружили еле заметные следы каменной пыли, будто он возвращался после восхождения в горы. Но следы эти могли иметь более давнее происхождение. Второго канадца, Шалье, нашли только после тщательного осмотра близлежащих расщелин и откосов. Спасатели, спустившись на тросах длиной триста метров, извлекли его тело со дна пропасти под Солнечными Воротами. Труп лежал лишь в не-

скольких десятках метров от того места, где погиб и был похоронен Роже.

Все попытки восстановить картину случившегося сразу показались безнадежными. Никто не мог выдвинуть правдоподобную гипотезу. К месту происшествия прибыла смешанная англо-канадская комиссия.

Часы Шалье остановились в двенадцать, но не известно было, в полдень они разбились или в полночь. Часы Сэвиджа остановились в два. Внимательный осмотр (а расследование велось с идеальной тщательностью) показал, что пружина часов раскрутилась до конца. Значит, часы Сэвиджа, по всей вероятности, не остановились в момент его смерти, а шли еще некоторое время.

В помещении станции был обычный порядок. В станционном журнале, куда заносились все существенные факты, не было ничего, что могло бы пролить хоть луч света на происшедшее. Пиркс изучил этот журнал страницу за страницей. Записи были лаконичны: в таком-то часу произведены астрономические измерения, экспонировано столько-то пластинок, в такой-то обстановке проведены следующие наблюдения. Среди этих стереотипных заметок ни одна не имела хотя бы косвенной связи с тем, что произошло в эту последнюю для Сэвиджа и Шалье лунную ночь.

Все здесь свидетельствовало о том, что смерть захватила жителей станции врасплох. Нашли открытую книгу, на полях которой Шалье делал пометки; она лежала, прижатая другой книгой, чтобы страницы не закрывались, освещенная электрической лампой. Ря-

дом была трубка, она упала на бок, и выпавший уголек слегка опалил пластиковое покрытие стола. К тому же Сэвидж готовил тогда ужин. В кухне остались открытые банки консервов, в миске белела разведенная на молоке каша для омлета, дверца холодильника была открыта, а на белом столике стояли две тарелки, два прибора и нарезанный зачерствевший хлеб...

Стало быть, один из них оторвался от чтения и отложил дымящуюся трубку, как это делают, когда хотят ненадолго отлучиться из комнаты. А другой бросил готовить ужин, оставил сковородку с расплавленным жиром, даже не захлопнул дверцу холодильника. Они надели скафандры и вышли в ночь. Одновременно? Или один за другим? Зачем? Куда?

Оба они пробыли на станции уже две недели. Превосходно знали окружающую местность. Да и ночь была на исходе. Через десять-пятнадцать часов должно было взойти солнце. Почему они не дождались восхода, если оба — или один из них — решили спуститься на дно кратера? О том, что таково было, по-видимому, намерение Шалье, свидетельствовало место, где нашли его труп. Он, как и Сэвидж, знал, что забираться на площадку под Солнечными Воротами, где дорога неожиданно обрывается, — это сумасшествие. Пологий спуск становился в этом месте все круче, будто приглашая спуститься вниз, но через несколько десятков шагов уже зияла пропасть, образовавшаяся в результате обвала. Новая дорога огибала это место, а потом шла вдоль линии алюминиевых вех. Это знал каждый, кто

хоть раз побывал на станции. И вдруг один из постоянных ее сотрудников пошел именно туда, начал спускаться по плитам, ведущим к пропасти. С какой целью? Чтобы совершить самоубийство? Но разве бывает так, чтобы самоубийца оторвался от увлекательного чтения, оставил раскрытую книгу, отложил дымящуюся трубку и пошел навстречу смерти?

А Сэвидж? При каких обстоятельствах треснуло стекло в его шлеме? Когда он только выходил из станции — или когда возвращался? Или он собрался искать Шалье, который все не возвращался? Но почему он не пошел с ним вместе? А если пошел, то как мог позволить ему спуститься к обрыву?

На все эти вопросы не было ответов...

Единственным предметом, оказавшимся явно не на своем месте, была пачка пластинок, предназначенных для регистрации космических лучей. Она лежала в кухне на белом столике, рядом с пустыми чистыми тарелками.

Комиссия пришла к следующим выводам.

В тот день дежурил Шалье. Углубившись в чтение, он вдруг спохватился, что время приближается к одиннадцати. В этот час он должен был заменить экспонированные пластинки новыми. Пластинки экспонировались вне станции. На сотню шагов выше по склону горы был вырублен в скале неглубокий колодец. Стены его выложили свинцом, чтобы на фотопластинки падали только вертикальные лучи, как требовали условия тогдашних исследований. Итак, Шалье встал, отложил книгу и трубку, взял пачку новых пластинок, надел скафандр, вышел через шлюзовую камеру, на-

правился к колодцу, спустился по ступенькам, вделанным в стену, сменил пластинки и, взяв экспонированные, отправился назад.

На обратном пути он заблудился. Кислородный аппарат у него не был испорчен; значит, разум его помутился не от аноксии — кислородного голодания. Так по крайней мере можно было предположить после осмотра разбитого скафандра.

Члены комиссии пришли к убеждению, что сознание Шалье внезапно помрачилось, — иначе он не сбился бы с дороги. Слишком хорошо он ее знал. Может, он неожиданно заболел, упал в обморок, может, у него закружилась голова и он потерял ориентировку? Во всяком случае, он шел, думая, что возвращается на станцию, а на самом деле двигался прямо к пропасти, которая поджидала его в каких-нибудь ста метрах.

Сэвидж, видя, что Шалье долго не возвращается, забеспокоился, бросил стряпню и попытался установить с ним радиосвязь. Передатчик был настроен на ультракороткий диапазон местной связи. Конечно, его могли включить и раньше, если б кто-нибудь из дежурных пытался, несмотря на помехи, установить связь со станцией «Циолковский». Но, во-первых, русские не слышали никаких радиосигналов, пусть даже искаженных до полной непонятности. А во-вторых, это предположение казалось маловероятным еще и потому, что и Сэвидж, и Шалье прекрасно понимали всю бессмысленность такой попытки как раз в период самых сильных радиопомех, перед рассветом... Когда связаться с Шалье не уда-

лось, ибо он тогда уже погиб, Сэвидж, надев скафандр, выбежал в темноту и начал искать товарища.

Возможно, Сэвидж был так взволнован молчанием Шалье, его необъяснимым, таким внезапным исчезновением, что сбился с пути; но скорее он, пытаясь систематически прочесать окрестности станции, напрасно и чрезмерно рисковал. Одно ясно: во время этих головоломенных поисков Сэвидж упал и разбил стекло шлема. У него хватило еще сил, зажав ладонью трещину, добежать до станции и взобраться к входному люку, но, прежде чем он задраил люк, прежде чем впустил в камеру воздух, остаток кислорода улетучился из скафандра и Сэвидж на последней ступеньке лестницы упал в обморок, который через несколько секунд перешел в смерть.

Такое истолкование трагедии не убедило Пиркса. Он тщательно ознакомился с характеристиками обоих канадцев. Особое внимание уделил Шалье, ибо тот, по-видимому, оказался невольным виновником гибели и своей, и своего товарища. Шалье было тридцать пять лет. Он был известным астрофизиком и опытным альпинистом. Отличался отменным здоровьем, никогда не болел; головокружений у него не было. До этого он работал на «земном» полушарии Луны, где стал одним из основателей Клуба акробатической гимнастики, этого необычного спорта; лучшие из его приверженцев могли с одного прыжка сделать десять сальто подряд и уверенно опуститься на полусогнутые ноги или выдержать на своих плечах пирамиду из двадцати пяти спортсменов! Не-

ужели такой человек без всякой причины вдруг ослабеет или потеряет ориентировку и не сумеет пройти по отлогому склону последние сто шагов до станции, а свернет под прямым углом в ложном направлении, да еще и перелезет в темноте через груды глыб, громоздящуюся позади станции именно в этом месте?

И была еще одна деталь, которая, по мнению Пиркса (да и не только Пиркса), казалось бы, прямо противоречила версии, записанной в официальном протоколе. На станции сохранялся порядок. Но одну вещь нашли не на своем месте — эту пачку фотопластинок на кухонном столе. Похоже было на то, что Шалье действительно вышел, чтобы сменить пластинки. Что он сменил их. Что вовсе не пошел прямо к пропасти, не карабкался через каменный вал, а преспокойно вернулся на станцию. Об этом свидетельствовали пластинки. Шалье положил их на кухонный стол. Почему именно туда? И где был в это время Сэвидж? Комиссия решила, что экспонированные пластинки, обнаруженные в кухне, принадлежат к предыдущей, утренней партии и что один из ученых случайно положил их на стол. Однако возле трупa Шалье не нашли никаких пластинок. Комиссия решила, что пачка пластинок могла выпасть из кармана скафандра или из рук Шалье при падении в пропасть и исчезнуть в одной из бесчисленных щелей среди каменной осыпи.

Пирксу казалось, что тут явно подгоняют факты под заранее принятую гипотезу.

Он спрятал протоколы в ящик. Ему больше незачем было заглядывать в них. Он знал их

наизусть. Он сказал себе — даже не выразил этой мысли в словах, ибо был непоколебимо уверен, — что разгадка тайны скрыта не в психике обоих канадцев. То есть не было никакого обморока, заболевания, помрачения сознания — причина трагедии была иная. Ее нужно было искать либо на самой станции, либо в ее окрестностях.

Пиркс начал с исследования станции. Он не искал никаких следов — хотел лишь подробно изучить детали оборудования. Спешить ему не приходилось, времени было достаточно.

Прежде всего он исследовал шлюзовую камеру. Меловой контур все еще виднелся у основания лесенки. Пиркс начал с внутренней двери. Как обычно в малых камерах подобного типа, устройство позволяло открывать либо внутреннюю дверь, либо крышку верхнего люка. При открытом люке дверь нельзя было открыть. Это исключало несчастные случаи, например если один открывает крышку, а другой в это время откроет дверь. Правда, дверь открывалась внутрь и давление воздуха все равно захлопнуло бы ее с силой почти в восемнадцать тонн, но между краем двери и фрамугой могла попасть рука, какой-нибудь твердый предмет или инструмент — тогда произошла бы молниеносная утечка воздуха в пустоту.

С крышкой входного люка дело обстояло тем более сложно, что за ее положением следил центральный распределительный аппарат в помещении радиостанции. Когда крышку открывали, на пульте этого прибора загорался красный сигнал. В то же мгновение автоматически включался приемник зеленого сигнала. Он

представлял собой стеклянный глазок в никелированной оправе, расположенный в центре тоже застекленного экрана локатора. Когда «мотылек» в глазке мерно помахивал крыльями, это значило, что находящийся вне станции человек дышит нормально; кроме того, по расчерченному на сегменты экрану локатора двигалась светящаяся полоска, показывая, где этот человек находится. Эта светящаяся полоска вращалась по экрану соразмерно с оборотами радарной антенны на куполе и позволяла наблюдать окрестности станции в виде фосфорически мерцающих очертаний. Вслед за лучиком, бегущим по кругу, как стрелка часов, на экране появлялось специфическое свечение, возникающее в результате отражения радиоволн от всех материальных объектов; человек, облаченный в металлический скафандр, вызывал на экране особенно яркое свечение. Наблюдая за этим изумрудным продолговатым пятнышком, можно было уловить его движение, так как перемещалось оно на более слабо светящемся фоне, и таким образом определить, куда и с какой скоростью идет человек. Верхняя часть экрана показывала местность у северной вершины, где находился колодец для экспонирования пластинок; на нижней половине, обозначающей юг, то есть зону, в период ночи запретную, была дорога к пропасти.

Механизмы «дышащего мотылька» и радиолокатора действовали независимо друг от друга. Глазок питался от датчика, соединенного с кислородными клапанами скафандра и работавшего на частотах, близких к инфра-

красным, а луч локатора работал на радиоволнах длиной полсантиметра.

Аппаратура располагала только одним локатором и только одним глазком, ибо по инструкции лишь один человек мог находиться вне станции, а другой внутри станции наблюдал за его состоянием; в случае необходимости он, конечно, должен был поспешить на помощь товарищу.

На практике при такой краткой и безопасной отлучке, как для смены фотопластинок в колодце, оставшийся на станции мог открыть настежь двери кухни и радиостанции и поглядывать на приборы, не прерывая стряпни. Можно было также поддерживать радиотелефонную связь, за исключением предрассветных часов, потому что приближение терминатора, границы света и тени, сопровождалось такой бурей тресков, что разговаривать было практически невозможно.

Пиркс добросовестно изучил действие сигналов. Когда поднимали крышку люка, вспыхивала красная лампочка на пульте. Зеленоватый мотылек светлел, но оставался неподвижным, а его «крылышки» были намертво сжаты до толщины нити, так как отсутствовали внешние сигналы, которые их расправляли. Лучик локатора мерно кружил по экрану, и неподвижные очертания скалистой окрестности возникали там, словно окаменевшие призраки. Он нигде не усиливал свечения и тем самым подтверждал показания «мотылька», что в радиусе его действия вне станции нет ни одного скафандра.

Разумеется, Пиркс наблюдал за поведением

аппаратуры и когда Лангнер выходил сменять пластинки.

Красная лампочка вспыхивала и почти немедленно гасла, потому что Лангнер закрывал крышку люка снаружи. Зеленый мотылек начинал мерно пульсировать. Через несколько минут пульсация немного ускорялась: Лангнер довольно быстро поднимался по склону, и его дыхание, естественно, учащалось. Яркий отблеск скафандра сохранялся на экране значительно дольше, чем контуры скал, гаснувшие, как только удалялся луч. Потом мотылек внезапно сжимался и замирал, а экран пустел и свечение скафандра гасло. Это происходило, когда Лангнер спускался в колодец, свинцовые стены которого пресекали поток сигналов. Одновременно на главном пульте вспыхивала пурпурная надпись *Alarm!**, а картина на экране локатора менялась. Радарная антенна локатора, продолжая вращаться, уменьшала угол наклона, поочередно прощупывая все более дальние сегменты местности. Приборы ведь «не знали», что произошло: человек вдруг исчезал из поля их электромагнитной власти. Через три-четыре минуты мотылек снова расправлял крылья, локатор обнаруживал исчезнувшего и оба не связанных между собой прибора отмечали появление человека. Лангнер, выбравшись из колодца, возвращался на станцию. Сигнал *Alarm!* продолжал, однако, гореть — его нужно было выключить. Впрочем, через сто двадцать минут это сделал бы выключатель с часовым механизмом, поставлен-

---

* *Alarm* — сигнал тревоги.

ный для того, чтобы зря не расходовалась электроэнергия. Ночью она поступала только из аккумуляторов, а днем их снова заряжало Солнце.

Изучив действие этих приборов, Пиркс решил, что они не отличаются особой сложностью. Лангнер в его эксперименты не вмешивался. Он считал, что канадцы погибли именно при таких обстоятельствах, какие изложила комиссия в своих протоколах; кроме того, он считал, что несчастные случаи вообще неизбежны.

— Пластинки? — ответил он на доводы Пиркса. — Никакого значения эти пластинки не имеют! Когда расстроишься, еще и не такое делаешь. Логика покидает нас гораздо раньше, чем жизнь. И человек начинает совершать бессмысленные поступки...

Пиркс решил больше с ним не спорить.

Кончалась вторая неделя лунной ночи. Пиркс после всех исследований знал не больше, чем в самом начале. Может, и вправду этой трагедии суждено навсегда остаться неразгаданной? Может, это одно из происшествий, встречающихся раз на миллион, когда невозможно восстановить картину случившегося?

Пиркс постепенно втянулся в сотрудничество с Лангнером. Надо же было, в конце концов, что-то делать, заполнить чем-нибудь долгие часы. Он научился обращаться с большим астрографом (значит, все же это была обычная предвыпускная практика...), потом стал по очереди с Лангнером ходить к колодцу, чтобы

оставить там на несколько часов очередную партию фотопластинок.

Долгожданный рассвет приближался. Истосковавшись по новостям, Пиркс долго возился с радиоаппаратурой, но извлек лишь ураган треска и свиста, предвещающий близкий восход солнца. Потом был завтрак; после завтрака они проявляли пластинки. Над одной из них астрофизик долго корпел, так как обнаружил на ней великолепный след какого-то мезонного распада; он даже подозвал Пиркса к микроскопу, но тот был равнодушен к красотах ядерных превращений. Потом был обед, за ним — час у астрографов и визуальные наблюдения звездного неба. Время приближалось к ужину, Лангнер уже возился на кухне, когда Пиркс (в этот день была его очередь менять пластинки) сказал, что выходит наружу. Лангнер, погруженный в изучение сложного рецепта на коробке с яичным порошком, пробурчал, чтобы он поторопился: омлет будет готов через десять минут.

Пиркс, уже в скафандре, держа в руке пачку пластинок, проверил, хорошо ли прилегает шлем к вороту, распахнул настежь двери кухни и радиостанции, вошел в камеру, захлопнул за собой герметическую дверь, откинул верхнюю крышку и выбрался наружу.

Его окутала та же тьма, что в межзвездном пространстве. Земному мраку с ней не сравниться, потому что атмосфера всегда немного светится от слабого, возбужденного излучения кислорода. Пиркс видел звезды, и лишь по тому, как прерывались то тут, то там узоры знакомых ему созвездий, он понимал, что во-

круг громоздятся скалы. Пиркс включил фонарик на шлеме и, шагая за бледным, мерно подрагивавшим кружком света, добрался до колодца. Перебросил ноги в тяжелых башмаках через борт колодца (к здешней легкости привыкают быстро; куда труднее опять привыкнуть к нормальному притяжению на Земле), нащупал первую ступеньку, спустился вниз и занялся пластинками. Когда он присел на корточки и наклонился над подставками, фонарик замигал и погас. Пиркс шевельнулся, хлопнул по шлему рукой — свет появился снова. Значит, лампочка цела, только контакт не в порядке. Он начал собирать экспонированные пластинки — фонарик мигнул раз, другой и опять погас. Пиркс сидел несколько секунд в кромешной тьме, не зная, что предпринять. Обратная дорога не страшила его, он знал ее наизусть, к тому же на куполе станции светились два огонька, зеленый и голубой. Но, идя на ощупь, можно было разбить пластинки. Он еще раз хватил кулаком по шлему — лампочка загорелась. Пиркс быстро записал температуру, вложил экспонированные пластинки в кассеты; когда он начал укладывать кассеты в футляр, проклятый фонарик снова погас. Пришлось отложить пластинки, чтобы еще несколько раз стукнуть по шлему и включить свет. Пиркс заметил, что, пока он стоит выпрямившись, лампочка горит, а стоит ему нагнуться, она гаснет. Пришлось продолжать работу в неестественной позе. Наконец свет погас уже окончательно, и никакие удары не помогали. Но сейчас не могло быть и речи о возвращении на станцию, потому что вокруг

лежали пластинки. Пиркс прислонился к нижней ступеньке, отвинтил крышку фонарика всадил ртутную лампочку поглубже в патрон и снова надел крышку. Теперь свет горел, но, как назло, заело винт. Пиркс пробовал и так, и сяк, наконец, разозлившись, сунул стеклянную крышку в карман, быстро собрал пластинки, разложил новые и полез вверх. До края колодца оставалось всего с полметра, когда Пирксу показалось, что к белому свету его рефлектора примешался какой-то другой, колеблющийся и краткий; он посмотрел вверх, но увидел лишь звезды над краем колодца.

«Почудилось мне», — решил Пиркс.

Он выбрался наверх, но его охватило какое-то непонятное беспокойство. Он не шел, а бежал большими скачками, хотя эти лунные прыжки вопреки мнению многих ничуть не ускоряют бега — прыжки длинные, но зато легишь в шесть раз медленнее, чем на Земле. Он был уже у станции и положил руку на перила, когда снова увидел, как что-то блеснуло, будто на юге выстрелили из ракетницы. Он не увидел самой ракеты — все заслонял купол станции, — только призрачный отблеск нависших скал: они вынырнули на секунду из черноты и снова исчезли. Пиркс молниеносно, как обезьяна, взобрался на купол. Кругом была тьма. Будь у него ракетница, он выстрелил бы. Он включил свое радио. Треск. Ужасный треск.

Вдруг он подумал, что валяет дурака. Какая ракета? Это наверняка был метеор. Метеоры не светятся в атмосфере, потому что ее нет на Луне, но вспыхивают, когда с космической скоростью врезаются в скалы.

Пиркс быстро спустился в камеру, дождался, пока стрелки показали необходимое давление — 0,8 килограмма на квадратный сантиметр, — открыл дверь и, стаскивая на ходу шлем, вбежал в прихожую.

— Лангнер! — крикнул он.

Молчание. Не снимая скафандра, Пиркс вбежал в кухню. Обвел ее взглядом. Кухня была пуста! На столе — тарелки, расставленные к ужину, в кастрюльке — размешанная каша для омлета, сковородка рядом с уже включенной горелкой.

— Лангнер! — заорал Пиркс и, швырнув пластинки, бросился в помещение радиостанции. Там тоже было пусто. Не известно откуда появилась у него уверенность, что не стоит подниматься в обсерваторию, что Лангнера на станции нет. Значит, это все же были ракеты — эти вспышки? Лангнер стрелял? Он вышел наружу? Зачем? И идет по направлению к пропасти!

Вдруг он увидел Лангнера. Зеленый глазок мигал: Лангнер дышал. А кружащийся лучик радара выхватывал из мглы маленький яркий огонек — в самой нижней части экрана! Лангнер шел к обрыву...

— Лангнер! Стой! Стой! Слышишь? Стой! — кричал Пиркс в микрофон, не отрывая глаз от экрана.

Репродуктор тарахтел. Треск помех — больше ничего. Зеленые крылышки взмахивали, но не так, как при нормальном дыхании: они двигались медленно, неуверенно, порой надолго замирали, будто кислородный аппарат Лангнера переставал работать. А резкий блеск в

радаре был очень далеко: на координатной сетке, прочерчивающей стекло, он сверкал в самом низу экрана, за полтора километра по прямой линии, значит, уже где-то среди огромных вздыбившихся скал под Солнечными Воротами. И совсем не двигался. При каждом обороте водящего луча он вспыхивал в том же самом месте. Лангнер упал? Лежит там — без сознания?

Пиркс выскочил в коридор. Надо в шлюзовую камеру, наружу! Он кинулся к герметической двери. Но, когда он пробежал мимо кухни, что-то бросилось ему в глаза, черное, на белой скатерти. Фотопластинки, которые он принес и машинально бросил здесь, испуганный отсутствием Лангнера... Это словно парализовало Пиркса. Он стоял у дверей камеры, держа в руках шлем, и не двигался с места.

«Все так же, как тогда. Все так же, — думал он. — Он готовил ужин и вдруг вышел. Сейчас я выйду за ним и... и оба мы не вернемся. Через несколько часов «Циолковский» начнет вызывать нас по радио. Ответа не будет...»

«Сумасшедший, иди! — кричало что-то в нем. — Чего ты ждешь? Он лежит там! Может, его захватила лавина, она сорвалась с вершины, ты не слышал, ведь здесь ничего не слышно, он еще жив, он не движется, но жив, он дышит, торопись...»

Однако Пиркс не двигался. Вдруг он круто повернулся, бросился в помещение радиостанции и внимательно присмотрелся к индикаторам. Никаких перемен не было. Через каждые четыре-пять секунд — медленный взмах кры-

лышек «мотылька», подрагивающий, неуверенный. И блеск в радаре — на краю пропасти...

Пиркс проверил угол наклона антенны: он был минимальным. Антенна уже не охватывала территории, прилегающей к станции, — она посылала импульсы на максимальное расстояние. Пиркс вплотную приблизил лицо к глазку. И тогда он заметил нечто странное. Зеленый «мотылек» не только складывал и расправлял крылышки, но в то же время весь мерно подрагивал, будто на слабый дыхательный ритм накладывался другой, гораздо более быстрый. Судороги агонии? Конвульсии? Там умирал человек, а он с полуоткрытым ртом жадно всматривался в движения катодного огонька, все те же — и замедленные, и отмеченные иным ритмом. Вдруг, сам толком не понимая, почему он это делает, Пиркс схватил кабель антенны и вырвал его из гнезда. Случилось нечто поразительное: индикатор с отключенной антенной, оторванный от внешних импульсов, не замер: крылышки все продолжали трепетать...

Все в том же непонятном ошеломлении Пиркс бросился к пульту и увеличил угол наклона радарной антенны. Далекая искорка, застывшая под Солнечными Воротами, начала передвигаться к рамке экрана. Радар выхватывал из мрака все более близкие участки местности — и вдруг на экране появилась новая вспышка, гораздо ярче и сильнее. Второй скафандр!

Это наверняка был человек. Он двигался. Медленно, мерно спускался вниз, сворачивал то влево, то вправо, — видимо обходя какие-то

препятствия, — и направлялся к Солнечным Воротам, к той, другой, далекой искорке — к другому человеку?

У Пиркса глаза на лоб полезли. На экране действительно светились две искры: близкая — движущаяся и далекая — неподвижная. На станции было только два человека. Лангнер и он, Пиркс. Аппаратура показывала, что их трое. Третьего быть не могло. Значит, аппаратура лгала.

Он еще не успел до конца продумать все это, а уже был в камере — с ракетницей и патронами. Еще через минуту он стоял на куполе и палил сигнальными ракетами, целясь все в одном направлении — прямо вниз, в сторону Солнечных Ворот. Пиркс едва успевал выбрасывать горячие гильзы. Тяжелая рукоятка ракетницы прыгала у него в руке. Он ничего не слышал, только ощущал легкую отдачу после нажатия спускового крючка, потом расцветали полосы света, алмазная зелень и пурпурное пламя, брызгающее красными каплями, и фонтаны сапфировых звезд... Он все стрелял и стрелял, не выбирая цвета. Наконец внизу, в нескончаемом мраке, вспыхнул ответный огонек, и оранжевая звезда, взорвавшись над головой у Пиркса, осветила его и осыпала, словно в награду, дождем пламенных страусовых перьев. И вторая — дождем шафранного золота...

Он стрелял. И тот стрелял, возвращаясь: вспышки выстрелов все сближались. Наконец в одной из вспышек Пиркс увидел призрачный силуэт Лангнера. Он внезапно ослабел. Все его тело покрылось испариной. Даже голова. Он

весь взмок, будто из воды вылез. Не выпуская ракетницы, Пиркс уселся, потому что ноги стали неприятно мягкими в коленях. Он свесил их в открытый люк и, тяжело дыша, ждал Лангнера, который был уже рядом.

* * *

Это случилось так. Когда Пиркс ушел, Лангнер, хлопоча в кухне, не глядел на приборы. Он посмотрел на них лишь через несколько минут. Точно не известно, через сколько именно. Во всяком случае, это, по-видимому, было тогда, когда Пиркс возился с гаснущим фонариком. Когда он исчез из поля зрения радара, автомат начал уменьшать угол наклона антенны, и это продолжалось до тех пор, пока кружащийся лучик не коснулся подножия Солнечных Ворот. Лангнер увидел там сверкающую искру и принял ее за отражение скафандра, тем более что ее неподвижность объясняли показания «магического глаза»; этот человек (Лангнер, конечно, подумал, что это Пиркс) дышал так, будто потерял сознание и задышался. Лангнер, ничего уже не дожидаясь, немедленно надел скафандр и бросился на помощь.

В действительности искорка в радаре фиксировала ближайшую из шеренги алюминиевых мачт — ту, что стоит над самой пропастью. Лангнер, может, и разобрался бы в своей ошибке, но ведь были еще показания «глазка», которые, казалось, дополняли и подтверждали то, что показывал радар.

Газеты потом писали, что «глазком» и радаром ведала электронная аппаратура, вроде

электронного мозга, а в нем во время гибели Роже зафиксировался дыхательный ритм умирающего канадца, и, когда возникла «аналогичная ситуация», электронный мозг воспроизвел этот ритм. И что это — нечто вроде условного рефлекса, вызванного определенной последовательностью электрических импульсов.

В действительности все обстоит гораздо проще. На станции не было никакого электронного мозга, а только обычное автоматическое управление, не имевшее никакой «памяти». «Неправильный ритм дыхания» возникал потому, что был пробит маленький конденсатор; неисправность эта давала о себе знать, лишь когда был открыт или не завинчен верхний входной люк. Напряжение тогда перескакивало с одного контура на другой, и на сетке «магического глаза» возникало «биение». Оно лишь на первый взгляд напоминало «агональное дыхание», ибо, присмотревшись получше, можно было без труда заметить неестественное дрожание зеленых крылышек.

Лангнер уже шел к пропасти, где, как он думал, находится Пиркс, и освещал себе путь рефлектором, а в особенно темных местах — ракетами. Два ракетных выстрела и заметил Пиркс, возвращаясь на станцию. Через четыре-пять минут Пиркс в свою очередь стал призывать Лангнера выстрелами из ракетницы — и на этом приключение окончилось.

С Шалье и Сэвиджем было иначе. Сэвидж тоже, возможно, сказал Шалье: «Возвращайся поскорей», как это сказал Пирксу Лангнер. А может, Шалье спешил потому, что зачитался

и вышел позже обычного? Во всяком случае, он не завинтил люк. Этого было недостаточно, чтобы погрешность аппаратуры привела к пагубным последствиям; потребовалось еще одно, случайное сочетание факторов: что-то, по-видимому, задержало Шалье в колодце до тех пор, пока антенна, поднимаясь при каждом обороте на несколько градусов, не нашла наконец алюминиевую мачту над пропастью.

Что задержало Шалье? Не известно. Почти наверняка — не поломка фонарика: такое случается слишком редко. Но из-за чего-то он запоздал с возвращением, а тем временем появилась на экране роковая искорка, которую Сэвидж, как впоследствии и Лангнер, принял за свечение скафандра. Опоздание должно было составить не менее тринадцати минут: это подтвердилось последующими опытами.

Сэвидж пошел к пропасти, чтобы искать Шалье. Шалье, вернувшись от колодца, застал пустую станцию, увидел то же, что и Пиркс, и в свою очередь пошел разыскивать Сэвиджа. Возможно, Сэвидж, добравшись до Солнечных Ворот, с опозданием понял, что на экране отражалась только металлическая трубка, вбитая в каменную осыпь, но на обратном пути оступился и разбил стекло на шлеме. Может, он и не разобрался в механизме этого явления, а просто после тщетных поисков, не найдя Шалье, забрел в какое-то обрывистое место и упал. Всех этих подробностей не удалось выяснить. Так или иначе, оба канадца погибли.

Катастрофа могла произойти только перед рассветом. Потому что, если б не было помех в радиоаппаратуре, тот, кто оставался внутри

станции, мог разговаривать с вышедшим наружу, даже находясь в кухне. Все могло произойти лишь в том случае, если вышедший очень торопился. Он тогда не завинчивал крышку люка. Лишь в этом случае сказывалась погрешность аппаратуры. Да и вообще, если человек торопится, он может опоздать именно потому, что хочет поскорее вернуться. Он может уронить пластинки, разбить что-нибудь — мало ли что случается в спешке. Радарное отражение не отличается особой четкостью: на расстоянии тысячи девятисот метров металлическую вежу легко принять за скафандр. При стечении всех этих обстоятельств катастрофа была возможна и даже вполне вероятна. Для полноты картины добавим, что оставшийся внутри должен был находиться в кухне либо где угодно, но только не в помещении радиостанции, иначе он видел бы, что его товарищ пошел по правильному пути, и не принял бы потом искорку на южной части экрана за скафандр.

Труп Шалье, разумеется, не случайно нашли так близко от того места, где погиб Роже. Он упал в пропасть, на краю которой стояла алюминиевая вежа. Вежу поставили там, чтобы предостеречь людей. А Шалье шел к ней, думая, что приближается к Сэвиджу.

Физический механизм явления был банально прост. Нужна была лишь определенная последовательность случаев и наличие таких факторов, как радиопомехи и незавинченная крышка люка в шлюзовой камере.

Возможно, более достоин внимания был механизм психологический. Когда аппаратура,

лишенная внешних импульсов, колебанием внутренних напряжений пускала в ход «мотор», а на экране появлялось ложное изображение скафандра, человек, подходивший к прибору, воспринимал эту картину как реальную. Сначала Сэвидж думал, что видит у пропасти Шалье, потом Шалье не сомневался, что там находится Сэвидж. То же самое произошло впоследствии с Пирксом и Лангнером.

Такой вывод было особенно легко сделать потому, что каждый из них прекрасно знал подробности катастрофы, в которой погиб Роже, и как особенно трагическую деталь помнил его долгую агонию, которую «магический глаз» до конца аккуратно передавал на станцию.

Так что если, как заметил кто-то, и можно было вообще говорить об «условном рефлекс», то он проявился не у приборов, а у самих людей. Они полусознательно приходили к убеждению, что трагедия Роже каким-то непонятным образом повторилась, избрав на этот раз жертвой одного из них.

— Теперь, когда мы все уже знаем, — сказал Тауров, кибернетик с «Циолковского», — объясните нам, коллега Пиркс, как вы сумели разобраться в обстановке? Несмотря на то что, как вы сами говорите, не понимали механизма явления...

— Не знаю, — ответил Пиркс. В глаза била белизна залитых солнцем вершин. Их зубья торчали в густой черноте неба, как кости, вываренные добела. — Пожалуй, дело в пластинках. Я посмотрел на них и понял, что швырнул их точно так же, как Шалье. Может, я все-таки ушел бы, если б не еще одна вещь.

С пластинками — это, в конце концов, могло быть случайное стечение обстоятельств... Но у нас на ужин был омлет, так же как у них в тот последний вечер. Я подумал, что слишком уж много этих совпадений и что дело тут не в чистой случайности. Так что... омлет... думаю, это он нас спас...

— Люк остался открытым действительно из-за того, что жарился омлет, ради которого вы так торопились: значит, рассуждали вы совершенно правильно, но это вас не спасло бы, если б вы полностью доверяли аппаратуре, — сказал Тауров. — С одной стороны, мы должны ей доверять. Без электронных устройств мы и шагу не ступили бы на Луне. Но... за такое доверие иногда приходится расплачиваться.

— Это правда, — отозвался Лангнер, вставая. — Я хочу сказать, вам, коллеги, что больше всего понравилось мне в поведении моего товарища. Что касается меня, то с этой головокружительной прогулки я вернулся, не нагуляв аппетита. Но он, — Лангнер положил руку на плечо Пиркса, — после всего, что случилось, поджарил омлет и съел до последнего кусочка. Вот этим он меня удивил! Хотя я и раньше знал, что это человек сообразительный, честный, можно сказать, добропорядочный...

— Ка-акой?! — спросил Пиркс.

ПАТРУЛЬ

На дне коробочки стоял домик с красной крышей, — черепички делали ее похожей на малину, прямо лизнуть хотелось. Если встряхнуть коробочку, из кустов вблизи домика выкатывались три поросенка, словно розовые жемчужинки. И сразу же из норы под лесом — лес был только нарисован на внутренней стороне коробочки, но выглядел совсем как живой — выскакивал черный волк и, щелкая при каждом движении зубастой, красной изнутри пастью, бросался к поросятам, чтобы их проглотить: наверно, внутри у него был магнетик. Требовалась большая ловкость, чтобы помещать волку. Нужно было, постукивая ногтем мизинца по донышку коробочки, успеть ввести всех поросят в домик через дверцу, которая к тому же не всегда широко открывалась. Вся игрушка не больше пудреницы, а можно над ней провести полжизни. Теперь, к сожалению, ничего нельзя было сделать: в невесомости игрушка не действовала. Пилот Пиркс тоскливо поглядывал на рукоятки ускорителей. Одно незначительное движение — и тяга двигателей, даже самая слабая, создаст тяжесть, тогда можно будет, вместо того чтобы взгляды-

ваться в черную пустоту, заняться судьбой поросят.

К сожалению, регламентом не предусматривалось пускать в ход атомный двигатель для спасения трех розовых поросят от волка. Более того — категорически запрещалось проводить лишние маневры в пространстве. Словно это был лишний маневр!

Пиркс медленно спрятал коробочку в карман. Пилоты брали с собой куда более странные вещи, особенно если патруль был рассчитан на долгий срок — так, как этот. Раньше руководство Базы смотрело сквозь пальцы на то, как расходуют уран, выбрасывая в небо разные непредусмотренные предметы, вроде заводных птичек, которые умеют клевать рассыпанный хлеб, механических шершней, гонящихся за механическими осаами, китайских головоломок из никеля и слоновой кости, — и никто уж даже не помнил, что впервые заразил Базу этим помешательством маленький Аарменс, который, отправляясь в патрульный полет, попросту отбирал игрушки у своего шестилетнего сынишки.

Такая идиллия продолжалась довольно долго — почти год, до тех пор пока ракеты не перестали возвращаться из полетов.

В те спокойные времена многие даже ворчали по поводу патрульных полетов, а назначение в группу, «прочесывающую» пустоту, воспринималось как симптом личной неприязни шефа. Пиркса это назначение совсем не удивило — патруль был чем-то вроде кори: рано или поздно каждый должен через это пройти.

Но вот однажды не вернулся Томас, большой толстый Томас, который носил сапоги сорок пятого размера, любил устраивать розыгрыши и воспитывал пуделя — конечно, самого умного пуделя в мире. Даже в карманах его комбинезона можно было найти колбасную кожу и кусочки сахара. Шеф подозревал, что Томас иногда ухитряется протащить пуделя в ракету, хотя Томас клялся, что ничего подобного ему и в голову никогда не приходило. Возможно. Никто этого уже не проверит, потому что однажды июльским утром Томас стартовал, взяв с собой два термоса кофе — он всегда очень много пил — и на всякий случай оставив для себя третий термос в кают-компании пилотов, чтобы по возвращении выпить такой кофе, какой он любил: смешанный с гущей и прокипяченный с сахаром. Кофе стоял очень долго. На третий день в семь часов истек срок «допустимого опоздания» и на доске в навигационной было выписано мелом имя Томаса. Его одного. Такого не случалось — только самые старые пилоты помнили времена, когда на ракетах происходили аварии, и даже любили рассказывать молодежи страшные истории тех дней, когда предупреждение о метеоритной опасности приходило за пятнадцать секунд до удара — как раз достаточно времени, чтобы успеть попрощаться с семьей. Конечно, по радио. Но это действительно были старые истории. Доска в навигационной всегда пустовала и фактически ее не снимали со стены лишь по инерции.

В девять было еще довольно светло — все дежурные пилоты вышли из радиорубки и ста-

ли, уставившись в небо, на газоне, окаймляющем огромную бетонированную посадочную площадку. В навигационную никого не пускали. Шеф, который был в городе, приехал вечером, снял с катушек все регистрирующие ленты с записями сигналов автоматического передатчика Томаса и пошел наверх — в остекленную башню обсерватории, которая вращалась как обезумевшая, зыряка во все стороны черными раковинами радаров.

Томас летел на маленьком АМУ; атомного топлива ему действительно хватило бы, чтоб облететь половину Млечного Пути, как успокоительно говорил пилотам младший офицер из танкерной группы, но все сочли этого младшего офицера последним идиотом, а кто-то даже нехорошо высказался по его адресу: ведь кислорода на АМУ было всего ничего — пятисуточная порция с восьмичасовым НЗ. Четыре дня напролет восемьдесят пилотов станции, не считая множества иных — общим числом чуть ли не пять тысяч ракет, — обшаривали сектор, в котором исчез Томас. Не нашли ничего, будто он растаял в пустоте.

Вторым был Вилмер. Этого, по правде говоря, мало кто любил. Для неприязни, собственно, не было ни одного серьезного повода, но зато множество мелких. Он всех перебивал — вечно старался вставить свое словечко. Глуповато посмеивался в самых неподходящих обстоятельствах и чем больше этим кому-нибудь досаждал, тем громче смеялся. Когда ему не хотелось утруждать себя прицельной посадкой, он преспокойно садился на траву около посадочной площадки и выжигал ее

вместе с корнями и землей на метр в глубину. Зато если кто-нибудь забирался хоть на четверть миллипарсека в район его патрулирования, он немедленно писал рапорт, даже если это был его товарищ по Базе. Были и другие, совсем уж незначительные причины, о которых даже и говорить-то неудобно: он, например, вытирался чужими полотенцами, чтобы его собственное подольше оставалось чистым. Но, когда Вилмер не вернулся с патрулирования, все вдруг обнаружили, что он превосходнейший парень и товарищ. Снова безумствовал радар, пилоты летали бессменно, радисты вообще не возвращались с Базы домой, спали по очереди на скамейке — им даже обед носили наверх. Шеф, который уже выехал было в отпуск, вернулся специальным самолетом. Пилоты прочесывали сектор четыре дня. Настроение у всех было такое, что за какую-нибудь недовернутую гайку они готовы были голову свернуть механику. Приехали две комиссии экспертов. АМУ-116, словно близнец, похожий на ракету Вилмера, был буквально разобран по винтикам, как часы, — и все безрезультатно.

Правда, в секторе было 1600 миллиардов кубических километров, но он всегда считался спокойным — ни метеоритных угроз, ни постоянных метеоритных потоков, даже пути старых, сотни лет уже не наблюдававшихся комет не пересекали его, а известно, что такие кометы могут иной раз распасться на мельчайшие куски где-нибудь вблизи Юпитера, в его «пертурбационной мельнице», и потом время от времени будут выбрасывать на прежнюю ор-

биту куски своего раздробленного ядра. Но в этом секторе вообще ничего не было — ни один спутник через него не проходил, ни один астероид, не говоря уже о Поясе, и именно из-за того, что пространство здесь было таким «чистым», никто не любил тут патрулировать.

Тем не менее Вилмер исчез именно здесь, вторым по счету, а его регистрационная лента, разумеется десятки раз прослушанная, сфотографированная, размноженная и пересланная в Институт, объяснила ровно столько же, сколько лента Томаса, а это значило — ничего. Какое-то время сигналы поступали, а потом перестали поступать. Автоматический передатчик высылал их довольно редко — каждый час. Томас подал одиннадцать, а Вилмер — четырнадцать таких сигналов. Вот и все.

После этого второго происшествия руководство развернуло бурную деятельность. Для начала проверили все ракеты — атомные реакторы, управление, каждую гайку. За царапину на стекле прибора грозили лишить отпуска. Потом заменили часовые механизмы всех передатчиков — словно они были виноваты! Теперь сигналы подавались с ракеты каждые восемнадцать минут. В этом еще не было ничего плохого; хуже, что у стартовой площадки стояли два старших офицера, которые без всякой жалости отбирали у пилотов все: поющих и клюющих птичек, мотыльков, пчелок, всякие игрушки. Целая гора конфискованных вещей вскоре скопилась в кабинете шефа. Злые языки говорили даже: двери там потому вечно заперты, что шеф сам забавляется этими игрушками.

Лишь в свете этих событий можно по-настоящему оценить высокое искусство пилота Пиркса, который, несмотря ни на что, ухитрился протаскать на борт своего АМУ домик с поросятами. Другое дело, что он не извлек из этого ни малейшей пользы — кроме морального удовлетворения.

Патрульный полет длился уже девятый час. Длился — очень меткое определение. Пилот Пиркс сидел в своем кресле, обвязанный и обмотанный поясами, как мумия, — только руки и ноги у него были свободны — и апатично поглядывал на экраны. Шесть недель летали парами — на расстоянии трехсот километров друг от друга, — но потом База вернулась к прежней тактике: сектор был пуст, абсолютно пуст, даже одной патрульной ракеты для него было многовато, но не годится ведь иметь «дыру» на звездных картах, поэтому полеты продолжались, но уже в одиночку. Пиркс стартовал восемнадцатым, считая с момента ликвидации парных полетов.

От нечего делать он размышлял о том, что могло произойти с Томасом и Вилмером. На Базе почти никто уж о них и не вспоминал, но во время полета человек достаточно одинок, чтобы разрешить себе даже самые бесплодные мысли. Пиркс летал уже почти три года (два года и четыре месяца, если говорить совершенно точно) и считал себя старым профессионалом. Астроскука попросту разъедала его, хоть он вовсе не был позером.

Патрульные полеты сравнивали — не без оснований — с ожиданием в приемной у зубного врача, и единственная разница состояла в том,

что врач не приходил. Звезды, понятное дело, не двигались, Землю вообще не было видно, или, если уж особенно посчастливится, она выглядела крохотным краешком посиневшего ногтя, и то лишь в первые два часа полета, а потом становилась звездой, похожей на остальные, с той разницей, что она медленно передвигалась. На Солнце, как известно, смотреть вообще нельзя. В такой ситуации игры и китайские головоломки становились поистине остро необходимыми. Однако обязанностью пилота было висеть в коконе поясов, контролировать экраны — обычные и радарные, — время от времени сообщать на Базу, что ничего не произошло, проверять показания холостого хода реактора, а иногда — но это уж очень редко — из сектора долетал сигнал, зовущий на помощь, или даже SOS, и тогда нужно было лететь сломя голову, но это была удача, которая случалась не чаще чем раз или два в год.

Если все это учесть, тогда только поймешь, что самые бредовые мысли, приходившие в голову пилотам, с точки зрения Земли и обычных пассажиров прямо-таки преступные, были как нельзя более человеческими. Когда тебя окружает полтора триллиона кубических километров пустоты, в которой не найдешь и щепотки пепла от выкуренной папиросы, тогда желание, чтобы произошло хоть что-нибудь — пусть даже самая ужасная катастрофа, становится подлинной манней.

За свои сто восемьдесят два полета в патруле пилот Пиркс прошел все фазы психических изменений: бывал сонным, делался пес-

симистом, чувствовал себя стариком, становился чудаковатым, был близок к некоему, отнюдь не тихому помешательству и в конце концов, как во времена учебы, начал сочинять разные истории, иной раз такие запутанные, что до конца полета не успевал их закончить. Однако скучал он по-прежнему.

Пускаясь в лабиринт одиноких раздумий о Томасе и Вилмере, Пиркс хорошо понимал, что наверняка он ничего не придумает и что тайна исчезновения двух его товарищей останется неразгаданной. Разве не ломали над ней головы лучшие эксперты Базы и Института в течение многих месяцев? Поэтому он охотнее занялся бы поросятами и волком, ибо это занятие, может не менее бесплодное, было по крайней мере более невинным. Но двигатели молчали, не было ни малейшего повода для того, чтобы пустить их в ход, ракета мчалась по отрезку сильно вытянутого эллипса, в одном из фокусов которого находилось Солнце, — и поросятам приходилось ждать лучших времен.

Итак: что произошло с Томасом и Вилмером?

Прозаически настроенный невежда начал бы с предположения, что их ракеты столкнулись с чем-нибудь, например с метеоритом или с облаком космической пыли, с остатками ядра кометы или хотя бы с обломком какой-нибудь погибшей ракеты. Однако вероятность такого столкновения столь же мала, как возможность найти большой бриллиант посреди городской шумной улицы. Расчеты показывают, впрочем, что такой бриллиант найти намного легче.

Со скуки — исключительно со скуки — Пиркс начал подбрасывать своему вычислителю цифры, составлять уравнения, подсчитывать вероятность столкновения, но вышла такая цифра, что вычислителю пришлось срезать восемнадцать нулей, чтобы она поместилась в его окошках.

Да и вообще пространство было действительно пустым. Никаких путей старых комет, никаких облаков космической пыли — ничего. Остов старой ракеты мог здесь оказаться — с теоретической точки зрения, так же как и в любой другой точке космоса, — после невообразимо огромного количества лет. Но Томас и Вилмер увидели бы его издалека, по меньшей мере с расстояния 250 километров, а если б он вышел прямо со стороны Солнца, то метеорадар все равно поднял бы тревогу за добрых тридцать секунд до столкновения; даже при условии, что пилот прозевал бы сигнал тревоги, — скажем, задремал, — автоматическое устройство само выполнило бы маневр расхождения. А если б автомат испортился, то такое чудо из чудес могло бы случиться однажды, но не два раза подряд на протяжении нескольких дней. Вот что примерно смог бы придумать невежда, который не знает, что в ракете во время полета могут произойти куда более опасные вещи, чем встреча с метеоритом или с ядром кометы. Ракета, даже такая маленькая, как АМУ, состоит чуть ли не из ста четырнадцати тысяч важных частей: важных — это значит таких, поломка которых влечет за собой катастрофу. Потому что менее важных частей насчитывается более миллиона. Но если и слу-

чится что-нибудь совсем ужасное, то ракета даже после смерти пилота не рассыплется на кусочки и никуда не исчезнет, потому что, как говорит старая пословица пилотов, в пространстве ничего не пропадает; если ты оставишь в нем портсигар, так достаточно рассчитать элементы его траектории, прибыть на то же место в надлежащее время, и портсигар, следуя по своей орбите, с астрономической точностью попадет тебе в руки в заранее вычисленную секунду. Каждое тело бесконечно долго вращается по своей орбите, поэтому остовы потерпевших аварию ракет почти всегда можно рано или поздно отыскать. Большие вычислители Института вычертили более сорока миллионов возможных орбит, по которым могли бы двигаться ракеты погибших пилотов, и все эти орбиты были проверены, то есть прозондированы концентрированными пучками самых сильных радарных излучателей, какими располагает Земля. С известным уже результатом.

Конечно, нельзя утверждать, что при этом зондировании было проверено все пространство системы. Ракеты в нем — это нечто невообразимо маленькое, намного меньше, чем атом по отношению к земному шару. Однако искали везде, где ракеты могли находиться, предполагая, что их пилоты не покинули с максимальной скоростью пространство патрулируемого сектора. Но с чего бы им вдруг бежать из своего сектора? Ведь они не получили никакого радиосигнала, никакого призыва на помощь, ничего подобного с ними не случилось — это было проверено.

Похоже было на то, что Томас и Вилмер

вместе со своими ракетами испарились, как капли воды, упавшие на раскаленную плиту, или же...

Невежда с воображением в противоположность невежде прозаическому посчитал бы, уж конечно, виновниками таинственного исчезновения загадочных, таящихся в пространстве существ с других звезд, наделенных разумом, столь же высоко развитым, сколь и злобным.

Но астронавтика существует с давних пор, и кто же верит еще в таких существ, раз их нигде не обнаружили в исследованной части космоса? Количество анекдотов о «существах» превышало уже, пожалуй, количество кубических километров в пространстве системы. Кроме зеленых юнцов, которые пока что летали только в кресле, подвешенном к потолку лаборатории, никто не дал бы за их существование и ломаного гроша. Возможно, есть такие существа на далеких звездах, — но лишь на очень далеких. Несколько примитивных моллюскообразных, немного лишайников, бактерий, инфузорий, неизвестных на Земле, — вот, собственно, и все плоды многолетних экспедиций. И в конце концов, неужели таким созданиям — если уж даже допустить, что они существуют, — и вправду нечего делать, кроме того, чтоб подстерегать в одном из самых чертовски пустынных уголков пространства маленькие ракеты патруля? И как они могли приблизиться к ним незаметно?

Таких вопросов, превращающих всю гипотезу в абсолютную, гигантскую бессмыслицу, было много — так много, что игра и вправду теряла остатки смысла. Хоть Пиркс на девятом

часу полета и склонен был к каким угодно мысленным построениям, все же ему перед лицом всех этих беспощадно трезвых истин стоило большого труда хоть на минуту уместить в своем воображении этих демонических звездных существ.

Время от времени, когда, несмотря на отсутствие тяжести, Пирксу надоедала одна и та же поза, он менял наклон кресла, к которому был прикреплен, потом глядел по очереди то вправо, то влево; он вовсе не видел трехсот одиннадцати указателей, контрольных лампочек, пульсирующих дисков и циферблатов: для него все это было словно черты так хорошо и так давно известного лица, что совсем не нужно изучать искривление губ, изгиб бровей или искать морщинки на лбу, чтобы понять, что оно выражает. Экраны и контрольные лампочки сливались в глазах Пиркса в одно целое, которое говорило ему, что все в порядке. Глядя же прямо перед собой, он видел оба передних звездных экрана, а между ними — свое собственное лицо в окаймлении вздутого, закрывающего частично лоб и подбородок желтого шлема.

Между двумя звездными экранами находилось зеркало, не очень большое, но помещенное так, что пилот видел в нем только себя — и ничего больше. Никто не знал, зачем, собственно, здесь это зеркало и для чего оно нужно. То есть все знали, но мудрые доводы в пользу этого зеркала мало кого убеждали. Придумали это все психологи. Человек, утверждали они, хоть это и странно звучит, часто, особенно в условиях длительного одиночества,

перестает надлежащим образом контролировать состояние своих мыслей и эмоций, и может оказаться, что он ни с того ни с сего впадет в какое-то гипнотическое оцепенение, даже в сон без сновидений, с открытыми глазами, от которого не всегда успеет очнуться вовремя. Иногда некоторые становятся жертвами неизвестно откуда возникающих галлюцинаций либо состояния страха, внезапного возбуждения — и против всех подобных неожиданностей будто бы великолепно помогает контроль за собственным лицом. Правда, видеть перед собой в течение многих часов собственное лицо и поневоле следить за его выражением не очень-то приятно. Но об этом тоже мало кто знал, кроме пилотов патрульных ракет. Начинается это вполне невинно: человек состроит какую-нибудь рожу, скривится слегка или усмехнется собственному отражению, а потом уж пошли одна за другой все более отвратительные гримасы; вот так оно получается, если ситуация, до такой степени противная человеческой натуре, затягивается дольше, чем обычно можно выдержать.

К счастью, Пиркс не очень-то интересовался собственным лицом — в отличие от некоторых других пилотов. Этого, конечно, никто не проверял, да и проверить это невозможно, но рассказывают, что некоторые со скуки или от какого-то безграничного оупения начинали делать вещи, о которых трудно рассказать, например плевали в собственное отражение, а потом, устыдившись, вынуждены были, естественно, делать то, что запрещено строжайшим образом, — отстегивать пояса, вставать и в ли-

шенной тяжести ракете идти, вернее плыть, к зеркалу, чтобы как-нибудь очистить его перед посадкой. Некоторые даже упорно твердили, что Вюртц, который врезался на тридцать три метра в глубь бетона посадочной площадки, слишком поздно вспомнил, что нужно вытереть зеркало, и занялся этим в тот момент, когда ракета входила в атмосферу.

Пилот Пиркс никогда таких штук не делал и, что еще более важно, не испытывал ни малейшего искушения плюнуть в зеркало, — а борьба с этим искушением, говорят, доводила некоторых до тяжелого расстройства; смеяться над этим мог бы лишь тот, кто никогда не был в одиночном патруле. Пиркс всегда, даже во время жесточайшей скуки, умел в конце концов изобрести для себя что-нибудь и вокруг этого накручивал все остальные, перепутанные и неясные мысли и чувства, как очень длинную и запутанную нитку вокруг твердого стержня.

Циферблат — обычный, измеряющий время — показывал одиннадцать ночи. Через тринадцать минут АМУ Пиркса должен был оказаться на самом отдаленном от Солнца отрезке своей орбиты: Пиркс кашлянул раза два, чтобы проверить микрофон, наугад предложил вычислителю извлечь корень четвертой степени из 8 769 983 410 567 396, даже не посмотрел на результат, который вычислитель сообщил с величайшей поспешностью, перемалывая в своих окошках цифры и нервно перетряхивая их, будто от этого результата бог знает что зависело. Пиркс подумал, что когда он приземлится, то первым долгом выбросит из ракеты через шлюз рукавицу — просто так, потом закурит папиро-

су и пойдет в столовую, где попросит немедленно подать что-нибудь жареное, острое, с красным перцем и к этому — большую кружку пива: он любил пиво. И тут он увидел светящуюся точку.

Он смотрел в левый передний экран как будто невидящим взглядом и мысленно был уже в столовой, даже ощущал запах хорошо зажаренной картошки — ее готовили специально для него, — но едва только светящаяся точка возникла в глубине экрана, он весь напрягся так, что, если б не пояса, наверняка взлетел бы вверх.

Экран имел около метра в диаметре и напоминал черный колодец — почти в центре светилась Ро Змееносца, а Млечный Путь дважды пересекало тянущееся до самого края экрана зияние пустоты — по обеим сторонам его было полным-полно светящихся звездных пылинок. В эту неподвижную картину вплыла, мерно двигаясь, маленькая светящаяся точка, маленькая, но гораздо более отчетливая, чем любая из звезд. Не то чтоб она светилась особенно ярко — нет, Пиркс немедленно заметил ее потому, что она двигалась.

В пространстве встречаются светящиеся точки. Это позиционные огни ракет. Обычно ракеты не зажигают своих огней и делают это только по радиовызову для опознания. Ракеты имеют различные огни: у пассажирских одни, у товарных другие, свои у быстрых баллистических, у патрульных, космических, служебных, грузовых и всех прочих. Огни эти бывают по-разному размещены и имеют любой цвет, за исключением одного — белого. Ракеты не

имеют белых огней, чтобы их всегда можно было отличить от звезд.

Огонек, который лениво плыл по экрану, был, однако, совершенно белым, — Пиркс почувствовал, что глаза у него лезут на лоб. Он даже не моргал — так боялся, что потеряет из виду огонек. Наконец, когда глаза начало жечь, он моргнул, — но ничто не изменилось. Белая точка спокойно двигалась вперед — уже лишь несколько сантиметров отделяло ее от противоположного края экрана. Еще минута — и она исчезнет из поля зрения.

Руки пилота Пиркса автоматически схватились за нужные рычаги. Реактор, работавший до сих пор на холостом ходу, внезапно пробужденный, молниеносно дал выхлоп. Ускорение вдавило Пиркса в губчатое кресло, звезды задвигались по экранам, Млечный Путь стекал наискось вниз, словно действительно был рекой молока, зато движущийся огонек перестал двигаться — нос ракеты шел теперь прямо за ним, был нацелен на него, как нос гончей на прячущуюся в кустах куропатку. Что значит все-таки сноровка! Весь маневр продолжался менее десяти секунд.

До сих пор Пиркс вообще не успел еще подумать — теперь ему впервые пришло в голову, что все это, наверное, галлюцинация, ибо таких вещей не бывает. Эта мысль делала ему честь. Обычно люди чересчур полагаются на свои чувства и, если видят на улице своего умершего знакомого, скорей готовы допустить, что он воскрес, чем подумать, что они сошли с ума.

Пилот Пиркс сунул руку во внутренний карман в обшивке кресла, достал оттуда маленький флакончик, ввел себе в нос две маленькие стеклянные трубки, выходявшие из горлышка, и глаза у него заслезились. Психран, как говорили, мог прервать даже каталептическое состояние йогов и созерцание ангелов господних. Огонек, однако, продолжал двигаться в центре левого экрана. Поскольку Пиркс сделал, что полагалось, он сунул флакончик на прежнее место, поманеврировал слегка рулями и, удостоверившись, что идет следом за огоньком на сближение, посмотрел на радар, чтобы оценить расстояние до этого светящегося предмета.

И тут он испытал второе потрясение: экран метеорадара был пуст, зеленоватый следящий луч, блестевший, как сильно насвеченная полоска фосфора, вращался на экране по кругу, все время по кругу, и не отмечал никакого свечения — ничего, ну, абсолютно ничего.

Пилот Пиркс, конечно, не подумал, что перед ним дух в светящемся ореоле. Он вообще не верил в духов, хоть в определенных обстоятельствах и говорил о духах с женщинами, — но в таких случаях речь шла совсем не о спиритизме.

Пиркс попросту решил, что тело, за которым он летит, не является мертвым космическим телом, потому что такие тела *всегда* отражают пучок радарных лучей. Только предметы, изготовленные искусственно и покрытые специальным веществом, которое поглощает, гасит и рассеивает сантиметровые волны, не дают никакого оптического эха.

Пилот Пиркс откашлялся и сказал размеренно, ощущая, как его движущийся кадык мягко нажимает на прикрепленный к шее ларингофон:

— АМУ сто одиннадцать патрульный к объекту, летящему в секторе тысяча сто два запятая два, приблизительным курсом на сектор тысяча четыреста четыре, с одним белым позиционным огнем. Прошу дать свои позывные. Прошу дать свои позывные. Прием.

И ждал, что будет дальше.

Проходили секунды, минуты — никакого ответа не было. Пилот Пиркс заметил зато, что огонек бледнеет, следовательно, удаляется от ракеты. Радарный дальномер не мог ему ничего сказать, но в запасе имелся еще на худой конец оптический дальномер. Пиркс выдвинул ноги далеко вперед и нажал на педаль. Дальномер спустился сверху, он был похож на бинокль. Пиркс притянул его левой рукой к глазам и начал фокусировать.

Он поймал огонек в объективы почти немедленно и уловил еще нечто. Огонек вырос в поле зрения, стал величиной с горошину, видимую с расстояния пяти метров, то есть с точки зрения соотношений в пространстве он был прямо-таки гигантским. Вдобавок по его круглой, но будто чуть приплюснутой поверхности медленно проплывали справа налево мельчайшие затемнения — словно кто-то проводил толстым черным волосом прямо перед объективом дальномера. Эти затемнения были именно вот такими мглистыми, неясными, но движение их оставалось неизменным: они все время перемещались справа налево.

Пиркс начал крутить регулятор фокусировки, но оказалось, что светящееся пятнышко вообще не желает становиться четким; тогда он второй призмой, специально для этого предназначенной, разделил изображение пополам, начал совмещать обе разведенные половинки, а когда ему это удалось, глянул на шкалу — и остолбенел в третий раз.

Светящийся объект летел на расстоянии четырех километров от ракеты!

Это все равно как если бы кто-то, мчась на гоночном автомобиле, оказался вдруг на расстоянии пяти миллиметров от другой машины: четыре километра считаются в пространстве таким же опасным и недозволенным расстоянием. Пиркс уже мало что мог сделать. Он направил указатель наружной термопары на огонек, рычагом дистанционного управления передвигал прицел, пока не накрыл молочно светящееся пятно, и краем глаза уловил результат: 24 градуса по Кельвину.

Это означало, что огонек имеет температуру окружающего пространства — всего на 24 градуса выше абсолютного нуля.

Теперь он был уже, собственно, вполне уверен, что этот огонек не может существовать, светиться, а тем более двигаться, однако, поскольку огонек плавал у него под носом, Пиркс продолжал гнаться за ним.

Огонек слабел все заметнее — и все быстрее. Через минуту Пиркс убедился, что пятно удалилось на сто километров, и увеличил скорость.

Тогда произошло нечто, пожалуй, наиболее удивительное.

Огонек сначала позволял себя догонять. Он был в 80, 70, 50, 30 километрах от носа ракеты. Потом снова рванулся вперед. Пиркс увеличил скорость до 75 километров в секунду. Огонек делал 76. Пиркс снова прибавил ходу, но уж как следует: он сразу дал половину мощности в дюзы, и ракету словно выстрелило вперед. Тройная перегрузка вдавила Пиркса в подушки кресла. АМУ имел малую массу покоя, поэтому брал разгон в темпе гоночного автомобиля. Через минуту он делал уже 140 километров в секунду.

Пятнышко делало 140,5.

Пилот Пиркс почувствовал, что ему становится жарко. Он дал полную тягу. АМУ-III весь запел, как задетая струна. Указатель скорости, производивший отчет по отношению к неподвижным звездам, быстро полз вверх: 155—168—177—190—200.

При двухстах Пиркс посмотрел на дальномер, что было настоящим подвигом, достойным легкоатлета-десятиборца, ибо ускорение составляло 4 g.

Огонек заметно приближался, рос: сначала он был в нескольких десятках, потом в десяти, потом в шести километрах, мгновение—и он оказался в трех. Он был теперь больше, чем горошина, видимая на расстоянии вытянутой руки. Туманные затемнения продолжали перемещаться по его диску. Блеск его был сравним с блеском звезд второй величины, но это был диск, а не точка, как звезды.

АМУ-III выкладывался полностью. Пиркс гордился им. В маленькой рулевой кабине ничто не дрогнуло даже при скачке на полную

тягу — ни следа вибрации! Реакция шла точно по оси, полировка дюз была великолепной, реактор тянул как черт.

Огонек все приближался — теперь крайне медленно. До него оставалось два километра, когда Пиркс начал очень быстро думать. Вся эта история была весьма странной. Огонек не принадлежал никакому земному кораблю. Космические пираты? Смешно. Нет никаких космических пиратов, да и что им делать в этом секторе, пустом, как старая бочка? Огонек перемещался с большой скоростью в широких пределах, ускорение у него было такое же резкое, как и торможение. Когда ему хотелось, он убегал от ракеты, а теперь позволял себя понемногу догонять. И это больше всего не понравилось Пирксу. Он подумал, что так ведет себя... приманка. Например, червяк на крючке под самым носом у рыбы.

И, конечно, он немедленно подумал о крючке.

— Ну, погоди, голубчик! — сказал сам себе Пиркс и внезапно дал такое торможение, будто перед ним выпрыгнул по меньшей мере астероид, хотя луч радара по-прежнему бегал впустую, а экраны не показывали ничего. Несмотря на то что Пиркс инстинктивно пригнул шею и изо всей силы прижал подбородок к груди, чувствуя одновременно, что автомат молниеносно наполняет его комбинезон дополнительной порцией сжатого воздуха, чтобы противодействовать шоку торможения, он на некоторое время потерял сознание.

Стрелка гравиметра прыгнула на минус 7 g, задрожала и медленно сползла на ми-

нус 4. АМУ-111 потерял почти треть своей скорости — теперь он делал только 145 километров в секунду.

Где огонек? На мгновение Пиркс забеспокоился, что вообще его потерял. Нет, он был. Но далеко. Оптический прицел показывал дальность — 240 километров. Он за две секунды мог пролететь большее расстояние. Значит, немедленно вслед за маневром Пиркса огонек также мгновенно уменьшил скорость!

Тогда — позже он сам удивлялся, что лишь тогда, — Пирксу пришло в голову, что это, наверное, и есть загадочное *нечто*, которое встретили в своих патрульных полетах Томас и Вилмер.

До этой минуты он вообще не думал об опасности. Теперь его внезапно охватил страх. Это продолжалось очень недолго. Конечно, такого не может случиться — ну, а *если б* это все же был огонь чужой, неземной ракеты? Огонек явно приближался, уменьшал скорость, был уже в 60... 30... 20 километрах. Пиркс и сам слегка приблизился и даже удивился, как мгновенно вырос огонек: теперь он висел в двух километрах перед носом ракеты, снова был рядом!

По другую сторону кресла в кармане находился бинокль, ночной, двадцатичетырехкратный, — им пользовались только в исключительных случаях, если, например, выходил из строя радар, а нужно было подойти к какому-нибудь спутнику с теневой стороны. Теперь этот бинокль очень пригодился. Увеличение он дал такое, что огонек будто оказался на расстоянии менее сотни метров. Это был не-

большой диск, белый, как молоко, но молоко разбавленное, меньше по размерам, чем Луна, видимая с Земли. По этому диску проплывали вертикальные полосы затемнений. А звезды, когда диск их закрывал, исчезали не сразу, а лишь через некоторое время, будто самый краешек белого диска был несколько более разреженным и прозрачным, чем его середина.

Но вокруг молочного пятна ничто не заслоняло звезд. На расстоянии 100 метров — через бинокль — можно увидеть ракету величиной с ящик письменного стола. Не было там ничего. Никакой ракеты. Огонек не был ни позиционным, ни выхлопным огнем какого-либо корабля. Наверняка нет.

Попросту — самостоятельный, летящий белый огонек.

С ума можно было сойти!

Пиркс почувствовал огромное желание выстрелить в молочный диск. Это было нелегко, поскольку АМУ-III не имел никакого оружия. Регламент не предусматривает его применения. У Пиркса были только две вещи, которыми можно было выстрелить из кабины: он сам вместе с креслом и шар-зонд. Патрульные ракеты сконструированы так, что пилот может катапультироваться в герметическом покрове на тормозном парашюте. Делается это лишь в случае крайней необходимости, и, конечно, выбросившись из ракеты, вернуться в нее уже нельзя.

Следовательно, оставался шар-зонд. Это очень простое устройство — толкостенный резиновый баллон, пустой, свернутый так плотно, что напоминает копье, с алюминиевым

покрытием — для лучшей видимости. Зачастую трудно полагаться на показания аэродинамометра — вступишь ты уже в атмосферу планеты или еще нет. Да и, наконец, пилот хочет знать — это самое важное, — не находится ли разреженный газ прямо перед ним. Тогда он выбрасывает шар, который автоматически надувается, и летит со скоростью несколько большей, чем скорость ракеты. Он виден как светлое пятнышко даже за пять-шесть километров. Если он попадает в разреженный газ, даже очень разреженный, он нагревается от трения и лопается. Тогда пилот знает, что пора начать торможение. Пиркс старался нацелиться носом в туманный диск. Он не мог целиться радаром, поэтому воспользовался оптическим прицелом. Попасть в такой маленький предмет на расстоянии почти двух километров невероятно трудно. Все же Пиркс старался выстрелить, но диск не хотел устанавливаться на прицеле. Как только он начинал, осторожно маневрируя отклоняющими дюзами, передвигать нос АМУ, диск преспокойно отодвигался в сторону и снова мчался перед ним в центре левого звездного экрана. Этот маневр повторялся четыре раза подряд, каждый следующий раз немного быстрее, будто диск все лучше ориентировался в намерениях пилота. Он явно не желал, чтобы нос АМУ был направлен точно в него, — летел с незначительным боковым отклонением.

Это было фантастично. Чтобы заметить маленький поворот носа ракеты на расстоянии двух километров, диск должен был обладать каким-то гигантским телескопом, которого

Пиркс абсолютно не видел. И все же диск совершал маневр ухода с опозданием максимум на полсекунды.

Беспокойство Пиркса росло. Он сделал уже все, что мог, чтобы опознать этот дьявольский летающий объект, и не подвинулся ни на шаг. И тогда — сидя неподвижно, с руками, постепенно цепенеющими на рычагах, — он вдруг подумал, что с теми двумя, наверно, было именно так. Увидели огонек, старались получить его позывные, думая, что это какая-то странная ракета; когда им не ответили, помчались за ним все быстрее; наверно, тоже исследовали огонек в бинокль и заметили пересекающие его полосы затемнений, может быть, стреляли в него шарами-зондами, а потом... сделали что-то такое, отчего больше не вернулись.

Поняв, до чего он близок к тому же концу, Пиркс почувствовал даже не страх, а отчаяние. Это было совсем как в кошмарном сне: с минуту он не понимал, кто он — Пиркс, или Томас, или Вилмер. Потому что тогда все происходило точно так же, как сейчас, — в этом не было никаких сомнений. Он сидел, как парализованный, совершенно уверившись, что спасения нет. Особенно ужасало Пиркса то, что никак не удавалось сообразить, в чем опасность, — пространство было пусто...

Пусто?

Да, сектор был пуст, но ведь он гнался за огоньком больше часа со скоростью до 230 километров в секунду! Вполне возможно, — нет, даже наверняка — он находился на самой границе своего сектора или уже миновал ее. Что

дальше? Следующий сектор, 1009, следующие полтора триллиона километров пустоты. Пустота, со всех сторон на миллионы километров ничего, только пустота, а на расстоянии двух километров от носа ракеты танцевал белый огонек.

Пиркс начал изо всех сил думать, что могли сделать сейчас — именно сейчас — Вилмер или Томас. Вилмер и Томас. Потому что он — он должен сделать нечто совершенно иное. Иначе он не вернется.

Он еще раз нажал тормоз. Стрелка дрогнула. Он летел все медленнее. Уже только 30... 22... 13... 5 километров в секунду. Вот уже 0,9. Уже лишь несколько сот метров в секунду — стрелка едва заметно подрагивала над самым нулем. С точки зрения устава — он остановился. В пространстве всегда имеешь какую-нибудь скорость относительно чего-нибудь. Стать как кол, вбитый в землю, невозможно.

Огонек уменьшался. Уходил все дальше и дальше... был все бледнее, потом перестал уменьшаться. Начал расти... снова увеличивался, пока не остановился. На расстоянии двух километров от носа ракеты.

Чего не сделали бы Томас и Вилмер? Чего они *наверняка* не сделали бы? Они не стали бы удирать от такого маленького, паршивого, идиотского огонька, от дурацкого туманного пятнышка!

Пиркс не хотел поворачивать: сделав поворот, он потерял бы пятнышко из виду — оно осталось бы за кормой, а то, что делается за кормой, труднее наблюдать — приходится по-

ворачивать голову к боковому экрану. Да и вообще не хотел он иметь этот огонек за кормой: хотел видеть его отчетливо и непрерывно. Поэтому Пиркс дал задний ход, применяя тормозные дюзы как ускорительные. Такие вещи полагается уметь делать, это элементарный пилотаж. Сначала было минус 1 g, потом минус 1,6, минус 2. Задним ходом ракета шла не так идеально, как на обычной тяге. Нос чуточку качался — все-таки тормоза приспособлены для торможения, а не для ускорения ракеты.

Огонек будто заколебался. За несколько секунд он уменьшился в пространстве, на мгновение закрыл Альфу Эридана, сошел с нее, потанцевал между маленькими безыменными звездами — и потянулся за ракетой.

Не хотел отвязаться.

«Только спокойно, — подумал Пиркс, — что он может, в конце концов, мне сделать? Такое маленькое светящееся дерьмо. И что мне до всего этого? Мое дело — патрулировать сектор. Черт бы его побрал, этот огонек!»

Так он думал, но, понятное дело, ни на минуту не спускал глаз с огонька. С момента встречи прошло уже почти два часа. Временами глаза жгло и застилало слезами. Пиркс таращился изо всех сил и продолжал пятиться. Пятясь, нельзя лететь слишком быстро, тормоза не рассчитаны на непрерывное действие. Так что он давал восемь километров в секунду — и потел вовсю.

Уже некоторое время он чувствовал: что-то творится с его шеей; будто оттянули щипчиками кожу с горла вниз, к груди, и во рту слегка пересохло. Пиркс не обращал на это внима-

ния, у него были дела поважнее, чем то, что сохнут губы и щиплет кожу на шее. Потом он почувствовал себя как-то странно — перестал ощущать положение собственных рук. Ноги он ощущал. Правая нажимала педаль тормозных двигателей.

Пиркс попробовал шевельнуть руками, потому что не хотел спускать глаз с огонька: тот как будто подходил ближе — не то 1,9 километра от носа, не то 1,8. Догоняет его, что ли?

Он хотел поднять руку — не смог. Другую — даже не то чтоб не смог! Он не чувствовал своих рук, будто они вообще не существовали. Хотел взглянуть на них — шея даже не дрогнула, она была напряжена, тверда, как дерево.

Его охватила паника. Почему он до сих пор не сделал того, что было его прямым долгом? Почему, встретив огонек, не вызвал немедленно по радио Базу и не сообщил о происшествии?

Потому что постыдился. Томас и Вилмер тоже, наверно, постыдились. Он представлял себе хохот, который раздался бы в радиорубке Базы. Огонек! Белый огонек, который сначала убегает от ракеты, а потом преследует ее! Действительно! Сказали бы ему, наверно, чтоб он ушипнул себя и проснулся.

Теперь ему было все равно — он еще раз взглянул на экран и сказал:

— АМУ-III патрульный к Базе...

Точнее говоря — хотел сказать. Но не смог. Из горла его исходило лишь какое-то нечленораздельное бормотание. Он напряг все си-

лы — из губ его вырвался рев. Тогда — впервые — глаза его оторвались от звездного экрана и метнулись к зеркалу. Перед ним, в кресле пилота, в круглом желтом шлеме сидело чудовище.

У него были огромные, набрякшие, выкатившиеся глаза, полные адского ужаса, широко разинутый рот, лягушачьи губы — между ними болтался темный язык. Вместо шеи дрожали какие-то натянутые жилы, дергавшиеся непрерывно, так что нижняя челюсть тонула в них. И это страшилище с серым, стремительно опухавшим лицом орало.

Он силился закрыть глаза — не мог. Хотел опять посмотреть на экран — не мог. Чудовище, привязанное к креслу, дергалось все яростнее, будто хотело разорвать пояса. Пиркс смотрел на него — ничего иного он не мог сделать. Сам он не ощущал никаких судорог — ничего. Чувствовал только, что начинает задыхаться, что не может вдохнуть воздух.

Он слышал где-то рядом отвратительный скрежет зубов. Он перестал уже вообще быть Пирксом — ничего не знал, не имел ни рук, ни тела, оставалась только нога, которая нажимала на тормоз. Он чувствовал, что взгляд его становится все более мутным, что перед глазами начинают плавать маленькие белые пятнышки. Он шевельнул ногой. Она начинала дергаться. Он поднял ногу. Опустил. Чудовище в зеркале было серым как пепел, на губах его выступила пена. Глаза совершенно вылезли из орбит. Оно дергалось.

Тогда он сделал то единственное, что еще мог. Размахнулся ногой, рванул ее вверх и изо

всей силы ударил себя коленом в лицо. Он почувствовал страшную, пронизывающую боль и разбитых губах, кровь хлынула на подбородок, он ослеп.

— А-а-а-а-а... — захрипел он. — А-а-а-а-а...
Это был его голос.

Боль куда-то исчезла, он снова ничего не чувствовал. Что происходит? Где он? Его не было нигде. Не было ничего...

Он колотил, разбивал коленом собственное лицо, дергаясь, как сумасшедший, но рычание прекратилось. Он услышал свой собственный, рыдающий, давящийся кровью крик.

Он снова обрел руки. Они были точно деревянные и так ужасно болели при каждом движении, словно в них все мышцы лопнули, — но он мог ими двигать. На ощупь, онемевшими пальцами он начал отстегивать пояса. Схватился за поручни. Встал. Ноги у него дрожали, все тело болело, будто молотом разбитое. Он ухватился за трос, наискось протянутый через рулевую рубку, и подошел к зеркалу. Обеими руками оперся о его раму.

В зеркале стоял пилот Пиркс.

Он уже не был серым — лицо его было все в крови, с разбитым, опухшим носом. Кровь текла из рассеченных губ. Щеки были еще синие, набрякшие, под глазами черные мешки, на шее что-то еще дергалось под кожей, но все слабее, слабее — и это был он, Пиркс. Он долго вытирал кровь с подбородка, отплевывался, кашлял, глубоко дышал, слабый, как ребенок.

Потом отступил на шаг. Посмотрел в экран. Ракета летела все так же, пяťясь, — уже без тяги, только по разгону. Белый диск летел за

ракетой, за ее носом, на расстоянии двух километров.

Он подошел, держась за трос, к креслу. Думать он вообще не мог. Руки у него начинали трястись лишь теперь, но это был обычный эффект, наступающий после шока, — это он знал, этого не боялся. Что-то изменилось перед самым креслом...

Верх кассеты автоматического передатчика был вдавлен. Пиркс толкнул крышку — она упала. Внутри полным-полно разбитых деталей. Как это случилось? Очевидно, он сам ударил по передатчику? Когда?

Он сел в кресло, включил отклоняющие дюзы, начал разворот.

Белый диск заколебался, поплыл через экран, дошел до его края — и, вместо того чтоб исчезнуть, отскочил от края, как мячик! Вернулся в центр!

— Ты, тварь! — крикнул Пиркс с ненавистью и отвращением.

И из-за этой дряни он чуть не перешел на «вечную орбиту»! Если огонек при повороте не уходил за экран, это означало, ясное дело, что его вообще нет, что он возникает в самом экране. Ведь экран — это же не окно, в ракете нет никаких окон. В ней имеется телевизионное устройство — снаружи, в обшивке, находятся объективы, а внутри — аппаратура, которая преобразует их электрические импульсы в изображение на катодном экране. Устройство испортилось? Таким странным образом? А у Вилмера и Томаса — тоже? Как это возможно? И — что с ними потом произошло?

Сейчас ему было, однако, не до того. Он включил аварийный передатчик.

— АМУ-111 патрульный к Базе, — сказал он. — АМУ-111 патрульный к Базе. Нахожусь на границе секторов 1009 и 1010, экваториальная зона, возвращаюсь, обнаружив аварию...

Когда шесть часов спустя Пиркс приземлился, начались доскональные исследования, продолжавшиеся целый месяц. Прежде всего специалисты взялись за телевизионную аппаратуру. Это была новая, усовершенствованная аппаратура — ее вмонтировали год назад на всех АМУ патрульной службы, и работала она великолепно. Никогда не обнаруживалось ни малейшего дефекта.

После долгих мук электронщики обнаружили наконец механизм возникновения огонька. Вакуум в катодных трубках экрана нарушался через несколько тысяч часов работы, на внутренней поверхности экрана возникал блуждающий заряд, который создавал на экране видимость молочного пятнышка. Этот заряд двигался, подчиняясь довольно сложным закономерностям. Когда ракета внезапно ускорялась, заряд расползался несколько более широко на поверхности, словно распластывался на внутреннем покрытии экрана, — тогда казалось, будто пятнышко приближается к ракете. Когда давалась обратная тяга, заряд отплывал внутрь трубки, а когда ускорение устанавливалось и оставалось неизменным, блуждающий заряд медленно возвращался к центру экрана. Он мог также двигаться по экрану во всех направлениях, но чаще всего сосредоточивался в самом центре — если ра-

кета шла по стационарной орбите, без тяги. И так далее, и так далее — исследования заряда продолжались, а динамику его движения описывали шестизатжные формулы. Оказалось также, что более сильные источники света рассеивают заряд. Он концентрировался лишь тогда, когда интенсивность импульсов, принимаемых катодной трубкой, была очень слабой, — какой она бывает в космическом пространстве вдали от Солнца. Стоило солнечному лучу хоть раз упасть на экран — и заряд исчезал на несколько часов.

Вот примерно что обнаружили электронщики. Возникла даже целая книга, битком набитая математикой. Затем за дело взялись врачи, психологи, специалисты в области астневрозов и астропсихозов. Через несколько недель обнаружилось, что блуждающий заряд пульсировал, — невооруженный глаз воспринимал это как мелкие затемнения, ползущие по светлomu диску; частота же возникающих миганий, слишком кратковременных, чтобы глаз мог зарегистрировать их по отдельности, налагалась на так называемый тета-ритм коры головного мозга и увеличивала колебания потенциалов коры, пока не наступал внезапный припадок, сходный с эпилептическим. Обстоятельствами, которые дополнительно способствовали возникновению этого припадка, были полный покой, отсутствие каких-либо возбудителей, кроме световых, и длительное непрерывное вглядывание в мигающий огонек.

Специалисты, которые все это открыли, конечно, стали знаменитыми. Во всем мире электронщики знают теперь эффект Ледью —

Харпера — возникновение блуждающих зарядов в высоком вакууме катодной трубки; астробиологи же изучают атактически-кататонически-клонический синдром Нугтельхеймера.

Личность Пиркса осталась неизвестной ученому миру, и только очень внимательные читатели газет могли узнать из заметок, набранных петитом в некоторых вечерних изданиях, что это благодаря Пирксу судьба Вилмера и Томаса, которые, увеличив до предела скорость своих ракет и потеряв сознание в погоне за блуждающим огнем, погибли в безднах космоса, больше не грозит ни одному пилоту.

Итак, слава миновала Пиркса, но он вовсе не расстраивался по этому поводу. Даже искусственный зуб, который пришлось вставить взамен выбитого коленом, он оплатил из собственного кармана.

АЛЬБАТРОС

Обед состоял из шести блюд — не считая дополнительных. Тележки с вином бесшумно катились по стеклянным дорожкам. Высоко вверху над каждым столом горела точечная лампа. Черепаховый суп подавали при лимонном свете. Рыбу — при почти белом, с голубоватым отливом. Цыплят залил румянец с шековисто-серым теплым оттенком. За черным кофе, к счастью, не стало темно — Пиркс был готов к самому худшему. Его утомил этот обед. Он пообещал себе, что отныне будет есть только на нижней палубе, в баре. Зал этот был определенно не по нем. Все время приходилось думать о локтях. Вдобавок — туалеты! Зал был вогнутый — края выше, центр опущен чуть ли не на пол-яруса. Он походил на гигантскую золотисто-кремовую тарелку, наполненную самыми яркими тартинками на свете. Жесткие полупрозрачные платья шуршали за спиной Пиркса. Время здесь проводили великолепно. Наигрывала музыка. Сновали кельнеры — настоящие кельнеры, каждый выглядел как дирижер филармонии. «Трансгалактик» гарантирует: никаких автоматов — интимность — деликатность — искренняя челове-

ская благожелательность — весь обслуживающий персонал живой. Сплошные виртуозы своего дела.

Пиркс пил черный кофе, курил сигарету и старался найти уголок зала, на котором можно было бы остановить взгляд. Спокойный уголок, чтобы отдохнуть. Соседка ему нравилась. На ее декольте чернел плоский шершавый камешек. Не какой-нибудь хризопраз или халцедон. Ничего земного — наверное, с Марса. Камешек этот, надо полагать, стоил целое состояние — походил он на осколок булыжника. Женщинам нельзя иметь столько денег.

Пиркс не возмущался. Не удивлялся. Он наблюдал. Постепенно у него возникло желание размяться. Не пройти ли на прогулочную палубу?

Он встал, слегка поклонился и вышел. Проходя между гранеными колоннами, облицованными зеркальной массой, Пиркс увидел собственное отражение. Из-под узла галстука виднелась пуговица. Кто, впрочем, носит еще эти самые галстуки?

Он поправил воротничок уже в коридоре. Вошел в лифт. Поднялся на самый верх — на обзорную палубу. Лифт бесшумно открылся. Здесь не было ни души. Пиркс обрадовался этому. Часть вогнутого потолка над палубой, уставленной шезлонгами, выглядела, словно гигантское черное окно, распахнутое навстречу звездам. Шезлонги с грудами пледов пустовали. Только в одном из них лежал кто-то, укрывшись с головой, — чудаковатый старикан, который приходил обедать часом позже всех и ел один в пустом зале, закрывая лицо

салфеткой, когда чувствовал на себе чей-нибудь взгляд.

Пиркс лег. Невидимые зевы климатизаторов направляли на галерею палубы порывистые потоки ветра; казалось, дует прямо из черных глубин неба. Конструкторы, услугами которых пользовался «Трансгалактик», разбирались в деле. Шезлонги были удобные—пожалуй, удобней, чем кресло пилота, хоть оно и было сконструировано на основе тончайших математических расчетов. Пиркс начал зябнуть. Для этого и нужны пледы. Он укутался ими, словно нырнул в пух.

Кто-то подымался сюда. По лестнице, не в лифте. Соседка по столику. Сколько ей лет? На ней было совсем другое платье. А может, это вообще была другая женщина? Она легла на третьем от него шезлонге. Раскрыла книгу. Ветер шелестел страницами. Пиркс смотрел теперь прямо перед собой. Отлично был виден Южный Крест. Отрезанный оконной рамой, светился клочок Малого Магелланова облака—светлое пятнышко на черном фоне. Он подумал, что полет будет продолжаться семь дней. За это время может многое случиться. Он умышленно пошевелился. Толстая, сложенная вчетверо бумага закрипела во внутреннем нагрудном кармане. Ему хорошо жилось на свете—место второго навигатора уже ожидало его, он знал точный маршрут: с Северной Земли самолетом до Евразии и далее в Индию. Билеты составляли целую книжечку—ее можно было читать, каждый бланк другого цвета, двойной, отрезные талоны, золотые каемочки,—все, что «Трансгалактик» давал пасса-

жирам в руки, прямо истекало серебром или золотом. Пассажирка в третьем шезлонге очень хороша собой. Пожалуй, это все же та самая. Следует что-то сказать — или лучше не надо? Ведь он уж как будто представился ей. Это чистое несчастье иметь такую короткую фамилию — не успеешь начать, а она уже кончилась. «Пиркс» звучит совсем как «икс». Хуже всего бывает во время телефонных разговоров. Сказать что-нибудь? Что?

Он снова начал терзаться. На Марсе он представлял себе это путешествие совсем иначе. Арматоры с Земли оплатили ему перелет — у них, кажется, были какие-то дела с «Транс-галактиком», и это не было с их стороны красивым жестом. А он, хоть и налетал уже почти три миллиарда, никогда еще не бывал на чем-либо напоминающем «Титан». Грузовые корабли выглядят совсем иначе! Сто восемьдесят тысяч тонн массы покоя, четыре реактора основного хода, скорость движения 65 километров в секунду, тысяча двести пассажиров только в одноместных и двухместных каютах с ваннами, номера люкс, гарантированная постоянная гравитация, исключая старт и посадку, высший комфорт, высшая безаварийность, сорок два человека экипажа и двести шестьдесят обслуживающего персонала. Керамит, сталь, золото, палладий, хром, никель, иридий, пластики, каррарский мрамор, дуб, красное дерево, серебро, хрусталь. Два бассейна. Четыре кинозала. Восемнадцать станций прямой связи с Землей — только для пассажиров. Концертный зал. Шесть главных па-

луб, четыре обзорных; автоматические лифты; заказы билетов на все ракеты в пределах солнечной системы на год вперед. Бары. Залы для игр. Универсальный магазин. Уличка ремесленников — точная копия какого-то земного переулочка в старой части города, с винным погребком, газовыми фонарями, луной, глухой стеной и кошками, которые прогуливаются по ней. Оранжерея. И черт знает что еще. Надо лететь целый месяц, чтобы успеть обойти все это хоть один раз.

Соседка продолжала читать. Стоит ли женщинам красить волосы в такой цвет? У нормального человека он вызывает... Но этой, — этой такой цвет почти к лицу. Пиркс подумал, что, если б он держал в руке горящую сигарету, нужные слова сразу нашлись бы. Полез в карман.

Портсигар — у него никогда не было портсигара, этот он получил в подарок от Горака, на память, и носил в знак дружбы — будто стал чуть тяжелее. Самую малость. Но в этом он был уверен. Ускорение увеличилось?

Пиркс прислушался. Вон что.

Двигатели работали на большей мощности. Обычный пассажир совсем бы этого не услышал: машинный зал «Титана» был отделен от пассажирской части корпуса четырьмя изоляционными переборками.

Пиркс выбрал бледную звездочку в самом углу окна и не сводил с нее глаз. Если они просто увеличивают скорость — звездочка не двинется с места. Но если она дрогнет...

Звездочка дрогнула. Медленно — очень медленно — поплыла в сторону.

«Поворот вокруг большой оси», — подумал он.

«Титан» летел по «космическому туннелю», где на пути не было ничего — ни пыли, ни метеоритов; ничего, кроме пустоты. Впереди, на расстоянии тысячи девятисот километров от него, мчался лодман «Титана», задачей которого было обеспечивать свободный путь для гиганта. Зачем? На всякий случай, хотя путь и так был свободен. Ракеты точно придерживались расписания движения, «Трансгалактику» был гарантирован полет без помех по указанному отрезку гиперболы на основе соглашения, заключенного Объединением астронавигационных компаний. Никто не мог занять его трассу. Метеоритные сводки поступали теперь за шесть часов; с тех пор как тысячи автоматических зондов стали патрулировать секторы за орбитой Урана, ракетам практически перестала грозить какая-нибудь опасность извне. Пояс — орбита миллиарда метеоритов между Землей и Марсом — имел собственную патрульную службу, к тому же ракетные трассы проходили вне плоскости эклиптики, в которой вращается вокруг Солнца грохочущий метеоритный пояс. Прогресс — даже с того времени, когда Пиркс летал на патрульной ракете, — был огромный.

Словом, у «Титана» не было ни малейшей необходимости лавировать — препятствий не существовало. И все же корабль делал разворот. Теперь Пирксу даже не надо было смотреть на звездное небо — он чувствовал это всем телом. Зная скорость корабля, его массу

и быстроту перемещения звезд, он мог при желании высчитать кривизну траекторий.

«Что-то случилось, — подумал Пиркс. — Но что?»

Пассажирам ничего не сообщали. Скрывают что-нибудь? Почему? Пиркс очень плохо разбирался в порядках на пассажирских кораблях люкс. Зато знал, что может случиться в машинном отделении, в рулевой рубке... это не такое уж большое хозяйство. В случае аварии корабль сохранил бы прежнюю скорость или уменьшил бы ее. «Титан» же...

Это продолжалось уже четыре минуты. Следовательно, ракета повернула почти на 45 градусов. Любопытно.

Звезды остановились.

Корабль шел прямым курсом. Тяжесть портсигара, который Пиркс все еще держал в руке, возросла.

Они шли прямым курсом и увеличивали скорость. Сразу все стало ясно. Секунду Пиркс сидел недвижимо, потом встал. Теперь он весил больше. Сероглазая пассажирка взглянула на него.

— Случилось что-нибудь?

— Ничего особенного.

— Но что-то изменилось. Вы не чувствуете?

— Пустяки. Немного увеличиваем скорость, — сказал он.

Сейчас можно было начать обычный вступительный разговор. Он взглянул на нее. Цвет волос ничуть не мешал. Она была очень красива.

Он пошел вперед. Ускорил шаги. Женщина, наверное, подумала, что он спятил. На сте-

нах палубы пестрели разноцветные фрески. Через дверь с надписью «Конец палубы — входа нет» он прошел в длинный, пустой, металлически сверкающий в свете ламп коридор. Замелькали ряды дверей с номерами. Он направился дальше. Ориентировался по слуху. Поднялся по ступенькам на пол-этажа — и остановился у других дверей. Стальных. «Вход только для звездного персонала», — было написано на табличке. Ого! Какие красивые названия придумал этот «Трансгалактик»!

Двери были без ручки, они открывались специальным ключом, которого у него не было. Он поднес палец к носу. Поразмыслил секунду. И выстукал по Морзе:

— Тап — тап — та-та-тап — тап — тап.

Он ждал с минуту. Дверь отворилась. Хмурое, покрасневшее лицо показалось в щели.

— Чего вы хотите?

— Я — пилот патрульной службы, — сказал он.

Двери открылись шире.

Он вошел. Здесь помещался резервный пульт управления — вдоль одной стены располагалась дублирующая система управления ракетными двигателями, изменяющими направление. Напротив — экраны оптического контроля. У аппаратов стояло несколько кресел, все были пусты. Приземистый автомат контролировал мерцание ламп на пульте. На узком столике у стены стояли в кольцевых зажимах полупустые стаканы. В воздухе чувствовался аромат свежесваренного кофе и своеобразный запах нагретых пластиков с еле уловимой примесью озона.

Вторая дверь была приоткрыта. Из-за нее доносился слабый писк умформера.

— SOS? — спросил Пиркс человека, который ему открыл. Это был довольно полный мужчина со слегка припухшей, словно от флюса, щекой. На волосах — след от дуги наушников. Он был в серой на молниях полурасстегнутой униформе «Трансгалактика». Рубашка вылезла из брюк.

— Да.

Мужчина как будто колебался.

— Вы из Патруля? — сказал он.

— С Базы. Летал два года на трансурановых орбитах. Я навигатор. Моя фамилия Пиркс.

Мужчина подал ему руку.

— Минделл. Ядерник.

Не сказав больше ни слова, они прошли в другое помещение. Это была радиорубка прямой связи. Очень просторная. Человек десять окружали главный передатчик. Два радиотелеграфиста в наушниках что-то непрерывно писали, аппараты стучали, под полом попискивало. Контрольные лампы горели на всех стенах. Все это было похоже на междугородную телефонную станцию. Телеграфисты почти лежали на своих конторках. На них были только рубашки и брюки. Лица лоснились от пота, один был бледен, другой, постарше, со шрамом на голове, выглядел так, будто ничего не случилось. Дуга наушников разделяла волосы, и шрам был хорошо виден. Два человека сидели чуть поодаль; Пиркс взглянул на них и узнал в одном командора.

Они были немного знакомы. Командор «Титана» был невысокий, седоватый, с маленьким, ничего не говорящим лицом. Положив ногу на ногу, он, казалось, рассматривал носок собственного ботинка.

Пиркс бесшумно приблизился к людям, стоявшим около телеграфистов, наклонился и стал читать через плечо того, со шрамом: «...Шесть восемнадцать запятая три иду полным ходом дойду восемь ноль двенадцать конец».

Телеграфист придвинул левой рукой бланк и продолжал запись.

«Луна Главная Альбатросу-4 Марс — Луна точка Имеете ли повреждения точка Ответьте Морзе радифон не доходит точка Сколько часов можете держаться на аварийной тяге точка Пеленгованный дрейф ноль шесть запятая двадцать один точка Прием».

«Порыв Марс — Луна Луне Главной точка Иду полным ходом к Альбатросу сектор 64 точка У меня перегрет реактор точка Несмотря на это запятая иду дальше точка Нахожусь шесть нанопарсеков от пункта запеленгованного SOS точка Конец».

Вдруг второй радиотелеграфист, тот, бледный, издал какой-то нечленораздельный звук — все стоящие склонились над ним. Человек, который впустил Пиркса, подал командору заполненные бланки. Второй телеграфист писал:

«Альбатрос-4 всем точка Лежу в дрейфе эллипс Т-341 сектор 65 точка Обшивка корпуса лопается дальше точка Кормовые переборки не выдерживают точка Аварийная тяга реактора 0,3 g точка Реактор выходит из-под

контроля точка Главная перегородка повреждена во многих местах точка Повреждение на третьей палубе возрастает под действием аварийной тяги точка Утечка теплоносителя продолжается точка Пытаюсь цементировать точка Перевожу экипаж в носовой отсек точка Конец».

У радиотелеграфиста тряслись руки, когда он писал. Один из стоявших взял его за ворот рубашки, поднял, вытолкал за дверь, сам вышел, через минуту возвратился и сел на его место.

— У него там брат, — пояснил он, ни к кому не обращаясь.

Пиркс наклонился теперь над старшим радиотелеграфистом, который вдруг начал писать:

«Луна Главная Альбатросу-4 Марс — Луна точка Идут к вам Порыв из сектора 64 Титан из сектора 67 Баллистический восемь из сектора 44 Кобольд семь ноль два из сектора 94 точка Цементируйте перегородки в скафандрах за щитами при избыточном давлении точка Сообщите аварийный дрейф на данное время точка».

Человек, заменивший молодого телеграфиста, громко произнес: «Альбатрос!», и все склонились над ним. Он писал: «Альбатрос-4 ко всем точка Аварийный дрейф не установлен точка Шпангоуты корпуса плавают точка Теряю воздух точка Экипаж в скафандрах точка Машинное отделение залито теплоносителем точка Щиты пробиты точка Температура в рулевой рубке 63 точка Первая пробоина в рубке зацементирована точка Заливает главный

передатчик точка Теперь буду держать связь только по радиофону точка Ждем вас точка Конец».

Пиркс хотел закурить — почти все курили, и видно было, как дым синими лентами уносится вверх, всасываемый вентиляционными отверстиями. Он искал по всем карманам сигареты и не мог найти. Кто-то — он не видел даже кто — сунул ему в руку открытую пачку. Он закурил. Командор сказал:

— Коллега Минделл, — на мгновение он закусил нижнюю губу, — полный ход.

Минделл сначала, по-видимому, был озадачен, но ничего не сказал.

— Дать предупреждение? — спросил человек, сидящий рядом с командором.

— Да. Я сам.

Он подтянул к себе микрофон и начал говорить:

— Титан Марс — Земля Альбатросу-4. Идем к вам полным ходом. Находимся на границе вашего сектора Будем через час. Пробуйте выйти через аварийный люк. Будем около вас через час. Идем полным ходом. Держитесь. Держитесь. Конец.

Он оттолкнул микрофон и встал. Минделл говорил по внутреннему телефону у противоположной стены:

— Ребята, через пять минут полный ход. Да, да, — отвечал он тому, кто находился у другого конца провода. Командор вышел. Слышен был его голос в другой комнате:

— Внимание! Внимание! Пассажиры! Внимание! Внимание! Пассажиры! Передаем важное сообщение. Через четыре минуты наш ко-

рабль увеличит скорость. Мы получили сигнал SOS и спешим...

Кто-то закрыл дверь. Минделл коснулся плеча Пиркса.

— Держись за что-нибудь. Сейчас будет больше двух.

Пиркс кивнул головой, 2 g для него ровным счетом ничего не значило, но он понимал, что теперь не время хвалиться своей выносливостью. Послушно взявшись за подлокотник кресла, в котором сидел пожилой телеграфист, он читал через его плечо:

«Альбатрос-4 Титану точка В течение часа не продержусь на палубе точка Аварийный люк зажат лопающимися шпангоутами точка Температура в рулевой рубке 81 точка Пар поступает в рубку точка Буду пытаться разрезать носовую броню и выйти Конец».

Минделл выхватил у него из-под руки исписанный бланк и побежал в другую комнату. Когда он открывал двери, пол слегка дрогнул и все почувствовали, что их тела делаются вдруг очень тяжелыми.

Вошел командор, он ступал с видимым усилением. Сел в свое кресло. Кто-то подал ему подвесной микрофон. В руках он держал скомканный листок — последнюю радиограмму «Альбатроса». Командор расправил листок и долго смотрел на него.

— Титан Марс — Земля Альбатросу-4, — произнес он наконец. — Будем около вас через пятьдесят минут. Подойдем курсом восемьдесят четыре запятая пятнадцать. Восемьдесят один запятая два. Покидайте корабль. Мы

найдем вас. Найдем наверняка. Держитесь. Конец.

Человек в расстегнутом кителе, заменивший молодого связиста, вдруг вскочил и посмотрел на командора — тот подошел к нему. Телеграфист снял с головы наушники, отдал их командору, а сам принялся регулировать надсадно хрипящий репродуктор. Вдруг все оцепенели.

В кабине стояли люди, летавшие годами, но такого никто из них еще не слыхивал. Тот, чей голос доносился из репродуктора, смешанный с протяжным шумом, словно отгороженный стеной огня, кричал:

— Альбатрос — всем — теплоноситель — рулевая рубка — температура — невозможно — экипаж до конца — прощайте — проводка...

Голос оборвался, и слышен был только шум.

Репродуктор заскрипел. Было трудно держаться на ногах, однако все стояли, сгорбившись, опираясь о металлические стены.

— Баллистический восемь Луне Главной, — отозвался сильный голос. — Иду к Альбатросу-4. Открывайте мне путь через сектор 67, иду полным ходом, маневрировать при обходах не могу. Прием.

Молчание продолжалось несколько секунд.

— Луна Главная ко всем в секторах 66, 67, 68, 46, 47, 48 и 96. Объявляю секторы закрытыми. Все корабли, которые не идут полным ходом к Альбатросу-4, должны немедленно застопорить, поставить реакторы на холостой ход и зажечь позиционные огни. Внимание,

Порыв! Внимание, Титан Марс — Земля! Внимание, Баллистический восемь! Внимание, Кобольд семь ноль два! К вам обращается Луна Главная! Открываю вам свободную дорогу к Альбатросу-4. Всякое движение в секторах ведущего радиуса пункта SOS приостанавливается. Начинайте торможение в нанопарсеке от пункта SOS. Следите за тем, чтобы погасить тормозные огни в оптическом радиусе Альбатроса, поскольку его экипаж уже мог покинуть палубу. Удачи. Удачи. Конец.

Теперь отозвался «Порыв» — азбукой Морзе. Пиркс вслушивался в писк сигналов.

«Порыв Марс — Луна ко всем идущим на помощь Альбатросу точка Я вошел в сектор Альбатроса через 18 минут буду около него точка У меня перегрет реактор охлаждение повреждено точка После спасательных работ буду нуждаться во врачебной помощи точка Начинаю тормозить полным задним ходом точка Конец».

— Сумасшедший, — проговорил кто-то, и тогда все стоявшие до тех пор, как статуи, начали искать глазами того, кто это сказал. Раздалось короткое, гневное бормотание.

— «Порыв» будет первым, — заметил Минделл и взглянул на командора.

— Он сам будет нуждаться в помощи. Через сорок минут...

Он умолк. Репродуктор все хрипел и хрипел, вдруг сквозь треск послышалось:

— Порыв Марс — Луна ко всем идущим на помощь Альбатросу-4 Нахожусь в оптическом радиусе Альбатроса. Альбатрос дрейфует приблизительно по эллипсу T-348. Корма

раскалена до вишневого цвета. Сигнальные огни отсутствуют. Альбатрос не отвечает на позывные. Останавливаюсь и приступаю к спасательным операциям. Конец.

В другой комнате отозвались зуммеры. Минделл и еще один мужчина вышли. У Пиркса от напряжения одеревенели все мышцы. Боже! Как ему хотелось оказаться там! Минделл возвратился.

— Что там? — спросил командор.

— Пассажиры спрашивают, когда можно будет танцевать, — ответил Минделл. Пиркс даже не расслышал этих слов. Он смотрел в репродуктор.

— Скоро, — спокойно сказал командор. — Включите мне оптическую связь. Мы подходим. Через несколько минут должны их увидеть. Коллега Минделл, дайте второе предупреждение — мы будем тормозить на посадке.

— Есть, — ответил Минделл и вышел.

Репродуктор загудел, и раздался голос:

— Луна Главная Титану Марс — Земля, Кобольду семь ноль два! Внимание! Внимание! Внимание! Баллистический-8 заметил в центре сектора 65 объект светимостью минус четыре. Порыв и Альбатрос не отвечают на позывные. Возможен взрыв реактора на Альбатросе. Для обеспечения безопасности пассажиров Титан Марс — Земля должен застопорить и немедленно отозваться. Баллистический-8 и Кобольд семь ноль два действуют дальше по собственному усмотрению. Повторяю: Титан Марс — Земля должен...

Все смотрели на командора.

— Коллега Минделл, — сказал он. — Застопорим в нанопарсеке?

Минделл смотрел на циферблат своих часов.

— Нет, командор. Мы входим в оптическую зону. Потребовалось бы 6 g.

— Тогда изменим курс.

— Все равно будет по меньшей мере три, — сказал Минделл.

— Ничего не поделаешь.

Командор встал, подошел к микрофону и заговорил:

— Титан Марс — Земля Луне Главной. Не могу застопорить, у меня слишком большая скорость. Меняю курс обходным маневром на половинной мощности двигателей и выхожу курсом двести два из сектора 65 в сектор 66. Прошу открыть мне путь. Прием.

— Примите подтверждение, — обратился он к мужчине, который раньше сидел рядом с ним. Минделл кричал что-то по внутреннему телефону. Неустанно гудели зуммеры. На стенных табло вспыхивали огоньки. Вдруг сделалось будто темнее — это кровь отхлынула от глаз. Пиркс широко расставил ноги. Шло торможение при повороте. «Титан» едва заметно вибрировал, слышалось протяжное, на высокой ноте пение двигателей.

— Садитесь! — крикнул командор. — Мне не нужны здесь герои! Сейчас три!

Все сели на пол, вернее, повалились на него. Он был покрыт толстым слоем пенопласта.

— Н-ну! Теперь там все перебьется! — пробурчал человек, сидящий рядом с Пирксом. Командор услышал это.

— Страхование общество заплатит, — ответил он из своего кресла.

Кажется, было больше 3 g — Пиркс не мог поднять руку к лицу. Пассажиры, наверное, все лежали в каютах, но что делалось в кухнях, в столовых! Он представил себе оранжерею. Ведь этого ни одно дерево не выдержит. А внизу? Целые вагоны битого фарфора! Недурное зрелище!

Репродуктор отозвался:

— Баллистический восемь ко всем. Нахожусь в оптической зоне Альбатроса. Он — в туче. Корма раскалилась. Прекращаю торможение и высылаю в пространство отряды для поисков экипажа Альбатроса. Порыв не отвечает на позывные. Конец.

Ускорение уменьшалось. Кто-то показался в дверях, что-то крикнул. Уже можно было встать. Все двинулись к дверям. Пиркс вышел последним. Это была главная рулевая рубка. Экран размером восемь на шестнадцать метров занимал всю переднюю стену — вогнутый, огромный, словно в кинотеатре для гигантов. Все огни в рубке были погашены. В пространстве, на черном, усыпанном звездами фоне, ниже главной оси «Титана», в левом квадранте, тлела тонкая черточка, оканчивающаяся раскаленным вишневым угольком, похожим на огонек папиросы. Она была ядром бледного, слегка приплюснутого пузыря, от которого во все стороны расходились утончающиеся остроконечные отростки. Сквозь это шаровидное облако все отчетливее пробивался свет наиболее ярких звезд. Вдруг все подались вперед, словно желая войти в экран. Совсем низко, в пра-

вом нижнем углу, сверкнула среди звезд белая точка — и принялась быстро мигать. Это был «Порыв».

«В реакторе Альбатроса началась неуправляемая цепная реакция точка Имею потери в людях точка Есть обожженные точка Прошу врачей точка Передатчик поврежден взрывом точка Течь реактора точка Готов катапультировать реактор запятая если не остановлю течь точка», — расшифровал Пиркс по мигающей точке.

«Альбатроса» уже не было видно. Среди звезд висело тяжелое ятарно-бело-бурое облако дыма, увенчанное взбитой гривой. Оно оседало, передвигаясь в нижний левый угол экрана. «Титан» двигался над ним, выходя новым курсом из сектора катастрофы.

В глубину затемненного помещения упала длинная полоса света из дверей радиорубки. Слышался голос «Баллистического»:

— Баллистический восемь Луне Главной. Застопорил в центральной части сектора 65. Порыв в нанопарсеке подо мной оптически сигнализирует о потерях в людях и о течи реактора, готов катапультировать реактор, запрашивает врачебную помощь, которую ему окажу. Поиски экипажа Альбатроса затруднены заражением вакуума радиоактивной тучей с температурой на поверхности свыше 1200 градусов. Нахожусь в оптической зоне Титана Марс — Земля, который движется около меня полным ходом, выходя в сектор 66. Ожидаю прибытия Кобольда семь ноль два для проведения совместных спасательных действий. Конец.

— Все по местам! — раздался громкий возглас. Одновременно вспыхнули сигнальные огни в рулевой рубке. Началось движение, люди разошлись вдоль стен в трех направлениях, Минделл отдавал приказание, стоя у распределительного пульта; одновременно гудело несколько зуммеров. Наконец зал опустел, и, кроме командора, Минделла и Пиркса, остался лишь молодой телеграфист, который стоял в углу перед экраном и глядел на постепенно рассеивающееся, все больше расплывающееся и меркнувшее облако дыма.

— А, это вы, — сказал командор «Титана», словно только сейчас увидел Пиркса, и подал ему руку, — «Кобольд» отзывается? — спросил он человека, появившегося в дверях радиорубки.

— Да, командор, идет обратным.

— Хорошо.

Они постояли минуту, глядя на экран. Последний клоч грязно-серой тучи исчез. Экран вновь заполнился чистой, искрящейся звездами темнотой.

— Кто-нибудь спасся? — спросил Пиркс, точно командор «Титана» мог знать больше его самого. Но тот был командором, а командор должен знать все.

— Вероятно, у них заело дроссели, — ответил командор. Он был на голову ниже Пиркса. Волосы как из олова — то ли поседел, то ли всегда были такие.

— Минделл, — бросил командор проходящему инженеру, — будьте любезны, дайте отбой. Пускай танцуют. Вы знали «Альбатрос»? — спросил он, обращаясь к Пирксу.

— Нет.

— Западная компания. Двадцать три тысячи тонн. Что там?

Радиотелеграфист приблизился и подал ему исписанный бланк. Пиркс прочел первые слова: «Баллистический...» — и отступил на шаг. Однако теперь он мешал людям, которые ежеминутно проходили через рулевую рубку, и поэтому стал у самой стены в углу. Прибежал Минделл.

— Как «Порыв»? — спросил у него Пиркс. Минделл вытирал платком вспотевший лоб. Пирксу казалось, что они знакомы целую вечность.

— Не так уж скверно, — засопел Минделл. — Система охлаждения реактора от сотрясения при взрыве вышла из строя — эта дрянь всегда отказывает в первую очередь. Имеются ожоги первой и второй степени. Врачи уже там.

— С «Баллистического»?

— Да.

— Командор! Луна Главная! — позвал кто-то из радиорубки, и командор вышел. Пиркс стоял против Минделла, который машинально прикоснулся к своей опухшей щеке и спрятал платок в карман.

Пирксу хотелось расспросить его подробнее, но Минделл ничего не сказал, только кивнул ему и пошел в радиорубку. Репродуктор говорил десятью голосами, корабли с пяти секторов допытывались об «Альбатросе», о «Порыве». Луна Главная потребовала наконец, чтобы все замолчали, и пыталась восстановить график движения ракет, который был нару-

шен в районе сектора 65. Командор сидел рядом с телеграфистом и что-то писал. Вдруг телеграфист снял наушники и отложил их, будто они стали ему не нужны. По крайней мере так показалось Пирксу. Он подошел к нему сзади. Хотел спросить, что с людьми «Альбатроса» — удалось ли им выбраться. Телеграфист почувствовал его присутствие, поднял голову и глянул ему в лицо. Пиркс уже ни о чем не спросил его. Он вышел из зала, отворив дверь с надписью: «Вход только для звездного персонала».

ТЕРМИНУС

1

От остановки до ракетодрома путь был неблизкий — особенно для того, кто тащит чемодан. Над призрачно белеющими полями стояла предрассветная мгла, по шоссе, посвистывая шинами, проносились грузовики, они словно гнали перед собой серебристые клубы тумана; на поворотах их стоп-сигналы вспыхивали красным светом. Перекладывая чемодан из руки в руку, Пиркс посмотрел вверх. Туман, должно быть, оседал — просвечивали звезды. Пиркс невольно поискал глазами курсовую для Марса. Серая мгла вдруг заколебалась. Неправдоподобно зеленый огонь насквозь пронизал темноту. Пиркс машинально открыл рот: уже приближался гром, а за ним — горячий вихрь. Земля задрожала. В одно мгновение над равниной взошло зеленое солнце. Снег до самого горизонта засверкал ядовитым блеском, тени от придорожных столбов побежали вперед, а все, что не было ярко-зеленым, стало черным, словно обуглилось. Растирая позеленевшие ладони, Пиркс видел, как один из призрачно освещенных стрельчатых минаретов — казалось, по странному капризу зодчего сгруппировались они здесь, в центре окаймленной хол-

мами котловины, — отрывается от земли и, стоя на огненном столбе, начинает величественно подниматься. А когда грохот стал материальной силой, заполняющей все вокруг, Пиркс, закрыв лицо ладонями, увидел сквозь пальцы далекие башни, строения, цистерны, окруженные алмазным ореолом. Окна административного здания пылали, словно за ними бушевал пожар, все очертания начали колебаться и изгибаться в раскаленном воздухе, а виновница всего этого с торжествующим ревом уже исчезала в высоте, оставляя внизу огромный черный круг дымящейся земли. Спустя минуту с усеянного звездами неба хлынул теплый, крупный дождь конденсации.

Пиркс поднял свою ношу и пошел дальше. Взлет ракеты будто сломил ночь: с каждой минутой становилось светлее, и уже было видно, как оседает во рвах тающий снег, а вся равнина выплывает из облаков тумана.

За сетчатым забором, сверкающим от влаги, тянулась защитная стенка для людей из ракетодромного обслуживания, со скатами, покрытыми дерном. Мертвая, набухшая влагой прошлогодняя трава скользила под ногами, но Пиркс слишком спешил и не стал искать ближайший переход. Он с разгона взбежал наверх и увидел ее издалека.

Она стояла особняком, громадная, как башня, выше других ракет. Таких не строят уже давно. Он обходил разлившиеся на бетоне мелкие лужицы; дальше их почти уже не было: вода мгновенно испарилась от теплового удара, четырехугольные плиты сухо и резко, как летом, звенели под каблуками. Чем ближе

он подходил, тем выше приходилось задира́ть голову. Броня выглядела так, словно ее попеременно то покрывали клеем, то обмазывали глиной и обертывали каким-то тряпьем. Раньше к вольфраму пробовали добавлять волокна асбестового карбида. Когда такой корабль два-три раза обгорал при торможении в атмосфере, он оказывался весь в лохмотьях, словно с него кожу сдирали. Не стоило их срывать, сейчас же появлялись новые — ведь сопротивление при старте было колоссальное. А устойчивость, управляемость — хоть сразу в Космический Трибунал: сущее преступление.

Он шел не спеша, хотя чемодан уже порядком оттянул ему руки: хотел как следует осмотреть корабль снаружи. Ажурная конструкция трапа вырисовывалась на фоне неба — совсем как лестница Иакова. Обшивка ракеты была серая, как камень; впрочем, все было еще серым: раскиданные по бетону пустые ящики, баллоны, обломки проржавевшего железа, бухты металлических шлангов. Беспорядочно разбросанные, они свидетельствовали о спешке, с которой производилась погрузка. Не доходя шагов двадцати до трапа, Пиркс поставил чемодан и огляделся. Похоже, что груз уже на месте; огромная, на гусеничном ходу погрузочная платформа была отодвинута, и ее крюки висели в воздухе метрах в двух от корпуса. Он обошел стальную лапу, которой черневший на фоне утреннего неба корабль упирался в бетон, и оказался возле кормы. Бетон осел под колоссальным грузом лапы, и от нее во все стороны разбежались стрелы трещин.

«Заплатят и за это», — подумал Пиркс о владельцах корабля, вступая в тень, отбрасываемую кормой.

Запрокинув голову, он остановился под воронкой первой дюзы. Закраину ее, зиявшую слишком высоко, чтобы можно было до нее дотянуться, покрывали толстые наслоения копоти. Пиркс потянул носом воздух. Хотя двигатели молчали уже давно, он все же различил резкий, характерный запах ионизации.

— Иди-ка сюда, — проговорил кто-то у него за спиной.

Он обернулся, но никого не увидел, только снова услышал тот же голос — будто всего в трех шагах.

— Эй! Тут есть кто-нибудь?! — крикнул Пиркс.

Его голос глухо прозвучал под черным, ощерившимся десятками отверстий куполом кормы. Ему ответила тишина. Он перешел на другую сторону и увидел копошащихся вдали, метрах в трехстах, людей. Стоя в ряд, они тянули по земле тяжелый шланг для подачи топлива. Больше не было никого. Он с минуту еще прислушивался, наконец снова, на этот раз сверху, долетело до него неясное бормотание. Видимо, это был эффект воронкообразных отверстий: они действовали как рефлекторы, концентрируя звуки. Он вернулся за чемоданом и направился к трапу.

Занятый своими мыслями, — что это были за мысли, он не смог бы ответить, — Пиркс и не заметил, как прошагал всю шестиэтажную лестницу. Наверху, на платформе, окруженной алюминиевыми поручнями, он даже не

обернулся, чтобы взглядом проститься с Землей. Это просто не пришло ему в голову. Прежде чем толкнуть дверь люка, он провел пальцем по броне. Настоящая терка! Поверхность напоминала изъеденный кислотами камень.

— Ну, что поделаешь... ты сам того хотел, — пробормотал он.

Дверца люка подавалась с трудом, словно была камнями завалена. Барокамера выглядела, как внутренность бочки. Он провел пальцами по трубам, растер сухую пыль. Ржавчина.

Протискиваясь через внутренний люк, Пиркс успел заметить, что уплотняющая прокладка подремонтирована. Вверх и вниз шли вертикальные колодцы коридоров, освещенные ночными лампами, свет их в перспективе сливался в голубую полосу. Где-то шумели вентиляторы, гнусаво чмокал невидимый насос. Пиркс выпрямился. Всю эту окружающую его громаду с броней и палубами он ощутил как продолжение собственного тела. 19 000 тонн, черт побери!

По дороге в рубку Пиркс никого не встретил. Коридор заполняла такая абсолютная тишина, точно корабль был уже в космическом пространстве. Пневматическая простилка стен была в пятнах: изношенные тросы, служившие опорой при невесомости, свисали вниз. Десятки раз перерезанные и сращенные соединения трубопроводов походили на обгоревшие картофелины, вынутые из затухающего костра.

По пандусам он дошел до шестиугольного помещения с овальными металлическими дверями в каждой стене. Медные ручки вместо пневматиков были обмотаны веревками.

Окошки нумераторов таращились стеклянными бельмами. Пиркс нажал кнопку информатора. Щелкнуло реле, в металлической коробке что-то зашелестело, но экран остался темным.

«Ну, что теперь? — подумал Пиркс. — Бежать жаловаться?»

Он открыл дверь. Рубка походила на тронный зал. В стеклах мертвых экранов, словно в зеркалах, Пиркс увидел себя: в шляпе, которая от дождя совсем потеряла форму, с чемоданом, в осеннем пальто, он казался случайно забредшим сюда горожанином. На возвышении стояли вызывающие уважение своими размерами кресла пилотов, раскидистые, с широкими сиденьями в форме глубокой отливки для человеческого тела, — в них погружаешься по грудь. Он поставил чемодан на пол и подошел к первому. Его заполняла тень — словно призрак последнего штурмана. Пиркс ударил ладонью по спинке — поднялась пыль, в носу засвербило, он начал яростно чихать и вдруг рассмеялся. Пенопластовая прокладка поручней истлела от старости. Вычислители — таких Пиркс еще не видывал. Их создатель, наверно, заглядывался на церковные органы. Циферблатов на пульте было полным-полно: нужна была сотня глаз, чтобы наблюдать за всеми сразу. Он медленно повернулся. Переводя взгляд со стены на стену, он видел переплетение чиненых кабелей, проржавевшие изоляционные плиты, железные штурвалы для ручного задраивания герметических переборок, отполированные прикосновениями рук, поблекшую краску на приборах противопо-

жарной защиты. Все было такое запыленное, такое старое...

Пиркс пнул амортизаторы кресла. Из гидравликов сразу потекло.

«Другие летали — ну, и я смогу», — подумал он, вернулся в коридор и через противоположную дверь попал в бортовой проход.

Рядом с дверью подъемника Пиркс заметил на стене более темный бугорок. Приложил ладонь — нет, он не ошибся. Пломба после пробоя. Поискал рядом другие следы, но, по видимому, здесь заменили целую секцию — потолок и стены были гладкими. Он снова взглянул на пломбу. Цемент застыл комками. Ему почудилось, что он различает неясные отпечатки ладоней, работавших в страшной спешке. Пиркс вошел в подъемник и съехал вниз, к реактору. В окошечке неторопливо проползали светящиеся цифры: пять... шесть... семь... Счет палуб шел сверху.

Внизу было холодно. Коридор изгибался дугой, разветвлялся; в конце продолговатого низкого тамбура Пиркс уже видел двери камеры реактора. Тут было еще холоднее; пар от дыхания белел в свете запыленных ламп. Пиркс встряхнул головой. Холодильники? Они, наверно, где-то здесь. Он прислушался. Плиты обшивки дрожали, слегка позвякивая. Он прошел под низко нависшими сводами, глухо вторившими его шагам; ему все время казалось, что он где-то глубоко, в подземелье. Рукоятка герметических дверей никак не хотела поддаваться. Он нажал сильнее — рукоятка не дрогнула. Пиркс хотел уж стать на нее ногой, но

разобрался в механизме замка: сначала надо было вытащить предохранительный шплинт.

За этими дверями были следующие, двустворчатые, на вертикальной оси, толстые, как в сокровищнице. Лак на стали потрескался. На уровне глаз можно было различить остатки красных букв:

ОП...СНО...ТЬ.

Пиркс оказался в тесном, почти совершенно темном проходе. Когда он ступил ногой на порог, что-то шелкнуло, прямо в лицо ему ударил белый свет, и тотчас вспыхнуло табло с черепом над скрещенными костями.

«Ну и боялись они тогда», — подумал Пиркс.

Металлические ступени глухо загудели, когда он сходил в камеру. Он оказался будто на дне высохшего рва: прямо перед ним высилась выпуклая, как стена крепости, в два этажа вышиной серая защитная стена реактора, рябившая от небольших зеленовато-желтых бугорков. Это были пломбы на местах прежних утечек. Пиркс попытался их пересчитать, но, когда взобрался на помост и увидел всю стену сверху донизу, отказался от своей затеи: в некоторых местах из-под пломб уже не было видно бетона.

Помост, поддерживаемый железными столбиками, был отделен от остальной части камеры стеклянными стенами, будто на него насадили стеклянный ящик. Пиркс догадался, что это свинцовое стекло, долженствующее предохранять от жесткого излучения; но все равно этот памятник атомной архитектуры показался Пирксу бессмыслицей.

Под чем-то вроде небольшого козырька торчали лучеобразно растопыренные счетчики Гейгера, нацеленные в днище котла. В особой нише Пиркс обнаружил циферблаты — все мертвые, кроме одного. Реактор был на холостом ходу.

Пиркс спустился вниз и, став на колени, заглянул в контрольный колодец. Зеркала перископа почернели от старости. Многовато радиоактивного шлака, ну, да Марс — не Юпитер, можно обернуться за десять дней. Похоже, что топлива хватит на несколько таких рейсов. Он привел в действие кадмиевые бленды. Стрелка дрогнула и нехотя передвинулась в другой конец шкалы. Проверил опоздание — сойдет! Лишь бы контролер космического надзора смотрел сквозь пальцы.

В углу что-то шевельнулось. Два зеленых огонька. Пиркс уставился на них и вздрогнул: они медленно двигались. Пиркс подошел ближе. Это был кот. Черный, худой. Он тихо мяукнул и прижался к ноге Пиркса. Пиркс улыбнулся и огляделся. Высоко на железной полке увидел ряд клеток. В них медленно колошилось что-то белое. Время от времени между проволочными прутьями поблескивали черные бусинки глаз. Белые мыши. Их еще возили иногда на старых кораблях, как живые индикаторы радиоактивной утечки. Пиркс наклонился, хотел погладить кота, но тот ускользнул у него из-под руки, повернулся к самой темной, суженной части камеры, тихо мяукнул, выгнул спину и, напружинив лапы, подобрался к бетонному скату, за которым чернело нечто вроде прямоугольного прохода. Кончик напря-

женно поднятого хвоста задрожал, кот пополз дальше, он уже был еле виден в полумраке. Пиркс, заинтересованный, заглянул туда, пригнув голову. В покатой стене виднелись полуоткрытые квадратные дверцы, за ними что-то слабо поблескивало. Пирксу показалось сначала, что это бухта металлического троса. Кот настороженно всматривался в это светлое пятнышко, напрягшийся хвост его слегка подрагивал.

— Ну, что еще? Нет там ничего,— пробурчал Пиркс и, присев на корточки, заглянул в темноту. Там кто-то сидел. Матовые блики лежали на скорчившейся фигуре. Кот, тихонько мяукая, направился к дверцам. Глаза Пиркса привыкали к темноте: он все отчетливее различал острые, поблескивающие, высоко поднятые колени, тускло блестящие металлические наколенники и охватившие их сегментированные металлические руки. Только голова крылась в тени.

Кот мяукнул.

Одна рука со скрипом шевельнулась, высунулась наружу и, коснувшись концами железных пальцев пола, образовала наклонный помост, по которому кот молниеносно шмыгнул вверх и устроился на плече сидящего.

— Эй, ты,— сказал Пиркс, обращаясь то ли к коту, то ли к этому созданию, которое медленно, будто преодолевая огромное сопротивление, начало убирать руку. Слова Пиркса парализовали это движение. Железные пальцы стукнулись о бетон.

— Кто там это? — слышался искажен-

ный, словно исходящий из железной трубы, голос.— Терминус говорит — кто?

— Что ты тут делаешь? — спросил Пиркс.

— Терминус... тут... я... холодно... плохо... вижу...— скрежетал голос.

— Ты наблюдаешь за реактором? — спросил Пиркс. Он уже терял надежду узнать что-нибудь от автомата, обветшавшего, как и весь корабль, но зеленые кошачьи глаза как-то мешали ему оборвать на половине фразы.

— Терминус... реактором,— забубнило в бетонном убежище.— Я... реактором... реактором,— повторял автомат, словно с глуповатым удовлетворением.

— Встань! — крикнул Пиркс, ибо ничего другого не пришло ему в голову.

Внутри заскрежетало. Пиркс отступил на шаг, видя, как из тьмы выдвигаются две железные перчатки с растопыренными пальцами, выворачиваются наружу, как они хватаются за края ниши и начинают вытягивать туловище, в котором что-то протяжно затрещало. Металлическое туловище согнулось, автомат вылез наружу и начал распрямляться, скрежеща и скрипя всеми суставами. На запыленных сочленениях пластин панциря выступили капли масла. Похожий больше на рыцаря в латах, чем на автомат, робот медленно раскачивался из стороны в сторону.

— Здесь твое место? — спросил Пиркс.

Стеклянные глаза автомата, медленно оглядывая все вокруг, разошлись в разные стороны, и это косоглазие придало его плоскому металлическому лицу выражение совершенной тупости.

— Пломбы... приготовлены... два... шесть... восемь... фунтов... плохо... видно... холодно...

Голос исходил не из головы, а из широкой грудной клетки автомата.

Кот, свернувшийся в клубок, смотрел на Пиркса с высоты железного плеча.

— Пломбы... готовы,— скрипел Терминус, а руки его непрерывно двигались, и эти движения были элементами хорошо знакомой Пирксу операции: расставленными лопаткой ладонями Терминус захватывал что-то из воздуха и бросал куда-то вперед. Так, переменными движениями, пломбируют радиоактивную течь. Оксидированное туловище закачалось сильнее, черный кот царапнул когтями по железу, но не удержался и с сердитым фырканием черной полосой ринулся вниз, скользя по ноге Пиркса. Автомат словно и не заметил этого. Он умолк, только руки его все еще судорожно подергивались остаточными, гаснущими движениями, которые казались затухающим, немеющим эхом его слов. Наконец он замер.

Пиркс взглянул на стену реактора, всю в подтеках, покрытую темными пятнами цементных пластырей, окаменевшую от старости, и повернулся к Терминусу. Он был, вероятно, очень стар,— кто знает, может, даже старше корабля. Правое плечо, видимо, было смещено, на бедрах и голених виднелись явные следы сварки, около железных швов металл, раскаленный, а потом остывший на воздухе, стал почти темно-синим.

— Терминус! — крикнул Пиркс роботу

совсем так, будто обращался к глухому.— Иди на свое место!

— Слушаю. Терминус.

Автомат попятился, как рак к открытому убежищу, и, скрежеща, стал протискиваться внутрь. Пиркс оглянулся, ища кота, но его нигде не было. Он вернулся наверх, задраил герметические двери и поднялся лифтом на четвертую палубу, в навигаторскую кабину.

Широкая и низкая, с почерневшими дубовыми панелями и балочным потолком, она напоминала корабельную каюту. Здесь были корабельные иллюминаторы в медных кольцеобразных рамах. Сквозь стекла проникал дневной свет. Такая уж была мода лет сорок назад, даже пластиковые покрытия стен имитировали деревянные панели. Пиркс открыл иллюминатор и чуть не стукнулся головой о глухую стену. Иллюзию дневного освещения создавали скрытые лампы. Он захлопнул окно и отвернулся. Со столов свисали карты неба, бледно-голубые, как моря на географическом атласе; по углам валялись рулоны использованной кальки, испещренные курсовыми кривыми; чертежная доска под точечным рефлектором вся была исклевана уколами циркулей. В углу стоял письменный стол, перед ним — дубовое кресло, укрепленное на шаровом шарнире, дающем возможность устанавливать его в любой плоскости. Сбоку тянулись вделанные в панель рассохшиеся библиотечные шкафы.

Настоящий Ноев ковчег.

Не потому ли агент уже после того, как договор был подписан, сказал: «Вам достался исторический корабль».

Старый — это еще не исторический!

Пиркс принялся один за другим выдвигать ящики стола и наконец нашел судовой журнал — большой, в залоснившемся кожаном переплете со стершимся тиснением и потускневшими металлическими застешками. Пиркс все еще стоял, словно не решался занять это огромное просиженное кресло. Он открыл журнал. На первой странице стояла дата пробного рейса и фотограмма технического акта верфи. Пиркс заморгал: тогда его еще не было на свете. Он поискал последнюю запись — сейчас она была самой важной. Все совпадало с тем, что Пиркс услышал от агента: корабль вот уже неделю загружался машинами и всякой мелочью для Марса. Старт, намеченный на 28-е, отложен, три дня идут начисления за простой. Вот почему они так спешили! Ведь начисления за простой в земном порту могут разорить и миллионера.

Он медленно перелистывал страницы, не читая поблекших записей, замечал только отдельные стереотипные обороты речи, курсовые данные, результаты вычислений — не задерживался ни на чем, будто искал в журнале что-то другое. Из потока страниц вынырнула одна запись — сверху:

«Корабль отправлен на верфи Амперс-Харт для ремонта I категории».

Дата была трехлетней давности.

Ну, и что же они там улучшили? Он не отличался чрезмерным любопытством, но все же проглядел опись работ, удивляясь все больше и больше: сменили носовую броню, шест-

надцать палубных секций, шпангоуты крепления реактора, герметические переборки.

Новые переборки и шпангоуты?

Правда, агент что-то говорил о какой-то давней аварии. Но это не была обычная авария — скорее катастрофа.

Пиркс начал листать страницы в обратном порядке, — может, удастся узнать что-нибудь из записей, сделанных перед ремонтом. Прежде всего нашел порт назначения — Марс. Груз — мелкие товары. Экипаж: первый офицер — инженер Пратт, второй — Вайн, пилоты — Поттер и Нолан, механик — Симон.

А командир?

Еще страница — и Пиркс вздрогнул. Дата приемки корабля — девятнадцать лет назад. И подпись: первый навигатор — Момссен.

Момссен!

Пиркса бросило в жар.

Как это Момссен? Ведь не *тот* же это Момссен? Ведь... ведь там... то был другой корабль!

Но дата совпадала: с тех пор прошло девятнадцать лет.

Минутку. Только не спешить. Не спешить.

Он снова взялся за бортовой журнал. Размашистый, четкий почерк. Выцветшие чернила. Первый день полета. Второй, третий. Умеренная течь реактора: 0,4 рентгена в час. Наложили plombу. Вычисления курса. Ориентация по звездам.

Дальше, дальше!

Пиркс не читал — глаза его стремительно бегали по строчкам.

Есть!

Дата, которую он заучивал в школе еще мальчишкой, и под ней:

«В 16.40 по корабельному времени принято метеоритное предостережение Деймоса об идущем с юпитеровой пертурбации Леонид облаке, движущемся встречным курсом со скоростью 40 километров в секунду через наш сектор. Прием метеоритного предостережения подтвержден. Объявлена тревога. При постоянной течи реактора 0,42 рентгена в час начат обходной маневр полной тягой с выходом приближенно на Дельту Ориона».

Ниже, с новой строки:

«В 16. 51 по корабельному времени на...»

Больше на странице ничего не было. Ничего — никаких знаков, каракулей, пятен, ничего, кроме ненужно удлинненной вниз, не закругляющейся по правилам каллиграфии вертикальной линии последней буквы «а». В ее чуть колеблющемся продолжении длиной несколько миллиметров, которым обрывалась очередная запись, сползая со строки на белую равнину листа, было все: грохот попаданий, воющая утечка воздуха, крик людей, у которых лопались глазные яблоки и горло...

Но ведь тот корабль назывался иначе. Иначе! Как?

Это было похоже на сон: Пиркс никак не мог вспомнить этого названия, столь же известного, как название корабля Колумба!

Господи, как же назывался этот корабль — последний корабль Момссена?!

Он бросился в библиотеку. Толстый том справочника Ллойда сам попался под руку. Название, кажется, начиналось на «К». «Кос-

монавт»? Нет. «Кондор»? Нет. Что-то более длинное, какая-то драма, герой или рыцарь...

Он бросил том на письменный стол и, прищурившись, начал внимательно осматривать стены. Между библиотекой и шкафом с картами висели на панели приборы: гигрометр, индикатор излучения, прибор для определения количества углекислого газа...

Он по очереди перевернул их. Никаких надписей. Впрочем, они были вроде новые.

Там, в углу!

Привинченное к дубовой плите, светилось табло радиографа. Таких уже не делают: смешные, отлитые из латуни украшения окружали диск... Пиркс быстро вывинтил шурупы, осторожно вытащил их кончиками пальцев, дернул рамку — она оказалась у него в руке — и перевернул металлическую коробочку. Сзади, на золотистой латуни, было выгравировано лишь одно слово: «КОРИОЛАН».

Это был тот самый корабль.

Он оглядел кабину. Значит, здесь, в этом кресле, сидел тогда, в тот последний миг, Момсен?

Пиркс открыл справочник Ллойда на букве «К». «Корсар»... «Кориолан»... Корабль Компании... 19 тысяч тонн массы покоя... выпущен с верфи... реактор ураново-водяной, система охлаждения... тяга... выведен на линию Земля — Марс. Потерян после столкновения с потоком Леонид. Спустя шестнадцать лет най-

ден патрульным кораблем в афелии орбиты... После ремонта первой категории, проведенного в Амперс-Харт, выведен Южной компанией на линию Земля—Марс... Груз—мелкие товары... страховой тариф...» Нет, не то... Есть!

«...под названием «Голубая звезда».

Пиркс закрыл глаза. Как тут тихо. Изменили название. Наверно, чтобы избежать трудностей с вербовкой команды. Так вот почему агент...

Он стал припоминать, что об этом говорили на Базе. Это их патрульный корабль отыскал остров «Кориолана». Метеоритные предупреждения в те времена всегда приходили слишком поздно. Опубликованный комиссией протокол был лаконичен: «Несчастный случай. Ничьей вины нет». А экипаж? Было доказано, что не все погибли сразу; среди уцелевших был сам командир, и он сделал все, чтобы люди, отрезанные друг от друга секциями смятых палуб, понимавшие, что надежды на спасение нет, не пали духом и держались до последнего баллона кислорода — до конца. Было там еще что-то, какая-то жуткая подробность, о которой несколько недель твердила пресса, пока новая сенсация не заставила обо всем забыть,— что это было?

Вдруг он увидел огромный лекционный зал, доску, исчерченную формулами, у которой, весь измазанный мелом, терзался Смига, а он, Пиркс, склонив голову над выдвинутым ящиком стола, украдкой читал распластанную на дне газету. «Кто может пережить смерть? Только мертвый». Ну да! Это было так! Одни лишь уцелел в этой катастрофе, потому что не

нуждался ни в кислороде, ни в пище и пролежал, придавленный обломками, шестнадцать лет,— автомат!

Пиркс встал. Терминус! Наверняка, наверняка Терминус! Он тут, на корабле. Стоит только захотеть, решиться...

Чепуха! Это механический идиот, машина для пломбирования течи, глухая и слепая от старости. Только пресса в своем вечном стремлении выжать максимум сенсации из любого происшествия своими кричащими заголовками превратила его в таинственного свидетеля трагедии, которого комиссия якобы слушала при закрытых дверях. Он припомнил тупой скрежет автомата. Чепуха, явная чепуха!

Пиркс захлопнул судовой журнал, бросил его в ящик и взглянул на часы. Восемь. Надо торопиться. Он отыскал документацию груза. Трюмы были уже задраены, портовый и санитарный контроль произведены, таможенные акты завизированы, все готово. Он просмотрел товарный сертификат и удивился, что нет полной спецификации. Машины — ладно, но какие машины? Какая тара? Почему нет диаграммы загрузки с вычисленным центром тяжести? Ничего, кроме общего веса и схематического эскиза размещения в трюмах. В кормовом отсеке было всего 300 тонн груза — почему? Может, корабль шел на уменьшенной тяге? И о таких вещах он узнает случайно, чуть ли не в последний момент?! Пиркс все торопливее рылся в папках, в сегрегаторах, разбрасывал бумаги, все не мог найти ту, которую искал, и история Момссена постепен-

но улетучивалась из памяти, так что, случайно взглянув на вынутый из оправы радиограф, он даже вздрогнул от удивления. Но вот ему попался какой-то список, из которого он узнал, что в последнем трюме, прилегающем дном к защитной плите реактора, уложено сорок восемь ящиков продовольствия. И опять в спецификации он нашел лишь общее определение: «скоропортящиеся продукты питания». Почему же тогда их поместили там, где вентиляция хуже всего, а температура во время работы двигателей наиболее высокая? Нарочно, чтобы испортились, — так, что ли?

Послышался стук.

— Войдите! — бросил он, пытаясь наугад рассовать в папки разбросанные по всему столу бумаги.

Вошли двое. С порога отрапортовали:

— Боман, инженер-атомник.

— Симс, инженер-электрик.

Пиркс встал. Симс — молодой, щуплый человечек с бегающими глазами на белищем лице — то и дело покашливал. В Бомане Пиркс с первого взгляда признал ветерана. Его лицо покрывал загар с характерным оранжевым оттенком, какой придает коже длительное воздействие небольших, наслаивающихся доз космического облучения. Он едва доходил Пирксу до плеча: во времена, когда Боман начинал летать, еще учитывался каждый килограмм веса на борту. Он был худой, но лицо будто распухло, вокруг глаз темнели мешки отеков, как у всех, кто уже не первый год подвергается многократным перегрузкам. Нижняя губа не закрывала зубов.

«Вот и я когда-нибудь буду так выглядеть», — подумал Пиркс, идя к ним навстречу и протягивая руку.

2

Ад начался в девять. На ракетодроме было нормальное движение: очередь на старте, каждые шесть минут бормотание мегафонов, сигнальные ракеты; потом гул, рев, грохот двигателей на пробе полной тяги. После каждого старта каскадами опадала высоко взбитая пыль. Она еще не успевала осесть, а с командной вышки сообщали, что открыт путь следующему, — все спешили, стараясь урвать хотя бы несколько минут, как это обычно бывает в грузовом порту в часы пик: почти все корабли шли на Марс, отчаянно требовавший машин и зелени; люди там месяцами не видели овощей, гидропонические солярии еще только строились.

К очередным ракетам тем временем тянулись краны, бетономешалки, элементы конструкций, кипы стекловаты, цистерны с цементом, нефтью, тюки с лекарствами. По сигналу люди укрывались кто где мог — в противолучевых рвах, в бронированных тягачах — и, не успевал еще бетон как следует остыть, возвращались к работе. В десять, когда солнце, все в дыму, красное, словно опухшее, поднялось над горизонтом, защитные бетонные стенки между стартовыми площадками уже были изрыты, закопчены, разъедены огнем. Глубокие трещины наспех заделывали быстро схватывающимся цементом, который грязными фонтанами бил

из шлангов; тем временем антирадиационные команды в большеголовых скафандрах выскакивали из транспортеров, чтобы струями сжатого песка счищать радиационные загрязнения; повсюду под рев сирен металась разрисованные красно-черными шашечками вездеходы контроля. На башне командного пункта кто-то драл глотку в мегафон, на вершинах острых шпилей крутились огромные бумеранги радаров, — одним словом, все было так, как должно быть.

Пиркс разрывался на части. Надо было еще принять на палубу доставленное в последний момент свежее мясо, загрузить питьевую воду, проверить температуру холодильников (минимальная составляла минус пять, контролер космического надзора покачивал головой, но в конце концов смилостивился и подписал); компрессоры, только что вышедшие из капитального ремонта, при первой же пробе потекли. Голос Пиркса постепенно уподоблялся иерихонской трубе. Вдруг выяснилось, что вода размещена плохо: какой-то кретин закрыл вентили, прежде чем заполнились нижние баки. Пиркс подписывал бумаги — ему подсовывали по пять штук сразу, — не зная, что он подписывает.

На часах было одиннадцать, до старта час, — и тут новости!

Командный пункт не разрешит взлета, потому что старая система дюз дает слишком опасные радиоактивные осадки; у корабля должен быть вспомогательный бороводородный привод, как у «Гиганта» — той грузовой ракеты, которая стартовала в шесть. Пиркс,

уже охрипший от крика, вдруг успокоился. Диспетчер отдает себе отчет в том, что он говорит? Он что, только сейчас заметил «Голубую звезду»? Тут могут быть большие, очень большие неприятности. О чем идет речь? Дополнительная защита? Из чего? Мешки с песком? Сколько? Пустячок — три тысячи штук! Пожалуйста! Он все равно стартует в назначенное время. Компания будет оштрафована? Пожалуйста, штрафуйте!

Пиркс потел. Все будто сговорились еще усиливать царящий хаос: электрик ругал механика, который не проверил аварийную систему; второй пилот выбежал куда-то на пять минут, и нет его на корабле — прощается с невестой; фельдшер вообще куда-то исчез; сорок бронированных мамонтов въехали под корабль, окружили его, и люди в черных комбинезонах бегом таскают мешки с песком, семафор на командной вышке подгоняет их дикими выкрутасами; пришла какая-то радиограмма, вместо пилота ее принял электрик, забыл записать в радиожурнал, да это и не его дело. У Пиркса уже голова кружилась, он только притворялся, будто знает, что делается. За двадцать минут до старта Пиркс принял драматическое решение: приказал перекачать всю воду из носовых резервуаров на корму. Будь что будет, самое худшее — вода закипит; зато устойчивость лучше.

В одиннадцать сорок проверка двигателей. Теперь отступать уже некуда. Оказалось, что есть стоящие люди, особенно ему пришлось по вкусу инженер Боман, его не было ни видно, ни слышно, а все шло как часы: продувка дюз,

малая тяга, полная. За шесть минут перед стартом, когда командная вышка выкинула сигнал «К старту», они были готовы. Все уже лежали в креслах, когда объявился фельдшер. Второй пилот, мулат, возвратился от невесты в унылом настроении. Динамик ревел, хрипел, бормотал; наконец стрелка автомата стала на нуле — путь открыт. Старт!

Пиркс, разумеется, знал, что 19 тысяч тонн — это не патрульная скорлупка, где как раз хватает места, чтобы широко улыбнуться, корабль не блоха, сам не подскочит, надо давать тягу, — но ничего подобного он не ожидал. На циферблате уже половина мощности, весь корпус дрожит, словно собирается разлететься на куски, а индикатор нагрузки показывает, что они еще не оторвались от бетона. У Пиркса уже мелькнула мысль, что «Звезда», может, зацепилась за что-то, — говорят, такие вещи случаются раз в сто лет, — но в этот момент стрелка сдвинулась. Огненный столб поднял «Звезду», она дрожала, стрелка гравиметра как сумасшедшая плясала по шкале. Пиркс, вздохнув, опустил на подушки, расслабил мускулы. Теперь он, даже если б и захотел, ничего бы сделать не смог. Ракета шла вверх. Тут же они получили по радио предупреждение за старт на полной мощности — это увеличивает радиоактивное заражение. Компания будет дополнительно оштрафована. Компания? Очень хорошо, пусть платит, черт ее побери! Пиркс только поморщился, он даже и не пытался спорить с командным пунктом, доказывать ему, что стартовал он на половинной тяге. Что ж ему теперь — садиться обратно, вызывать ко-

миссию и требовать протокольного распечатывания записи в уранографах?

Впрочем, сейчас Пиркса занимало совсем другое — пробивание атмосферы. В жизни он еще не сидел на корабле, который бы так трялся. Так, наверно, могли бы чувствовать себя люди в головке средневекового тарана, пробивающего стену. Все кругом прямо прыгало, их так мотало в ремнях, что душа вон, гравиметр никак не мог решиться: показывал то 3,8, то 4,9, бесстыдно подбирался к пятерке и, словно испугавшись, тут же слетал на тройку. Словно у них выхлопные дюзы лапшой были набиты. Они шли уже на полной мощности, конечно, Пиркс обеими руками прижимал шлем к голове, иначе не было слышно голоса пилота в шлемофоне — так ревела «Звезда»! Это не был победный баллистический грохот. Ее борьба с земным притяжением напоминала агонию, полную отчаяния. Добрых две минуты казалось, что они не стартуют с Земли, а висят неподвижно, всей силой отдачи отталкивая от себя планету, — так ощутимы были полные муки усилия «Звезды»! Все очертания будто расплылись от вибрации, и Пирксу показалось, что он слышит треск лопающихся швов, но это уже была чушь: в таком аду он не услышит даже гласа труб, призывающих на страшный суд.

Температура оболочки носа — о, это был единственный индикатор, который не колебался, не отступал, не прыгал и не задерживался, а спокойно лез вверх, словно перед ним был еще целый метр места на шкале, а не самые последние, красные цифры — 2500, 2800. Ког-

да Пиркс взглянул туда, в запасе оставались всего две черточки. А «Звезда» не достигла даже орбитальной скорости; все, чего они добились к четырнадцатой минуте полета, — это 6,6 километра в секунду! Его вдруг ошеломила жуткая мысль, как в кошмаре, которые порой бывают у пилотов, — что «Звезда» вообще не оторвалась от Земли, а мелькающие на экранах облака попросту пар, бьющий из лопнувших охладительных труб! Но дело все же обстояло не так плохо: они летели. Фельдшер лежал белый как мел и страдал. Пиркс подумал, что от его медицинской опеки, которой он должен их окружить, особой радости не будет. Инженеры держались хорошо, а Боман даже не вспотел — лежал себе с закрытыми глазами, седой, спокойный, худенький, как мальчишка. Из-под кресел, из амортизаторов во все стороны летели брызги — поршни дошли почти до упора. Пиркса интересовало только, что будет, если они и вправду дойдут.

Он привык к совершенно другому, современному расположению циферблатов, и потому взгляд его все время попадал не туда, когда он хотел проконтролировать тягу, охлаждение, скорость, состояние оболочки, ну и, прежде всего, вышли ли они на синергическую.

Пилот как будто немного растерялся: то выходил на курс, то сходил с него; колебания, разумеется, небольшие, дробные, но при пробивании атмосферы хватит, чтобы один борт начал нагреваться сильнее другого, — тогда в броне возникают колоссальные термические напряжения, последствия могут быть ужасными. Пиркс только тем себя утешал, что если

уж эта косматая скорлупа выдержала столько стартов, так выдержит и этот.

Стрелка термомпары действительно дошла до конца шкалы: 3500 градусов, тютелька в тютельку столько у них было снаружи, и, если так продержится еще десять минут, оболочка начнет расползаться, — карбиды тоже не вечны. Какова толщина обшивки? Никаких показателей на этот счет не было; во всяком случае, она порядком обгорела. Пирксу становилось жарко, но только от переживаний, потому что внутренний термометр, как и при старте, показывал двадцать семь градусов. Они были уже на шестидесятом километре, атмосфера практически осталась внизу, скорость — 7,4 километра в секунду. Шли немного ровнее, но все еще почти на тройном ускорении. Эта «Звезда» двигалась, как свинцовая болванка. Никакими средствами ее нельзя было разогнать как следует — даже в пустоте. Почему? Пиркс понятия не имел.

Спустя полчаса они уже лежали на курсе «Арбитра» — только за этим последним из пеленгирующих спутников им предстояло выйти на трассу Земля — Марс. Все выпрямились в креслах. Боман массировал себе лицо. Пиркс чувствовал, что и у него немного набрякли губы, особенно нижняя. У других глаза налились кровью, опухли, их мучил сухой кашель, хрипота, но это были нормальные явления, они обычно исчезают спустя часок. Реактор работал так себе. Правда, тяга не уменьшилась, но и не возросла, в пустоте она, собственно, должна бы увеличиться, но этого почему-то не происходило. Даже законы физики, казалось,

для «Звезды» не так уж обязательны. Ускорение было почти нормальным, земным, скорость — 11 километров в секунду. Им еще предстоял разгон до курьерской скорости, иначе пришлось бы тащиться до Марса целые месяцы. Пока они шли прямо на «Арбитра».

Пиркс, как всякий навигатор, ждал от «Арбитра» одних только неприятностей: или заметят, что у корабля слишком длинный, недозволённый инструкцией выхлопной огонь, либо что ионизационные разряды в дюзах мешают радиоприему, или потребуют, чтобы Пиркс переждал, пока пропустят какой-то более важный корабль. Но на этот раз ничего не случилось. «Арбитр» пропустил их сразу и еще послал вдогонку радиограмму: «Высокой пустоты». Пиркс ответил, и на этом обмен космическими любезностями прекратился.

Они легли на курс. Пиркс приказал увеличить тягу, ускорение возросло, уже можно было двигаться, размяться, встать. Радиотехник, который был одновременно и поваром, пошел в камбуз. Всем хотелось есть, особенно Пирксу, который с утра еще ничего не ел, а при старте попотел изрядно. В рубке лишь теперь начала повышаться температура — жар раскаленной обшивки с опозданием проникал внутрь. Пахло жидким маслом, которое вытекло из гидравликов и разлилось лужицами вокруг кресел.

Боман спустился к реактору проверить, нет ли нейтронной течи. Пиркс тем временем, наблюдая за звездами, разговаривал с электриком. Оказалось, что у них есть общие знакомые. У Пиркса впервые с того момента, как

он ступил на палубу, немного полегчало на душе. Какая уж она ни на есть, эта «Звезда», а 19 тысяч тонн — это не шуточки. Да и вести такой гроб гораздо труднее, чем обычную грузовую ракету, а стало быть, и чести больше, и опыт накапливается.

В полутора миллионах километров за «Арбитром» они пережили первое потрясение: обед невозможно было проглотить. Радиотехник бессовестно подвел. Больше всех скандалил фельдшер; оказалось, что у него больной желудок, перед самым стартом он купил несколько кур, одну отдал радиотехнику, а теперь в бульоне полно перьев. Остальным достались бифштексы — с ними можно было провозиться до гроба.

— Закаленные они, что ли? — сказал второй пилот и так ткнул вилкой в свой бифштекс, что он выпрыгнул из тарелки.

Радиотехник был нечувствителен к насмешкам. Он посоветовал фельдшеру процедить бульон. Пиркс чувствовал, что должен выступить посредником, но не знал, как это сделать. Ему было смешно.

Пообедав консервами, Пиркс вернулся в рубку. Приказал пилоту провести контрольное фиксирование звезд и, вписав в судовой журнал показания гравиметров, взглянул на циферблаты реактора. Он тихонько присвистнул. Это не реактор, а вулкан: 800 градусов через четыре часа полета! Охлаждающая жидкость циркулировала под максимальным давлением — двадцать атмосфер. Пиркс задумался. Самое худшее как будто уже позади. Посадка на Марсе не проблема — притяжение наполо-

вину меньше, атмосфера разреженная. Как-нибудь сядем. А вот с реактором надо что-то делать. Он подошел к вычислителю и подсчитал, сколько еще надо идти на той же тяге, чтобы набрать курьерскую скорость. При скорости меньше 80 километров получится громадное опоздание.

— Еще семьдесят восемь часов, — ответил вычислитель.

За семьдесят восемь *таких* часов реактор взорвется. Он лопнет как яйцо. В этом Пиркс не сомневался. Он решил, что надо набирать скорость рывками — понемногу. Правда, это несколько усложнит курс, к тому же временами придется лететь без тяги, значит, без гравитации, а это не так уж приятно. Другого выхода, однако, не было. Он приказал пилоту не сводить глаз с астрокомпаса, а сам съехал на лифте вниз, к реактору. Идя полутемным коридором через грузовые трюмы, он услышал приглушенный грохот, будто по железным плитам двигался целый отряд. Пиркс ускорил шаг. Вдруг под ногами у него черной полосой промчался кот, и тут же где-то рядом хлопнула дверь. Когда он добрался до освещенного грязными лампами главного коридора, все уже утихло. Перед ним была пустота почерневших стен, и только в глубине какая-то лампочка еще вздрагивала от недавнего сотрясения.

— Терминус! — крикнул Пиркс наугад.

Ему ответило только эхо. Он вернулся и по бортовому переходу добрался до тамбура реактора. Бомана, который спустился сюда раньше, уже не было. Сухой как порошок воздух жег глаза. В воронках вентиляторов бушевал

горячий ветер, шумело и гудело, как в паровой котельной Реактор, как и любой реактор, работал беззвучно — были работавшие с предельной нагрузкой агрегаты охлаждения. Километры замурованных в бетон труб, по которым бежала ледяная жидкость, издавали странные бормочущие стоны, будто жаловались на что-то. Стрелки помп за чечевицами стекол дружно склонились вправо. Среди циферблатов светился, как месяц, самый важный — отмечающий плотность потока нейтронов. Стрелка почти касалась красной черты — картина, которая любого инспектора Космического надзора могла бы довести до инфаркта.

Шероховатая от цементных заплат, похожая на скалу бетонная стена полыхала мертвенным жаром, плиты помоста слегка вибрировали, передавая всему телу неприятную дрожь, свет ламп маслянисто расплывался в мигающих дисках вентиляторов; одна из белых сигнальных ламп заморгала, потом погасла, и на ее месте вспыхнул красный сигнал. Пиркс пошел под помост, где находились выключатели, но Боман уже опередил его: часовой автомат был установлен на разрыв цепной реакции через четыре часа. Пиркс не тронул его, только проверил счетчики Гейгера. Они спокойно тикали. Индикатор показывал небольшую утечку — 0,3 рентгена в час. Пиркс заглянул в темный угол камеры. Там было пусто.

— Терминус! — крикнул он. — Эй! Терминус!

Ответа не было. В клетках беспокойно металась белые пятнышки — мыши: видно, они

плохо себя чувствовали в этой поистине тропической жаре. Пиркс вернулся наверх, запер за собой дверь. В холодном коридоре его начало знобить — рубашка была мокрой от пота. Сам не зная зачем, Пиркс брел по темным, сужающимся в конце коридорам кормы, пока путь ему не преградила глухая стена. Он прикоснулся к ней ладонью. Стена была теплая. Пиркс вздохнул, пошел обратно, поднялся на четвертую палубу в навигаторскую и принялся вычерчивать курс. Когда он с этим управился, часы показывали девять. Пиркс удивился: он и не заметил, как пролетело время. Потушил свет и вышел. Садясь в лифт, он почувствовал, что пол мягко уходит из-под ног: автомат в соответствии с программой выключил реактор.

В слабо освещенном ночными лампами коридоре средней части корабля мерно шумели вентиляторы. Искры далеких лампочек дрожали в пересекающихся потоках воздуха. Пиркс слегка оттолкнулся от двери лифта и поплыл вперед. В боковом отсеке коридора было еще темнее. В голубоватом сумраке он проплывал мимо дверей кают, в которые до сих пор так и не удосужился заглянуть. Выходы резервных люков, обозначенные рубиновыми лампочками, открывали свои черные воронки. Плавно, будто во сне, он двигался под выгнутыми сводами, распластавшись над своей огромной тенью, все дальше, пока не вплыл через приоткрытые двери в большую, необжитую кают-компанию. Под ним в полосе света ряды кресел обступали длинный стол. Пиркс висел над столом, словно водолаз, исследую-

щий трюмы затонувшего корабля. В слабо поблескивающих стеклах у стены затаивались отражения ламп, рассыпались голубыми огоньками и погасли. За кают-компанией открывалось другое, еще более темное помещение. Тут даже привыкшие к темноте глаза Пиркса отказали. Он на ощупь, кончиками пальцев коснулся эластичной поверхности, не зная, потолок это или пол. Слегка оттолкнулся, развернулся, как пловец, и бесшумно двинулся дальше. В бархатной черноте мерцали, светясь собственным светом, продолговатые, расставленные в ряд предметы. Он почувствовал холод гладкой поверхности — умывальники. Ближайший был весь в черных пятнах. Кровь? Пиркс осторожно протянул руку. Тавот.

Еще одна дверь. Пиркс, наискось вися в воздухе, открыл ее. В сером полумраке перед его лицом проплыли призрачным хороводом какие-то бумаги, книги и, слабо прошелестев, исчезли. Он снова оттолкнулся, на этот раз ногами, и, окруженный клубами пыли, которая не оседала, а тянулась за ним рыжей вуалью, вынырнул через открытую дверь в коридор.

Цепочка ночных огней горела не мигая. словно голубая вода залила палубы. Он подплыл к висящему под потолком тросу. Петли, когда он выпускал их из рук, начинали медленно извиваться, словно разбуженные прикосновением.

Пиркс насторожился. Где-то неподалеку послышался стук. Кто-то бил молотком по металлу. Пиркс поплыл на этот звук, то нараставший, то гаснувший, и наконец увидел вделанные в пол ржавые рельсы, по которым

когда-то двигались в главные трюмы грузовые платформы. Теперь он летел быстро, чувствуя, как воздух обтекает лицо. Звук становился все громче. Тут Пиркс заметил под потолком трубу, выходящую из поперечного коридора. Старый, дюймовый канал трубопровода. Пиркс дотронулся до него. Труба задрожала. Удары соединялись в группы, по два, по три. Вдруг он понял. Морзянка!

— Внимание...

Три удара.

— Внимание...

Три удара.

— ...Я — з а п е р е б о р к о й, — грохотала труба.

Буквы лепились одна к другой.

— Л е д — в е з д е...

Лед? Он сначала не понял. Какой лед? Что это значит? Кто...

— К о н т е й н е р — л о п н у л, — отозвалась труба.

Пиркс держал на ней ладонь. Кто передает? Откуда? Он попытался сообразить, как идет трубопровод. Это был аварийный канал, он шел с кормы, ответвляясь на всех горизонтах. Кто это там упражняется? Что за идея! Пилот?

— П р а т т — о т з о в и с ь — п р а т т...

Пауза.

У Пиркса перехватило дух. Это имя поразило его, как удар. Какое-то мгновение он расширенными глазами всматривался в трубу, потом бросился вперед. «Это тот, второй пилот», — подумал он, добрался до поворота,

оттолкнулся и, набирая скорость, полетел в рубку, а труба звенела над ним:

В-а-й-и — э-т-о — с-и-м-о-н...

Звуки удалялись. Он потерял трубу из виду — она сворачивала в поперечный коридор. Пиркс стремительно оттолкнулся от стены и сквозь облако пыли всмотрелся в согнутый обрубок трубы, завернутый ржавой заглушкой. Труба кончалась тут. В рубку она не ведет. Значит... значит, это с кормы? Но... там... никого нет...

— П-р-а-т-т — в — ш-е-с-т-о-м — в — п-о-с-л-е-д-н-е-м... — звенела труба.

Пиркс, словно летучая мышь, висел под потолком, вцепившись согнутыми пальцами в трубу. Кровь стучала в висках. После короткой паузы снова слышались удары:

— ...б-а-л-л-о-н-е—о-с-т-а-л-о-с-ь — т-р-и-д-ц-а-т-ь — д-о — н-у-л-я...

Три удара.

— М-о-м-с-с-е-н — о-т-з-о-в-и-с-ь — м-о-м-с-с-е-н...

Пауза.

Пиркс огляделся. Было совершенно тихо, только заслонка вентилятора за поворотом хлопала в порывах ветра, и выдуваемый оттуда мусор, лениво кружась, тянулся вверх, отбрасывая над лампами тени на потолок, словно там целыми роями носились большие, нескладные ночные бабочки. Вдруг посыпались стремительные удары:

— П-р-а-т-т — п-р-а-т-т — п-р-а-т-т — м-о-м-с-с-е-н — н-е — о-т-в-е-ч-а-е-т — в — с-е-д-ь-м-о-м — е-с-т-ь — к-и-с-л-о-р-о-д — м-о-ж-е-ш-ь-л-и — п-р-о-й-т-и — п-р-и-е-м...

Пауза. Свет ламп был все тот же, мусор и пыль медленно кружились. Пиркс хотел отпустить трубу, но не мог. Ждал. Она отозвалась:

— С-и-м-о-н — м-о-м-с-с-е-н-у — п-р-а-т-т — в — ш-е-с-т-о-м — з-а — п-е-р-е-б-о-р-к-о-й — с — п-о-с-л-е-д-н-и-м — б-а-л-л-о-н-о-м — м-о-м-с-с-е-н — о-т-з-о-в-и-с-ь — м-о-м-с-с-е-н...

Последний тяжелый удар. Труба долго вибрировала. Пауза. Потом несколько непонятных ударов и быстрая дробь:

— С-л-а-б-о — д-о-х-о-д-и-т — с-л-а-б-о — д-о-х-о-д-и-т...

Тишина.

— П-р-а-т-т — о-т-з-о-в-и-с-ь — п-р-а-т-т — п-р-и-е-м...

Труба дрогнула. Словно совсем издалека, доходили отрывистые удары.

Три точки, три тире, три точки. SOS. Каждый следующий удар был слабее. Еще два тире. И еще одно. И протяжный замирающий звук, словно кто-то скреб или царапал трубу. Это можно было услышать лишь в такой абсолютной тишине.

Пиркс оттолкнулся и головой вперед полетел вдоль трубы; он сворачивал, когда сворачивала она, поднимался, опускался, рассекая головой воздух. Открытая шахта. Наклонный спуск. Сужающиеся коридоры. Одни, вторые, третьи ворота грузовых отсеков. Стало темнее. Он вел пальцами по трубе, чтобы не потерять ее. Черная запекшаяся пыль обдирала ладони: палубы уже остались позади, он находился в помещении без полов и потолков, отделяющем внешнюю оболочку от трюмов; между траверсами темнели распухшие тела резервных

баков, сверху кое-где пробивались пыльные полосы света. Он посмотрел вверх и увидел в черной шахте две цепочки ламп, рыжих от пыли, тянувшейся за ним длинным облаком, как дым невидимого пожара. Воздух был тут затхлый, душный, пахло нагретым железом. Пиркс парил среди еле заметных металлических конструкций, а труба протяжно звенела:

— П-р-а-т-т — о-т-з-о-в-и-с-ь — п-р-а-т-т...

Трубопровод разветвлялся. Пиркс зажал руками оба отростка, чтобы определить, откуда идет звук, но так и не разобрал. Наугад свернул влево. Какой-то люк. Сужающийся, черный как уголь туннель. В конце — круг света. Пиркс выскочил из туннеля. Он был в тамбуре реакторной.

— Э-т-о — в-а-й-н — п-р-а-т-т — н-е — о-т-в-е-ч-а-е-т... — звенела труба, когда он открывал первые двери. В лицо ударил горячий воздух. Пиркс поднялся на помост. Выли компрессоры. Теплый ветер растрепал ему волосы. Отсюда он видел в ракурсе бетонную стену реактора; светились циферблаты, красными каплями дрожали огоньки сигналов.

— С-и-м-о-н — в-а-й-н-у — с-л-ы-ш-у — м-о-м-с-с-е-н-а — п-о-д-о — м-н-о-й, — грохотала труба тут, рядом с ним. Она выходила из стены и дугой спускалась вниз, соединяясь там с главным трубопроводом.

Перед развилкой, раскорячившись, стоял Терминус. Он словно боролся с невидимым противником — так молниеносны были его выпады. Полными горстями он швырял цементное тесто, расплющивал его хлопками, поправлял, придавал форму и переходил к следующему

отрезку — тогда наступала пауза. Пиркс вслушался в ритм его работы. Ходящие, как шатуны, руки выстукивали:

— М-о-м-с-с-е-н — б-р-о-с-ь — ш-л-а-н-г — п-р-а-т-т — т-е-р-я-е-т — к-н-с-л-о-р-о-д...

Терминус застыл с поднятыми руками, вися в воздухе против собственной, почти человеческой тени. Его квадратная голова двигалась вправо и влево: он проверял следующее соединение. Наклонился. Сложив ладонь совком, набрал цемент. Замахнулся. Руки входили в ритм. Труба задрожала от ударов:

— Н-е — о-т-в-е-ч-а-е-т — н-е — о-т-в-е-ч-а-е-т...

Пиркс перевесил ноги через перила и плавно спустился вниз.

— Терминус! — крикнул он, еще не успев коснуться пола.

— Слушаю, — тотчас ответил автомат. Его левый глаз повернулся к человеку, правый продолжал ходить в орбите, следя за руками, которые облепляли трубу цементом, выбивая:

— П-р-а-т-т — о-т-з-о-в-и-с-ь — п-р-а-т-т — п-р-и-е-м...

— Терминус! Что ты делаешь?! — крикнул Пиркс.

— Утечка. Четыре десятых рентгена в час. Плombирую, — глухим басом ответил автомат, а его руки одновременно отбивали:

— Э-т-о — в-а-й-н — м-о-м-с-с-е-н — о-т-з-о-в-и-с-ь — м-о-м-с-с-е-н...

— Терминус! — снова крикнул Пиркс, глядя то на металлическое лицо со скошенным на него левым глазом, то на мелькание железных ладоней.

— Слушаю, — так же монотонно повторил автомат.

— Что ты... передаешь морзянкой?

— Пломбирую утечку, — ответил низкий голос.

— С-и-м-о-н — в-а-й-н-у — и — п-о-т-т-е-р-у — п-р-а-т-т-а — и-о-л-ь — м-о-м-с-с-е-н — н-е — о-т-в-е-ч-а-е-т... — гремело железо под его мелькающими руками. Тяжелое цементное тесто расплющивалось, стекало, руки подхватывали его, пришлепывали, прижимали к закругленной поверхности. На какой-то момент его поднятые вверх руки застыли, потом автомат наклонился, набрал новую порцию цемента, посыпалась лавина стремительных ударов:

— М-о-м-с-с-е-н — м-о-м-с-с-е-н — м-о-м-с-с-е-н — о-т-з-о-в-и-с-ь — м-о-м-с-с-е-н — м-о-м-с-с-е-н — м-о-м-с-с-е-н — м-о-м-с-с-е-н...

Ритм бешено ускорялся, весь трубопровод дрожал и стонал под градом ударов, это было похоже на бесконечный крик.

— Терминус! Перестань! — Пиркс бросился вперед и схватил автомат за мокрые от масла локти — они выскользнули у него из рук. Терминус замер, напрягшись. Было слышно только протяжное чавканье помп за бетонной стеной.

Прямо перед Пирксом был корпус автомата, залитый маслом, которое стекало по его столбообразным ногам. Пиркс отступил.

— Терминус... — проговорил он тихо, — что ты... — И осекся.

Железные ладони с громким лязгом сомкнулись. Они терлись друг о друга, сдирая остатки присохшего цемента, которые, вместо

того чтобы упасть, затаицеваали в воздухе, расплываясь, как круги дыма.

— Что ты... делал? — спросил Пиркс.

— Пломбирую утечку. Четыре десятых рентгена в час. Можно продолжать?

— Ты выстукивал морзянкой. Что ты передавал?

— Морзянкой, — точно тем же тоном повторил автомат и добавил: — Не понимаю. Можно мне пломбировать дальше?

— Можно, — буркнул Пиркс, глядя на огромные, медленно распрямляющиеся руки. — Да, можно...

Пиркс ждал. Терминус его уже не видел. Он набрал левой рукой цемент и молниеносным движением бросил на стену. Укрепил, расплющил, разгладил — три удара. Теперь правая рука поспешила к левой, и труба забубнила:

— П-р-а-т-т — л-е-ж-и-т — в — ш-е-с-т-о-м...

— М-о-м-с-с-е-н...

— О-т-з-о-в-и-с-ь — м-о-м-с-с-е-н...

— Где Пратт?! — дико крикнул Пиркс.

Терминус, железные руки которого мелькали в свете ламп, как блестящие полосы, тотчас ответил:

— Не знаю.

Одновременно он выстукивал с такой скоростью, что Пиркс едва успел разобрать:

— П-р-а-т-т — н-е — о-т-в-е-ч-а-е-т...

И тут случилось что-то странное. На серию, отбиваемую правой рукой, наложилась другая, гораздо более слабая, ее выстукивали пальцы левой. Сигналы перемешались, и в течение нескольких секунд трубопровод дрожал от грома

двойных ударов, из которых вынырнула замирающая серия:

— М-р-з-н-у-т-р-у-к-и — н-е-м-г-у — у-ж...

— Терминус... — одними губами прошептал Пиркс, отступая к металлическим ступеням. Автомат не слышал. Его туловище, лоснящееся от масла, подрагивало в такт движениям рук. Даже не слушая, по одним отблескам маслянистого металла Пиркс мог прочесть:

— М-о-м-с-с-е-н — о-т-з-о-в-и-с-ь...

3

Пиркс лежал навзничь. Тьма роилась блестками, мелькавшими в его глазах.

Пратт шел в глубь корабля. Так? У него кончился кислород. Те двое не могли ничем помочь. А Момссен? Почему он не отвечал? Может, был уже мертв? Нет, Симон его слышал. Он был где-то близко, за стеной. За стеной? Это значит, что в помещении Момссена был воздух. Иначе Симон ничего бы не слышал. Что он слышал? Шаги? Почему они его вызывали? Почему он не отвечал?

Разделенные на точки и тире голоса агонии. Терминус. Как это случилось? Его нашли под грудой обломков на дне камеры. Наверно, в том месте, где трубопровод выходил наружу. Заваленный обломками, он мог слышать стук — долго ли? Запасы кислорода большие. Могло хватить на месяцы. Пищи тоже. Значит, он лежал там, под обломками. Как же так, ведь тяжести не было? Что мешало ему двигаться? Пожалуй, холод. Автоматы не могут двигаться при очень низкой температуре. Масло засты-

вает в суставах. Гидравлическая жидкость замёрзает и разрывает проводящие трубки. Остается только металлический мозг — только мозг. Он мог слышать и фиксировать сигналы; все более слабые, они сохранились в электронных витках его памяти, словно это было вчера. А сам он об этом не знает? Как это может быть? Не знает, что моделирует ритм его работы? Может, он врет? Нет, автоматы не врут.

Усталость заливала Пиркса, как черная вода. Может, не полагалось это слушать? Было в этом что-то мерзкое — так приглядываться к агонии, запечатленной во всех подробностях, следить за ее развитием, чтобы потом анализировать каждый сигнал, мольбу о кислороде, крик. Этого нельзя делать, — если не можешь помочь. Сознание у него уже так помутилось, что он не знал, о чем думает, но все еще беззвучно повторял одними губами, словно возражая кому-то:

— Нет. Нет. Нет.

Потом не было уже ничего.

Очнулся он в полной темноте. Хотел сесть, но пристегнутое ремнями одеяло не пустило его. Он на ощупь управился с ремнями, зажег свет. Двигатели работали. Пиркс набросил халат. Несколько раз согнул колени, оценивая ускорение. Тело весило побольше ста килограммов. Полтора *g* примерно? Ракета меняла курс, он явственно ощущал вибрацию; шкафы в стенах протяжно, предостерегающе скрипели, двери одного из них открылись, гневно каркая; все незакрепленные предметы, одежда, ботинки

понежному перемещались в сторону кормы, словно объединенные и оживленные каким-то тайным намерением.

Пиркс подошел к шкафчику интеркома, открыл дверцу. Внутри стоял аппарат, похожий на старинный телефон.

— Рубка! — крикнул Пиркс в микрофон и даже поморщился от собственного голоса — так болела голова. — Говорит первый. Что там?

— Поправка курса, капитан, — ответил далекий голос пилота, — нас чуточку снесло.

— Сколько?

— Ше... семь секунд.

— Как реактор? — нетерпеливо спросил он.

— Шестьсот двадцать в кожухе.

— А в трюмах?

— Бортовые по пятьдесят два, килевые — сорок семь, кормовые — двадцать девять и пятьдесят пять.

— Какое там было отклонение, Мунро? Сколько, вы сказали?

— Семь секунд.

— Допустим, — ответил Пиркс и бросил трубку.

Пилот, разумеется, врал ему. Семисекундная поправка не требовала таких ускорений. Отклонение от курса он оценивал в несколько градусов.

Дьявольски греются эти трюмы. Что в кормовом? Продукты? Он сел за письменный стол.

«Голубая звезда» Земля — Марс Владелец корабля Реактор нагревает груз точка. Нет спецификации угрожаемого груза на корме точка Прошу указаний точка Навигатор Пиркс конец».

Пиркс еще писал, когда двигатели смолкли, сила тяжести исчезла, — нажав на карандаш, он вдруг взлетел в воздух. Пиркс нетерпеливо оттолкнулся от потолка, опять уселся в кресло и еще раз перечитал радиограмму. Подумав, он разорвал листок и сунул клочки в ящик.

Сонливость прошла совершенно, осталась только головная боль. Одеваться не хотелось: в невесомости это было сложной процедурой, состоящей из серии неуверенных скачков и возни с отдельными частями туалета, так что Пиркс, как был в халате поверх пижамы, вышел из каюты.

Голубизна ночного освещения скрадывала плачевное состояние обшивки. В четырех ближайших нишах зияли чернотой выходы мерно дышащих вентиляционных каналов, валявшийся повсюду мусор стягивался к ним, словно ил, увлекаемый подводным течением.

Бесконечная тишина заполняла весь корабль. Вслушиваясь в нее, почти не двигаясь, повиснув перед своей огромной тенью, которая наискось лежала на стене, Пиркс прикрыл глаза. Случалось, что люди засыпали в таком положении, а это было небезопасно: любой запуск двигателей для маневра мог швырнуть беззащитное тело на пол или потолок. Он уже не слышал ни вентиляторов, ни ударов своего пульса. Ему казалось, что эту ночную тишину корабля он мог бы отличить от любой другой. На Земле ощущаются какие-то границы тишины, ее недолговечность, краткость; среди лунных гор человек несет с собой собственное маленькое молчание, запертое в скафандре, который усиливает каждый скрип ремней, каждый

хруст суставов, пульс, даже дыхание. Только корабль ночью теряется в черном, ледяном безмолвии.

Пиркс поднес часы к глазам. Скоро три. «Если так пойдет и дальше — мне конец». Он оттолкнулся от выпуклой переборки и, словно гасящая скорость птица, раскинув руки, спланировал на порог каюты. Издалека, будто из железного подземелья, до него долетел еле слышный звук:

— Банг-банг-банг...

Три удара.

Чертыхнувшись, он захлопнул дверь, снял халат и, не глядя, швырнул его в воздух; халат медленно вздулся и, словно гротескный призрак, поплыл вверх. Пиркс погасил свет, лег, накрыл голову подушкой.

— Идиот! Проклятый железный идиот! — повторял Пиркс, зажмурившись и дрожа от непонятной ярости. Но усталость быстро взяла верх: он и не заметил, как снова уснул.

Пиркс открыл глаза около семи. Еще в полусне поднял руку. Она не упала. Тяжести не было. Пиркс оделся и вышел. Направляясь в рубку, он невольно прислушивался. Было тихо.

Перед дверями он задержался. На матовых стеклах лежали зеленоватые, будто подводные, отблески радарных экранов. Внутри царил полумрак. Пилот, полулежа в кресле, курил папиросу. Плоские полосы дыма плавали перед экранами, освещаемые их отблесками. Слышалось слабое позвякивание какой-то земной музыки, его перебивали космические помехи. Пиркс сел позади пилота; ему не хотелось даже проверять гравиметрические записи.

— Когда даете тягу?

Пилот был догадлив.

— В восемь. Но, если хотите вымыться, капитан, могу дать сейчас. Разницы никакой.

— Э, нет. Пусть уж будет порядок,— буркнул Пиркс.

Наступило молчание, только в динамике жужжала однообразная механическая мелодия. Пиркса опять стало клонить ко сну. Он несколько раз спохватывался, потом снова погружался в дремоту, из тьмы выползали большие, зеленые глаза котов, Пиркс моргал, кошачьи глаза превращались в светящиеся циферблаты; так он балансировал на грани яви и сна, когда динамик вдруг захрипел и произнес:

— Говорит Деймос. Семь тридцать. Передаем еженедельную метеоритную сводку для внутренней зоны. Под влиянием гравитационного поля Марса в потоке Драконид, уже покинувшем сферу Пояса, возникло краевое завихрение. Сегодня оно будет проходить через секторы 83, 84 и 87. Метеоритная станция Марса оценивает размеры облака в 400 тысяч кубических километров. В связи с этим секторы 83, 84 и 87 объявляются закрытыми для навигации до особого сообщения. Передаем состав облака, полученный нами непосредственно с баллистических зондов Фобоса. По последним данным, облако состоит из микрометеоритов класса X, XY, Z...

— Хорошо, что это нас не касается,— заметил пилот,— я только что позавтракал, мне на пользу не пошло бы, если б надо было давать полный ход!

— Сколько мы делаем? — спросил, вставая, Пиркс.

— Больше пятидесяти.

— Да? Неплохо, — буркнул Пиркс.

Он проверил курс, записи уранографов, величину утечки — она держалась на одном уровне — и пошел в кают-компанию. Там уже сидели оба офицера. Пиркс ждал, не заговорит ли кто-нибудь о ночных стуках, но разговор все время вертелся вокруг тиража лотереи, которого с нетерпением дожидался Симс. Он рассказывал о коллегах и знакомых, которым посчастливилось выиграть.

Позавтракав, Пиркс направился в навигаторскую, чтобы вычертить пройденный отрезок пути. Но вскоре он воткнул циркуль в доску, вытащил из ящика судовой журнал и отыскал состав последнего экипажа «Кориолана».

«Офицеры: Вайн и Пратт, пилоты: Нолан и Поттер, механик: Симон...» Пиркс сосредоточенно вглядывался в размашистый почерк командира. Потом он бросил журнал в ящик, закончил чертеж и, захватив рулон, отправился в рубку. Через полчаса он точно рассчитал время прибытия на Марс. На обратном пути заглянул через дверное стекло в кают-компанию. Офицеры играли в шахматы, фельдшер сидел у телевизора с электрогрелкой на животе. Пиркс заперся в каюте и просмотрел радиogramмы, взятые у пилота. Он и не заметил, как его сморил сон. Несколько раз ему казалось сквозь дремоту, будто двигатели начинают тянуть, и он силился проснуться, но не просы-

пался, а лишь видел во сне, как встает, идет в рубку, находит ее пустой и в поисках кого-нибудь из команды начинает плутать по лабиринту черных как уголь кормовых коридоров. Очнулся Пиркс за столом, весь в поту, злой, потому что понимал, какая у него будет ночь после стольких часов дневного сна. Когда под вечер пилот включил двигатели, он воспользовался этим и принял горячую ванну. Освежившись, пошел в кают-компанию, выпил приготовленный радиотехником кофе и по телефону спросил вахтенного о температуре реактора. Она приближалась к тысяче градусов, но все не могла перевалить за критическую. Около десяти его вызвала рубка: они пролетали мимо какого-то корабля, который спрашивал, нет ли у них врача. Пиркс, узнав, что речь идет об остром приступе аппендицита, решил не предлагать своего медика, тем более что за ними в каких-нибудь трех миллионах километров шел большой пассажирский корабль, выразивший готовность заstopорить ход и выслать врача.

Так вяло, без происшествий, прошел весь день. В одиннадцать белый свет на всех палубах, за исключением рубки и камеры реактора, сменился тлением голубоватых ночных ламп. В кают-компании чуть ли не до полуночи горела лампочка над шахматной доской. Там сидел Симс и играл сам с собой. Пиркс пошел еще проверить температуру в донных трюмах и по дороге наткнулся на возвращавшегося от реактора Бомана. Инженер был на-

строен в общем неплохо: утечка не возрастала, а охлаждение работало вполне исправно.

Инженер попрощался и оставил Пиркса в пустом холодном коридоре. Слабая струя воздуха тянулась вверх, остатки пропыленной паутины, окружавшей вентиляционные окна, беззвучно трепетали. Пиркс долго ходил по высокому, как церковные своды, коридору между главными трюмами.

Двигатели смолкли за несколько минут до полуночи. С разных концов корабля до него долетели резкие и приглушенные, все удаляющиеся и слабеющие звуки. Это незакрепленные предметы, продолжая двигаться с ускорением, ударялись о стены, потолки, полы. Эхо этих ударов, которые наполнили словно вдруг оживший корабль, еще мгновение дрожало в воздухе, потом угасло, и снова наступила тишина, подчеркнутая мерным шумом вентиляторов.

Пиркс вспомнил, что ящик стола в навигаторской покоробился, и в поисках стамески спустился по длинному, узкому, как кишка, коридору между трюмом левого борта и кабельным туннелем на складе — пожалуй, самое пыльное место на корабле. Вдобавок пыль, в которой он утонул с головой, не оседала, и он, полузадохшийся, ощупью едва добрался до выхода. Пиркс был уже почти в самом центре корабля, когда в коридоре раздались шаги. Тяжести не было, так что идти мог только автомат. Действительно, звонким шагом сопровождало хлопанье прилипающих к полу магнитных присосов. Пиркс подождал, пока в проходе не появился черный на фоне далеких

ламп сидит. Терминус шел, неуверенно раскачиваясь и широко размахивая руками.

— Эй, Терминус! — крикнул Пиркс, выходя из тени.

— Слушаю.

Тяжелая фигура остановилась, корпус по инерции наклонился вперед, качнулся и медленно вернулся в вертикальное положение.

— Что ты тут делаешь?

— Мыши, — ответил голос из-за грудного щита, и казалось, что из кольчатого панциря говорит охрипший карлик. — Мыши спят беспокойно. Просыпаются. Бегают. Хотят пить. Если хотят пить, им надо дать воды. Мыши много пьют, когда высокая температура.

— А что ты делаешь? — спросил Пиркс.

— Высокая температура. Хожу. Всегда хожу, если высокая температура. Воду мышам. Если выпьют и уснут — хорошо. Часто случались ошибки из-за высокой температуры. Наблюдаю. Выхожу, возвращаюсь к реактору. Воду мышам...

— Ты несешь воду мышам? — спросил Пиркс.

— Да. Терминус.

— А где вода?

Автомат еще дважды повторил «высокая температура», и все казалось, что в нем спрятан человек, потому что Терминус в недоумении стал быстро и как-то беспомощно подносить руки к глазам, объективы которых задвигались в глазницах, направившись на железные ладони. Потом он проговорил:

— Нет воды. Терминус.

— Ну а где же она? — настаивал Пиркс.

Прищурившись, он наблюдал за возвышающимся над ним роботом, который издал несколько нечленораздельных звуков и неожиданно изрек басом:

— Забыл.

Пиркс растерялся — так беспомощно это прозвучало. С минуту, наверно, он глядел на слегка покачивающийся железный корпус.

— Забыл, да? Иди к реактору. Слышишь?

— Слушаю.

Терминус заскрежетал, сделал разворот на месте и стал удаляться тем же слишком твердым, одеревенелым, будто старческим шагом. На повороте он споткнулся, тяжело взмахнул руками, восстановил равновесие и исчез в боковом проходе. Еще какое-то время слышалось эхо его шагов. Пиркс хотел было вернуться к себе, потом раздумал и, бесшумно плывя над полом, добрался до шестого вентиляционного. Передвижение по колодцам было запрещено даже при выключенных двигателях, но он пренебрег запретом. Сильно оттолкнулся от ограждения и за десять секунд пролетел семь этажей, которые отделяли середину корабля от кормы. В камеру реактора он не вошел. В стене, примерно посередине, виднелся длинный засов. Пиркс подплыл к нему, открыл узкие дверцы. За дверцами было вделанное в сталь прямоугольное оконце из свинцового стекла, образующее заднюю стенку клеток с мышами. Благодаря этому можно было наблюдать за ними, не входя в камеру.

За стеклом он увидел грязные, пустые донца клеток. Дальше за проволочными сетками, в глубине камеры, поблескивал в свете высо-

ко укрепленной лампы облитый водой корпус робота. Автомат почти горизонтально висел в воздухе, лениво двигая руками. Весь его панцирь был покрыт белыми мышами; они рысцой бегали по наплечьям, по грудному щиту, скапливались там, где в углублениях членистого живота большими каплями собралась вода, мыши слизывали ее, подскакивали, взлетали в воздух, Терминус ловил их, они скользили между его железными пальцами, их хвосты причудливо закручивались. Картина была такая странная, такая комичная, что Пирксу стало смешно. Терминус тем временем совал пойманных мышей в клетку, его металлическое лицо совсем приблизилось к глазам Пиркса, но робот, по-видимому, не заметил его. Еще две-три мышки летали по воздуху; Терминус поймал и их, запер клетку и исчез из поля зрения Пиркса, только его гигантская тень, словно зацепившись за муфту главного трубопровода, размазанным крестом легла на бетон реактора.

Пиркс тихо закрыл дверцы, вернулся в каюту, разделся и лег, но не мог уснуть. Он принялся за записки астронавигатора Ирвинга, но глаза горели, словно в них попал песок, голова отяжелела, а спать ему все же не хотелось. Он с тоской подумал, что до утра еще далеко, и, накинув халат, вышел.

На пересечении главного коридора с бортовым из вентиляционного отверстия до него донесли звуки шагов. Он приложил ухо к решетке. Звук, искаженный эхом железного колодца, шел снизу. Пиркс оттолкнулся от решетки, с минуту плыл ногами вперед, а потом

по ближайшему вертикальному проходу попал на уровень кормы. Шаги зазвучали громче, замерли, потом отозвались с новой силой. Автомат возвращался. Пиркс поджидал его под самым потолком высокого в этом месте коридора. В глубине коридора скрежетали волочащиеся шаги. Звук исчез. Пиркс уже начинал терять терпение, когда шаги возобновились, из прохода вынырнула длинная тень и вслед за ней показался Терминус. Он прошел под Пирксом так близко, что было слышно биение его гидравлического сердца. Терминус сделал еще несколько шагов, остановился и издал протяжное шипение. Потом он качнулся вправо и влево, будто кланяясь железным стенам, и двинулся дальше. У темного входа в боковой коридор робот снова остановился. Заглянул туда. Протяжное шипение повторилось. Пиркс ползл вслед за громадной фигурой.

— Кссс, кссс... — слышал он все отчетливее.

Терминус опять остановился перед очередным вентиляционным колодцем и попытался просунуть голову через решетку. Это ему не удалось. Он зашипел, медленно распрямился и заковылял дальше. Пирксу это надоело.

— Терминус! — крикнул он.

Автомат, как раз в это время наклонявшийся, застыл, не окончив движения.

— Слушаю, — сказал он.

— Что ты опять тут делаешь?

Пиркс всматривался в приплюснутую металлическую маску, хотя она и не была лицом и не могла ничего выдать.

— Ищу... — ответил Терминус. — Ищу... кота.

— Что?!

Терминус начал выпрямляться. Он вытягивался вверх; руки его безвольно свисали, словно он забыл о них, и из-за того, что он делал это так медленно, чуть поскрипывая суставами, в его движениях чудилось нечто угрожающее.

— Ищу кота,— повторил он.

— Зачем?!

Терминус с минуту молчал, застыв, как железная статуя.

— Не знаю,— ответил он тихо, и Пиркс смутился.

Мертвая тишина, тусклый свет ламп, заржавленные рельсы грузового пути и закрытые ворота делали коридор похожим на штольню заброшенной шахты.

— Хватит,— сказал наконец Пиркс.— Возвращайся к реактору и не выходи оттуда. Слышишь?!

— Слушаю.

Терминус повернулся и ушел. Пиркс остался один. Поток воздуха сносил его, висящего между полом и потолком, миллиметр за миллиметром к открытой пасти вентилятора. Он оттолкнулся ногой от стены, свернул к подъемнику и помчался вверх, минуя по дороге черные зевы колодцев, из которых, словно тиканье огромных часов, доносились все более слабые, удаляющиеся шаги автомата.

4

Пять следующих дней Пиркс был поглощен математикой. При каждом новом включении реактор грелся все больше, а отдача его умень-

шалась. Боман предполагал, что нейтронные отражатели доживают свой век. Это подтверждала и медленно, но неуклонно возрастающая утечка. Пиркс проделывал сложнейшие расчеты, стараясь правильно дозировать время тяги и охлаждения. Когда реактор простаивал, Пиркс перебрасывал охлаждающую жидкость с бортовых трюмов в кормовые, где стояла настоящая тропическая жара. Это бесконечное лавирование требовало терпения — Пиркс часами просиживал у вычислителя и методом проб и ошибок искал наилучшего решения. В результате они прошли сорок три миллиона километров с ничтожным опозданием. На пятый день полета наперекор пессимистическим предсказаниям Бомана они развили требуемую скорость. Выключая реактор, который мог теперь остывать до самой посадки, Пиркс вздохнул с облегчением. Пилотируя эту старую грузовую ракету, он видел звезды гораздо реже, чем на Земле. Впрочем, он ими и не интересовался — даже красным, как медяк, диском Марса, — с него хватало курсовых кривых.

Поздним вечером последних суток пути, когда темнота, чуть разреженная голубыми огнями, будто увеличила корабль, он вспомнил о трюмах. До сих пор он даже и не заглянул туда.

Пиркс вышел из кают-компани, где Симс, как всегда, играл в шахматы с Боманом, и спустился лифтом на корму. После той встречи он не видел и не слышал Терминуса. Он только заметил, что кот куда-то бесследно исчез, словно его вообще не было на корабле.

В слабо освещенных центральных помеще-

ниях корабля с тихим шелестом циркулировали воздушные потоки. Когда Пиркс открыл дверь, в зале зажглись лампочки, покрытые толстым слоем пыли. Он обошел весь трюм из конца в конец. Среди ящиков, заполнявших трюм почти до самого потолка, оставался узкий проход. Пиркс проверил натяжение закрепленных в полу стальных лент, которыми была стянута каждая пирамида груза; он забыл закрыть за собой дверь, и оживший сквозняк высасывал из темных углов кучи опилок, мусора, пакли, которые еле заметно покачивались в воздухе, как покров ряски на воде.

Пиркс был уже в коридоре, когда услышал медленные, мерные удары:

— Внимание...

Три удара.

С минуту он дрейфовал в потоке воздуха, который поднимал его все выше. Хочешь не хочешь — приходилось слушать.

Переговаривались двое. Один часто сбивался, словно забывал азбуку Морзе. Сигналы были слабые, будто люди берегли силы. Подавались то медленнее, то быстрее. Иногда они подолгу молчали, иногда начинали выстукивать одновременно. Черный коридор с редко разбросанными лампами, казалось, был бесконечен, и шумящий в нем ветер будто исходил из бездонной пустоты.

— С-и-м-о-н — с-л-ы-ш-и-ш-ь — е-г-о, — медленно, неровно стучало в трубе.

— Н-е — с-л-ы-ш-у — н-е — с-л-ы-ш-у...

Пиркс яростно оттолкнулся от стены и, сжавшись, подогнув ноги, камнем полетел вниз по коридорам, все слабее освещенным. Тонкая

рыжеватая пыль вокруг ламп носилась все гуще, и Пиркс понял, что корма уже недалеко. Тяжелые двери реакторной были приоткрыты. Пиркс заглянул туда.

В камере было холодно. Компрессоры, остановленные на ночь, молчали, и только странным, почти человеческим голосом бормотал скрытый в бетонной стене трубопровод, когда пузыри воздуха пробивали себе дорогу сквозь густеющую жидкость.

Терминус, забрызганный цементом, работал. Над его качающейся головой ожесточенно жужжал вентилятор. Пиркс, не прикасаясь к ступеням лестницы, спустился вниз.

Железные руки автомата слабо позвякивали, свежий слой цемента приглушал их удары.

— Н-е — с-л-ы-ш-у — п-р-и-е-м...

То ли случайно, то ли потому, что приказ о замедлении ударов исходил из того же источника, который посылал знаки азбуки Морзе, труба звенела все слабее. Пиркс стоял рядом с автоматом. Членистые сегменты его живота, заходившие один за другой, когда он наклонялся, напоминали брюшко насекомого. В стеклянных глазах дрожали миниатюрные отражения ламп. Уставившись в эти глаза, Пиркс вдруг почувствовал, что он совсем один в этой пустой камере с отвесными стенами. Терминус не знал, что делает, он был машиной, передающей закрепленные в памяти серии звуков, ничем больше. Удары все слабели.

— С-и-м-о-н — о-т-з-о-в-и-с-ь, — с трудом разбирал Пиркс.

Ритм распадался. Пиркс притронулся к трубе в каком-нибудь полуметре от согнувшие-

гося работа. Костяшки его пальцев стукнули по металлу, и передававшаяся в это время серия ударов на миг оборвалась. Повинуясь внезапному импульсу, Пиркс, не успев осознать, насколько дико его желание вмешаться в разговор давно ушедших лет, начал быстро постукивать:

— П-о-ч-е-м-у — м-о-м-с-с-е-н — н-е — о-т-в-е-ч-а-е-т — п-р-и-е-м...

Почти одновременно с первым его ударом по трубе стукнул и Терминус. Звуки слились. Рука автомата замерла, словно услышав его, а когда он кончил, принялась забивать цемент в щель соединения. Труба зазвенела:

— У — н-е-г-о — к-о-н-ч-а...

Пауза. Терминус нагнулся, чтобы зачерпнуть цементного теста. Что это было: начало ответа? Пиркс, затаив дыхание, ждал. Автомат, выпрямившись, стремительно бросал и трамбовал цемент, и в трубе послышались ускоряющиеся удары:

— С-и-м-о-н — э-т-о — т-ы...

— Г-о-в-о-р-и-т — с-и-м-о-н — н-е — я — к-т-о — г-о-в-о-р-и-л — к-т-о — г-о-в-о-р-и-л...

Пиркс втянул голову в плечи. Удары сыпались, как град:

— К-т-о — г-о-в-о-р-и-л — о-т-з-о-в-и-с-ь — к-т-о — г-о-в-о-р-и-л — к-т-о — г-о-в-о-р-и-л — э-т-о — с-и-м-о-н — э-т-о — в-а-й-н — к-т-о — г-о-в-о-р-и-л — о-т-з-о-в-и-с-ь...

— Терминус! — крикнул Пиркс. — Перестань! Перестань!

Треск прекратился. Терминус выпрямился, но его плечи и руки подергивались, весь его корпус била железная лихорадка, и по этим

спазматическим толчком Пиркс продолжал читать:

— К-т-о — г-о-в-о-р-и-л — к-т-о — к-т-о...

— Перестань!!! — крикнул он еще раз.

Он смотрел на автомат сбоку — тяжелые плечи вздрагивали, и блики света, отражаясь от панциря, повторяли:

— К-т-о — к-т-о...

Словно опустошенный бурей, прошедшей сквозь него, автомат деревенел. Поднимаясь над полом, он с грохотом стукнулся о горизонтальное ответвление трубопровода и повис, будто зацепившись за трубу, совершенно недвижно; но, взглядевшись, Пиркс уловил еле заметное подергивание металлической руки:

— К-т-о...

Пиркс и сам не знал, как оказался в коридоре. Вентиляторы шумели. Пиркс плыл навстречу идущему с верхних палуб холодному сухому ветру. Огни ламп светлыми кругами передвигались по его лицу.

Двери каюты были приоткрыты. На столе горела лампа, отбрасывая на пол узкие полоски света. Потолок тонул во мраке.

Кто это был? Кто так звал его? Симон? Вайн? Но ведь их не было! Они погибли девятнадцать лет назад!

Так кто же это был? Терминус? Но он только чинил трубопровод. Пиркс хорошо знал, что услышит, если попытается расспрашивать его: болтовню о рентгенах, утечках и пломбах. Терминус даже не подозревает, что его руки работают в каком-то призрачном ритме.

Одно ясно: эта запись — если это запись — не мертва. Кем бы ни были эти люди — эти

голоса, эти удары, — с ними можно говорить. Если только хватит мужества...

Он оттолкнулся от потолка и неуверенно подплыл к противоположной стене. К черту! Ему хотелось ходить, ходить быстрыми шагами, чувствовать свой вес, ударить изо всей силы кулаком по столу! Это, казалось бы, такое удобное состояние, при котором предметы и собственное тело превращаются в нематериальные тени, было похоже на кошмар. Все, к чему он прикасался, отодвигалось, отплывало, неустойчивое, лишенное опоры, становилось надутой пустотой, видимостью, сном...

Сном?

Погоди. Если мне кто-то снится и я задаю ему вопрос, то я не знаю ответа, пока он не слетит с его губ. А ведь этот приснившийся мне человек не существует за пределами моего мозга, он лишь временно обособленная его часть. Каждый раздваивается так почти ежедневно, вернее, еженощно, давая начало мимолетным, возникающим в мозгу одного человека псевдоиндивидуальностям. Это могут быть существа вымышленные или взятые из жизни. Разве не снятся нам зачастую мертвые? Разве не разговариваем мы с ними?

Мертвые...

Неужели Терминус?..

Полубессознательно кружа по каюте, проплывая от одной стены к другой, Пиркс добрался до дверей и ухватился за них. Ему был виден темный отрезок коридора с падающей во тьму полосой света.

Вернуться туда?

Вернуться — и спрашивать?

Это какое-то физическое явление, более сложное, чем обычная запись: автомат — это ведь не прибор для фиксирования звуков. В нем возникла запись, наделенная некоторой самостоятельностью, изменчивостью. Запись, которой — как странно это ни звучит — можно задавать вопросы и узнать... все! Узнать о судьбе Симона, Нолана, Поттера и об этом непонятном, пугающем молчании командира...

Можно представить себе какое-нибудь другое объяснение?

Пожалуй, нет.

Пиркс был уверен в этом и все же не двинулся с места, словно ждал чего-то. В конце концов, нет тут ничего, кроме движения токов внутри железного ящика. Никого живого, ни одного существа, гибнущего во тьме разбитого корабля. Наверняка ничего!

Выстукивать вопросы под стеклянным взором Терминуса? Но ведь они, вместо того чтобы по порядку рассказывать свою историю, начнут звать его, просить кислорода, молить о спасении! Что ответить? Что они не существуют? Что они только «псевдоиндивидуальности», изолированные островки электронного мозга, его бред? Что их страх — только имитация страха, а их агония, повторяющаяся каждую ночь, стоит не больше, чем заигранная пластинка? Он еще помнил вызванный своим вопросом стремительный взрыв ударов, тот крик, которым, полные изумления и внезапно проснувшейся надежды, они призывали его, — эту бесконечно повторяющуюся настойчивую, торопливую мольбу: «Отзовись! Кто говорит? Отзовись!!» Он еще чувствовал

на кончиках пальцев отчаяние и неистовство этих ударов.

Они не существуют? А кто же тогда его звал, кто молил о помощи? И какой толк, если специалисты скажут, что за этими криками нет ничего, кроме циркуляции зарядов и колебаний, возбужденных резонансом пластин?

Пиркс сел за стол. Выдвинул ящик. Яростно придавил с шелестом вздыбившиеся бумаги, достал ту, которую искал, разложил перед собой и старательно разгладил, чтобы она не взлетела от дыхания. Одну за другой он стал заполнять печатные рубрики:

Модель:	<i>AST-PM-105/0044.</i>
Тип:	<i>Универсальный ремонтный.</i>
Название:	<i>Терминус.</i>
Род повреждения:	<i>Распад функций.</i>
Выводы:	

Пиркс задумался. Он приближал перо к бумаге и опять отводил. Он размышлял о невиновности машин, которых человек наделил способностью мыслить и тем самым сделал их соучастниками своих сумасбродств. О том, что легенда о Големе, машине, взбунтовавшейся и восставшей против человека,— ложь, придуманная, чтобы те, кто несет за все ответственность, могли эту ответственность с себя сбросить.

Выводы:	<i>Сдать на слом.</i>
----------------	-----------------------

И внизу страницы он, с застывшим лицом, подписался:

Первый навигатор Пиркс.

ОХОТА НА СЭТАВРА

Злой, как черт, Пиркс вышел из управления космопорта. И надо же, чтобы все это случилось именно с ним! Арматор не поставил груз — не поставил, и все тут. В управлении ничего не знали. Разумеется, пришла телеграмма: «Опоздание 72 часа, договорную неустойку перевозжу ваш счет — Энstrand». Больше — ни словечка. В бюро торгового представителя он тоже ничего не добился. В порту становилось тесно, и управление не удовлетворяла договорная неустойка. Простой — простоем, но лучше бы навигатор стартовал и вышел на круговую. Двигатели можно выключить, расхода топлива никакого, переждете эти три дня и вернетесь. Почему бы вам этого не сделать?

Три дня болтаться вокруг Луны только потому, что подвел арматор! Пиркс просто не знал, как возразить, но вовремя вспомнил о коллективном договоре. Ну, а когда он козырнул нормами пребывания в космосе, установленными профсоюзом, в управлении пошли на уступки. Конечно, сейчас не Год спокойного солнца. Дозы радиации не безвредны. Поэтому придется маневрировать, укрываться от Солнца за Луну, играть в пятнашки, расходуя

горючее, а кто будет оплачивать? Ясно, что не арматор,— может, управление космопорта? А вы знаете, во что обходятся десять минут полной тяги реактора мощностью семьдесят миллионов киловатт?

В конце концов он получил разрешение на стоянку, но только на ближайшие 72 часа, плюс четыре часа на погрузку всей этой многочисленной мелочи,— свинство, ни минуты больше! Можно подумать, что они делают ему одолжение. Словно это его вина. А ведь он прибыл с точностью до минуты, хотя шел с Марса не по кратчайшей, ну, а если арматор...

Из-за всего этого Пиркс почти забыл, где находится, и с такой силой нажал на ручку двери, что подпрыгнул к потолку. Он почувствовал себя неловко, оглянулся, но поблизости никого не было. Вообще Луна-сити, казалось, вымер. Правда, большие работы начались километрах в двухстах к северу, между Ипатией и Торичелли. Инженеры и техники, которые тут все заплонили месяц назад, уже выехали на Строительство. Большой проект ООН, Луна II, притягивал все больше людей с Земли. «На сей раз по крайней мере не будет хлопот с гостиницей»,— подумал Пиркс, спускаясь по эскалатору на самый нижний этаж подземного города. Плафоны излучали холодный дневной свет. Горели через один. Экономят! Толкнув стеклянную дверь, он вошел в небольшой зал. Свободные номера имелись, как же иначе. Сколько угодно. Оставив свой чемоданчик, скорее несессер, у портье, Пиркс забеспокоился: проследит ли Тиндалл за тем, как механики отшлифуют центральную дюзу? Ведь еще

на Марсе она выплевывала огонь, как средневековая митральеза! Лучше бы самому присмотреть, хозяйский глаз все же... Однако Пирксу не хотелось снова подниматься на двенадцатый этаж, тем более что все наверняка уже разошлись. Должно быть, сидят в торговом салоне космодрома и слушают новые пластинки. Пиркс шел, сам не зная куда; гостиничный ресторан был совсем пуст, словно не работал, однако за стойкой сидела рыжеволосая девушка и читала книгу. А может, заснула над ней? Ее сигарета превратилась в длинный столбик пепла на мраморной плите...

Пиркс уселся и перевел часы на местное время. Сразу сделалось поздно, десятый час. А на борту только что, пару минут назад, был полдень. Вечная карусель с внезапными перескоками времени была столь же мучительна, как и вначале, когда он только учился летать. Пиркс съел обед, превратившийся в ужин, и запил его минеральной водой, которая была, пожалуй, теплее супа. Офицант, грустный и сонный, как настоящий лунатик, ошибся при расчете, однако не в свою пользу, что было уже опасным симптомом. Пиркс посоветовал ему провести отпуск на Земле, вышел потихоньку, стараясь не разбудить спящую буфетчицу, взял у портье ключ и поехал в свой номер. Он не сразу взглянул на бляшку и испытал какое-то странное ощущение, увидев цифры 1173: в этом самом номере он уже жил однажды, когда впервые летел на «ту сторону». Открыв дверь, он убедился все же, что либо это другая комната, либо ее совсем перестроили. Нет, должно быть, ошибся — та была боль-

ше; он повернул все выключатели — темнота ему надоела, — заглянул в шкаф, выдвинул ящик маленького письменного стола, однако не стал разбирать чемодан, только бросил пижаму на кровать, а тюбик пасты и зубную щетку положил на умывальник. Вымыл руки — вода, как и следовало ожидать, была адски холодной, удивительно, как это она не замерзла. Повернул кран теплой — вылилось несколько капель. Подошел к телефону, чтобы позвонить администратору, но опять передумал. Конечно, это скандал. Город на Луне обжили, а невозможно добиться, чтобы в гостиницу всегда подавали теплую воду! Включил радио. Как раз передавали вечерний выпуск — лунные известия. Пиркс почти не слушал, раздумывая, не послать ли телеграмму арматору. Разумеется, за свой счет. Впрочем, и это ничего не даст. Романтические времена космонавтики давно миновали, теперь ты просто возница, зависящий от тех, кто грузит товары в фургон! Фрахт, страховка, плата за стоянку... Радио что-то неразборчиво бормотало. Стоп, что оно говорит?.. Он дотянулся через кровать к аппарату и повернул ручку. «...по-видимому, остатки потока Леонид*, — наполнил комнату мягкий баритон диктора. — Только один жилой сектор был поврежден прямым попаданием и утратил герметичность. По счастливому стечению обстоятельств лица, живущие в нем,

---

* Леониды — метеорный поток, орбиту которого Земля пересекает 13—14 ноября. Обильные метеоритные дожди, связанные с этим потоком, наблюдаются каждые 33 года. — *Прим. перев.*

находились на работе. Остальные метеориты не нанесли значительных повреждений, за исключением одного, который пробил перекрытие складов. Как сообщает наш корреспондент, шесть универсальных автоматов, предназначенных для работ на территории Строительства, подверглись полному уничтожению. Была повреждена также линия высокого напряжения и прервана телефонная связь, которую, однако, через три часа удалось восстановить. Повторяем важнейшие сообщения. Сегодня утром состоялось открытие Панафриканского конгресса...»

Пиркс выключил радио и уселся. Метеориты? Какой-то поток? Конечно, сейчас время Леонид, но ведь прогнозисты всегда накликают беду, точь-в-точь как на Земле синоптики... Строительство идет, кажется, севернее города. Но атмосфера есть атмосфера: ее отсутствие основательно дает о себе знать. Шесть автоматов... вот вам, пожалуйста! Хорошо хоть люди целы. Дурацкая история, однако, — пробило перекрытия! Да, этому проектировщику...

Пиркс почувствовал себя окончательно измотанным. Время совершенно перепуталось. Между Марсом и Землей у них, должно быть, выпал вторник, после понедельника сразу же наступила среда; в результате не досчитались также одной ночи. «Поэтому надо выспаться, и притом про запас», — подумал он, встал и машинально шагнул в сторону крохотной ванной, но, вспомнив о ледяной воде, вздрогнул, круто повернулся и через минуту лежал в постели. Куда ей до космолетной койки! Рука автоматически поискала ремни для пристеги-

вания одеяла; не найдя их, Пиркс слегка усмехнулся; он и забыл, что в гостинице внезапное исчезновение тяжести не угрожало...

Это была его последняя мысль; открыв глаза, он не сразу понял, где находится. Царила тьма египетская. «Тиндалл!» — захотелось ему позвать помощника, и неожиданно, совершенно непонятно почему, он вспомнил, как помощник, охваченный ужасом, однажды выскочил в пижамных штанах из каюты и отчаянно крикнул вахтенному: «Друг! Умоляю, скажи, как меня зовут?!» Бедняга ошалел, потому что, выдумав себе какую-то желудочную болезнь, уничтожил целую бутылку рому. Однако этим кружным путем мысль Пиркса тотчас вернулась к действительности. Он встал, включил лампу, залез под душ, вспомнил о воде и пустил сначала тоненькую струйку — вода была теплая, он вздохнул, потому что мечтал о горячей ванне, но через минуту под струями воды, бьющими в лицо, начал даже напевать.

Он надевал чистую рубашку, когда динамик — Пиркс понятия не имел, что этот предмет находится в номере, — проговорил басом:

«Внимание! Внимание! Передаем важное сообщение. Всех мужчин, способных носить оружие, просят немедленно явиться в управление космопорта, комната номер 318, к инженер-капитану Аганяну. Повторяю. Внимание, внимание...»

Пиркс так удивился, что целую минуту неподвижно стоял в одной рубашке и носках. Что это? Первоапрельские шуточки? Способных носить оружие? Может, он еще спит? Размахивая руками, чтобы быстрее надеть рубаш-

ку, он ушибся о край стола, да так, что его бросило в жар. Нет, это не сон. Тогда что же? Вторжение? Марсиане захватывают Луну? Что за вздор! Во всяком случае, надо идти...

Пока он надевал брюки, что-то нашептывало ему, что именно так и должно было произойти... раз уж он здесь. Такая уж у него судьба — притягивать приключения...

Когда Пиркс выходил из комнаты, стрелки показывали восьмой час. Он хотел узнать у первого встречного, что же произошло, но в коридоре никого не было, на эскалаторе тоже, словно только что прошла всеобщая мобилизация, словно все уже где-то, черт знает где, дрались на передовой... Он бежал вверх по эскалатору, который и без того двигался быстро. Спешил, словно и в самом деле боялся, что потеряет случай совершить героический подвиг... Наверху он заметил ярко освещенный стеклянный киоск с газетами, подбежал к окошку, чтобы задать наконец вопрос, но ларек был пуст. Газеты продавал автомат. Пиркс купил пачку сигарет и газету, которую просмотрел, не сбавляя шага, однако не нашел в ней ничего, кроме описания метеоритной катастрофы. Может, дело в ней? А при чем тогда оружие?.. Нет, конечно. По длинному коридору он подошел к управлению и увидел наконец людей. Кто-то как раз входил в комнату номер 318, кто-то приближался к ней с противоположного конца коридора.

«Теперь уж я ничего не узнаю, не успею», — подумал Пиркс, оправил китель и вошел. Это была небольшая комната с тремя окнами, за которыми пылал искусственный лунный пейзаж.

заж неприятного цвета раскаленной ртути. В более узкой части трапецевидной комнаты стояли два письменных стола, а все пространство перед ними было уставлено стульями, принесенными, видимо, второпях: почти все они были разными. В комнате находились человек четырнадцать-пятнадцать, в основном мужчины среднего возраста и несколько юношей с нашивками курсантов космической навигации. Отдельно сидел какой-то пожилой капитан, другие стулья пока пустовали. Пиркс уселся возле курсанта, который тут же рассказал ему, что накануне они прилетели вшестером, чтобы пройти практику на той стороне Луны, но в их распоряжении был только маленький аппарат, так называемая «блоха», который взял лишь троех, остальным пришлось ждать своей очереди, а тут внезапно случилась эта история. Не знает ли чего-нибудь навигатор?.. Но навигатор сам ничего не знал. По выражению лиц можно было определить, что и остальные застигнуты врасплох необычным вызовом, — пожалуй, все они пришли из гостиницы. Курсант, вспомнив, что обязан представиться, выполнил несколько гимнастических упражнений, едва не опрокинув при этом стул. Пиркс подхватил стул за спинку, но тут дверь отворилась и вошел невысокий черноволосый человек с тронутыми сединой висками; у него были выбритые до синевы щеки, мохнатые брови и маленькие пронизательные глаза. Он молча прошел между стульями к письменному столу, раскрутил подвешенный к потолку рулон с картой в масштабе 1:1 000 000 и, потерев ребром ладони мясистый нос, сказал без всякого вступления:

— Здравствуйте, я Аганян, объединенное руководство Луны I и Луны II временно уполномочило меня руководить операциями по обезвреживанию Сэтавра.

Присутствующие зашевелились, но Пиркс по-прежнему ничего не понимал, не знал даже, что такое Сэтавр.

— Те из вас, кто слушал радио, знают, что здесь,— Аганян указал линейкой на окрестности кратера Ипатии и Альфрагануса,— вчера выпал рой метеоритов. Сейчас нас не интересует ущерб, нанесенный метеоритами; однако один из них, пожалуй самый большой, пробил перекрытия складов В7 и R7, причем в последнем находилась партия Сэтавров, доставленных с Земли всего четыре дня назад. В сообщениях передавалось, что все они уничтожены, однако это не соответствует действительности.

Курсант, сидевший подле Пиркса, слушал с пунцовыми ушами, даже рот приоткрыл, точно боялся упустить хоть одно слово. Аганян же продолжал рассказывать:

— Обвалившийся свод раздавил пять роботов. Шестой уцелел. Точнее, был поврежден — мы так считаем, поскольку он выбрался из-под развалин и начал с этого момента вести себя, как, как...— Аганян не нашел подходящего слова и продолжал, не закончив фразы:— склады находятся у боковой ветки узкоколейной дороги, в пяти милях от временной посадочной площадки. Сразу же после катастрофы начались спасательные работы, и в первую очередь была проведена перекличка, чтобы выяснить, не погребен ли кто-нибудь из личного

состава под развалинами. Эта операция длилась около часа; тем временем обнаружилось, что сектор центрального управления работ утратил от сотрясения герметичность, и операция затянулась до полуночи. Около часа ночи выяснилось, что авария высоковольтной линии, питающей всю территорию Строительства, а также нарушение телефонной связи были вызваны не метеоритами — кабель был рассечен... лучом лазера.

Пиркс зажмурился. Ему упорно казалось, что он участвует в каком-то спектакле, в маскарade, ибо такие события не могли происходить наяву. Фиолетовый лазер. Да неужели! Может, его провез марсианский шпион? Но инженер-капитан не походил на человека, который поутру собирает постояльцев гостиницы, чтобы сыграть с ними глупую шутку.

— Телефонную связь восстановили в первую очередь, — рассказывал Аганян, — а тем временем малый вездеход аварийной службы, который добрался до места, где был рассечен кабель, утратил радиотелеграфную связь с управлением Луна-сити; в три часа утра стало известно, что вездеход был обстрелян из лазера и после нескольких попаданий загорелся. Водитель и его помощник погибли, а два члена экипажа, которые, к счастью, уже надели скафандры, потому что готовились выйти на ремонт линии, успели выпрыгнуть и укрыться в пустыне, то есть в *Mare Tranquillitalis*, приблизительно здесь. — Аганян указал линейкой район Море Спокойствия, удаленный километров на четыреста от небольшого кратера Араго.

— Ни один из них, насколько мне известно, не видел нападавшего. Просто в определенный момент они почувствовали очень сильный термический удар и вездеход загорелся. Они выпрыгнули, прежде чем взорвались баллоны со сжатым газом, их спасло отсутствие атмосферы, потому что взорвалась только та часть горючего, которая могла соединиться с кислородом внутри вездехода. Один из этих людей погиб — при не установленных пока обстоятельствах, а другому удалось вернуться на территорию Строительства. Он пробежал в скафандре около семидесяти километров и израсходовал весь свой запас воздуха; наступила аноксия — кислородное голодание; к счастью, его подобрала, и сейчас он находится в госпитале. Сведения о том, что с ним произошло, взяты из его рассказа и нуждаются поэтому в подтверждении.

Наступила мертвая тишина. Пиркс начал понимать, что все это значит, однако еще не верил, не хотел верить...

— Вы, безусловно, догадываетесь, — продолжал ровным голосом черноволосый человек, который угольно-черным силуэтом выделялся на фоне лунного пейзажа, пылающего ртутью, — что тем, кто перерезал телефонный кабель и линию высокого напряжения, а также напал на вездеход, был уцелевший Сэтавр. Это пока мало изученная модель, так как в серийное производство она запущена лишь в прошлом месяце. Вместе со мной сюда должен был прийти инженер Кларнер, один из конструкторов Сэтавра, чтобы подробно разъяснить вам как возможности этой модели, так и сред-

ства, которыми следует теперь воспользоваться, чтобы обезвредить ее или уничтожить...

Курсант, сидевший рядом с Пирксом, тихонько взвыл. Этот вой был проявлением наивысшего восторга, даже не пытающегося надеть личину ужаса. Юноша не заметил укоризненного взгляда навигатора. Впрочем, никто сейчас не замечал и не слышал ничего, кроме голоса инженер-капитана.

— Я не интэлектроник и не могу рассказать о Сэтавре. Но среди присутствующих должен находиться доктор Маккорк. Он здесь?

В ряду перед Пирксом поднялся высокий, худой человек в очках.

— Я здесь. Я не принимал участия в проектировании Сэтавров, знаю только нашу, английскую модель, близкую к американской, но не идентичную ей. Все же различия не очень велики. Могу быть полезным...

— Великолепно. Прошу вас, доктор, подойдите сюда... Я только вкратце остановлюсь на существующем положении: Сэтавр находится где-то здесь,— концом линейки Аганян указал на «берег» Моря Спокойствия,— то есть на расстоянии 30—80 километров от территории Строительства. Как и все Сэтавры, он предназначался для горных работ в очень тяжелых условиях, при высокой температуре, при повышенной опасности обвалов, поэтому модель имеет массивный корпус и покрыта толстой броней... Но об этом подробнее скажет доктор Маккорк. Какими средствами мы располагаем, чтобы обезвредить Сэтавра? Руководители всех лунных баз выделили нам некоторое количество взрывчатки — динамита и окисли-

квита^{*}, а также ручные лазеры ближнего действия и горные лазеры, причем ни эти взрывчатые вещества, ни лазеры не носят, разумеется, характера боевых средств. Группам, действующим с целью уничтожения Сэтавра, будут приданы для передвижения вездеходы ближнего и среднего радиуса действия, в том числе два вездехода, покрытых легкой противометеоритной броней. Только такая броня выдерживает удар лазерного луча с расстояния около километра. Правда, данные эти относятся к Земле, где атмосфера сильно поглощает энергию излучения. Здесь атмосферы нет, и, значит, эти вездеходы по сравнению с остальными будут подвергаться лишь ненамного меньшей опасности. Мы получили также много скафандров и кислорода; боюсь, что это и все. Около полудня из советского сектора прилетит «блеха» с экипажем из трех человек; в принципе она может принять на борт четырех человек, чтобы перебросить их на короткую дистанцию в глубь района, где находится Сэтавр. Пока на этом закончу. Я передаю вам лист бумаги, на котором прошу разборчиво написать фамилии и указать специальность. Тем временем, быть может, доктор Маккорк пожелает сказать несколько слов о Сэтавре. Самое важное, как я полагаю, указать ахиллесову пяту...

Маккорк стоял рядом с Аганяном. Он был еще более худым, чем показалось Пирксу ранее; торчащие уши, слегка треугольный череп,

---

^{*} Оксидликвит — взрывчатое вещество, состоящее из пористого углеродистого материала, пропитанного жидким кислородом. — *Прим. перев.*

почти незаметные брови, неопределенного цвета шевелюра — и при всем том Маккорк вызывал удивительную симпатию.

Сначала он снял очки в стальной оправе, словно они мешали ему, положил их на край стола перед собой и лишь после этого начал говорить:

— Я солгал бы, утверждая, что мы предвидели подобные случаи. Но, помимо формул, у кибернетика в голове должно быть хоть чуточку интуиции. Именно поэтому мы до сих пор не решились передать нашу модель в серийное производство. Лабораторные испытания продемонстрировали высокое совершенство Мефисто — так называется наша модель. Сэтавр отличается от него лучшей балансировкой возбуждения и торможения. По крайней мере так я считал до сих пор, опираясь на литературные источники, — теперь я в этом не столь уверен. Название наводит на мысль о мифологии, но является просто сокращением слов Самопрограммирующийся электронный трехблочный автомат с рацемической памятью, поскольку в конструкции его мозга использованы как право-, так и левовращающие псевдокристаллические мономеры. В данный момент это, по-видимому, не играет роли. Автомат снабжен фиолетовым лазером для горных работ, энергию для световых импульсов дает микрокотел, действие которого основано на принципе холодной цепной реакции, благодаря чему Сэтавр, насколько я помню, может развивать в импульсе мощность порядка 45 000 киловатт.

— Какой у него срок службы? — спросил кто-то.

— С нашей точки зрения — вечный, — мгновенно ответил худощавый доктор. — Во всяком случае, многолетний. Что же, собственно, могло случиться с этим Сэтавром? Попросту говоря, я думаю, что он получил удар по голове. Удар оказался необычайно сильным: ведь, в конце-то концов, даже здесь, на Луне, обрушившееся здание может повредить хромоникелевый череп. Что же произошло? Подобных экспериментов мы никогда не проводили: они стоили бы слишком дорого, — Маккорк неожиданно усмехнулся, показав ровные, мелкие зубы, — однако в целом известно, что четко локализованное повреждение небольшого, то есть сравнительно простого, мозга, иными словами, обычной цифровой машины, приводит к полному распаду функций. Но чем ближе мы подходим к имитации процессов, происходящих в человеческом мозге, тем в большей степени такой сложный мозг оказывается способным функционировать, несмотря на частичные повреждения. Мозг животного, например кошачий, имеет определенные центры, возбуждение которых вызывает реакцию, внешне напоминающую взрыв агрессивной ярости. Мозг Сэтавра устроен иначе, но обладает неким общим приводом, мотором активности, которую можно направлять по разным каналам. Так вот, произошло какое-то прямое подключение этого центра активности к блоку с программой разрушения. Я излагаю вопрос, разумеется, с предельными упрощениями.

— А откуда взялась эта программа разрушения? — спросил тот же голос, что и раньше.

— Это ведь автомат, предназначенный для горных работ, — пояснил доктор Маккорк. — Его задача — проходить штольни, штреки, бурить скальные породы, дробить особо твердые минералы, вообще разрушать плотные сгустки вещества, разумеется не всюду и не всякие; но в результате травмы в мозгу Сэавра возникло известное обобщение программы. Впрочем, моя гипотеза может оказаться совершенно ложной. Эта проблема, чисто теоретическая, приобретет существенный интерес позднее, когда мы сделаем из его шкуры ковер. Пока важнее всего уяснить, на что способен Сэавр. Он может передвигаться со скоростью 50 километров в час, причем по любой местности. Он совершенно не нуждается в смазке, все трущиеся поверхности в суставах работают на тефлоне. Он снабжен магнитной экранировкой, броню его не пробивает пистолетная или винтовочная пуля; подобные испытания не проводились, но думаю, что только бронебойный снаряд... у нас ведь нет таких орудий, правда?

Аганян отрицательно покачал головой. Он взял список, который успел к нему вернуться, и принялся читать, ставя против фамилий маленькие значки.

— Разумеется, взрыв достаточно большого заряда разрушит Сэавра, — продолжал спокойно Маккорк, словно говорил о самых обычных вещах. — Но предварительно нужно приблизить к нему такой заряд, и я опасаясь, что это будет нелегкой задачей.

— Где именно помещается у него лазер? В голове? — спросил кто-то из аудитории.

— У него нет головы, только выступ, некое

вздутие между плечами. Это должно повышать его сопротивляемость при обвалах. Рост Сэтавра 220 сантиметров, и, значит, стреляет он с высоты двух с чем-то метров; глазок лазера защищен металлическим веком; при неподвижном корпусе зона обстрела у Сэтавра равна тридцати градусам, бóльшая зона обстрела достигается благодаря поворотам всего корпуса. Мощность лазера составляет 45 000 киловатт; каждый специалист поймет, что это очень большая мощность, поэтому луч легко пробивает стальную плиту толщиной несколько сантиметров...

— С какой дистанции?

— Это фиолетовый лазер, у него, следовательно, весьма малый угол расхождения светового пучка... поэтому дистанция практически ограничена полем зрения; на равнине горизонт отстоит здесь на два километра, и по меньшей мере таким же будет радиус поражения.

— Мы получили специальные горнопроходческие лазеры в шесть раз большей мощности, — вставил Аганян.

— Но ведь это просто то, что американцы называют overkill — сверхуничтожение, — возразил Маккорк, слегка усмехаясь, — эта превосходящая мощность лазера не дает в поединке с Сэтавром никакого преимущества...

Кто-то спросил, нельзя ли уничтожить автомат с борта космического корабля. Маккорк признал себя некомпетентным. Аганян, заглянув в список, сказал:

— Здесь присутствует навигатор первого ранга Пиркс... Быть может, он разъяснит нам этот вопрос?

Пиркс встал.

— Теоретически корабль среднего тоннажа, как мой «Кювье», с массой покоя 16 000 тонн мог бы, безусловно, уничтожить такого Сэтавра, если б накрыл его своей реактивной струей... Температура выхлопной плазмы превышает 6000 градусов на расстоянии 900 метров, — этого, видимо, хватило бы?..

Маккорк кивнул.

— Но это чисто спекулятивное рассуждение, — вновь заговорил Пиркс. — Ведь надо было бы прицелиться кораблем, а столь малая мишень, как Сэтавр, ростом всего с человека, сумеет ускользнуть, если не закреплена неподвижно, потому что боковая скорость корабля, маневрирующего у поверхности планеты, в ее поле тяготения, очень мала и не может быть даже речи о высшем пилотаже. Таким образом, остается лишь возможность использовать малые корабли, скажем каботажный флот Луны. Однако у них слабый выхлоп со сравнительно небольшой температурой, значит, если использовать такое суденышко в качестве бомбардировщика, то, вероятно... ведь для точной бомбардировки нужны специальные приборы, прицелы, которыми Луна не располагает. Я не усматриваю такой возможности. Разумеется, можно и даже нужно использовать эти малые машины, но только с целью разведки, то есть обнаружения автомата.

Он хотел уже сесть, когда внезапно ему пришла в голову новая мысль.

— Верно, — сказал он, — реактивные ранцы. Их можно использовать. Точнее, их могут

использовать люди, умеющие с ними обращаться.

— Это те маленькие индивидуальные ракеты, которые прикрепляются к спине?—спросил Маккорк.

— Да. С их помощью можно делать прыжки в высоту и даже повисать неподвижно; в зависимости от модели и типа длительность полета составляет от одной до нескольких минут, а достигаемая высота — от 50 до 400 метров...

Аганян встал.

— Это, пожалуй, существенно. Кто из присутствующих прошел тренировку с этими аппаратами?

Поднялись две руки. Потом еще одна.

— Только трое?.. — протянул Аганян. — А, и вы также? — добавил он, увидев, что Пиркс, сориентировавшись, лишь теперь поднял руку. — Всего, значит, четверо. Пожалуй, маловато... Поищем еще среди персонала космодрома. Речь идет, ясное дело, о добровольном участии. Именно с этого мне следовало начать. Кто из вас хочет принять участие в операции?

Стало шумно, потому что все присутствующие поднялись с мест.

— Благодарю от имени руководства, — сказал Аганян. — Это хорошо... Итак, мы имеем... семнадцать добровольцев. Нам обеспечена поддержка трех подразделений Лунного флота, и, кроме того, мы располагаем десятью водителями и радистами для обслуживания вездеходов. Прошу всех оставаться на месте, а вас, — он обратился к Маккорку и Пирксу, — прошу пройти со мной к начальству...

Около четырех часов пополудни Пиркс сидел в башенке большого гусеничного вездехода, подпрыгивая от резких толчков; на нем был скафандр, на коленях лежал шлем, который можно было надеть по первому сигналу тревоги, а на шее висел тяжеленный лазер, рукоятка которого немилосердно колотила Пиркса по груди; в левой руке он держал микрофон, а правой поворачивал перископ, наблюдая за растянувшимся в длинную цепь отрядом вездеходов, которые, словно яхты, колыхались на волнистых равнинах Моря Спокойствия. Это пустынное «море» полыхало солнечным блеском от одного черного горизонта до другого. Пиркс принимал и передавал донесения, разговаривал с Луной I, с командирами других машин, с пилотами разведывательных кораблей, крохотный огонек выхлопа которых возникал иногда среди звезд черного неба, и все же временами не мог отделаться от впечатления, что это какой-то запутанный и нелепый сон.

События принимали все более бурный оборот. Не одному Пирксу казалось, что руководство Строительства поддалось чему-то вроде паники; что, в конце-то концов, мог сделать один автомат, недоумок, даже вооруженный лучеметом? Поэтому, когда на втором совещании «на высшем уровне», состоявшемся в полдень, кто-то предложил обратиться в ООН или хотя бы попросить у Совета Безопасности «специальной санкции» на ввоз артиллерийского оружия (лучше всего боевых ракет) или, быть может, даже атомных снарядов, Пиркс

вместе с другими запротестовал, говоря, что, не успев никого победить, они станут посмешищем для всей Земли.

Впрочем, было ясно, что подобного решения международного органа надо ждать много дней, если не недель; тем временем «сумасшедший» робот может забрести бог знает куда, а до того, кто спрятался в недоступных трещинах лунной коры, не доберутся уже никакие орудия; надлежало поэтому действовать быстро и решительно. Тогда выяснилось, что наибольшую трудность составит проблема связи — слабое место всех лунных мероприятий. Имелось около 3000 патентов на различные изобретения, которые пытались улучшить эту связь, от сейсмического телеграфа (с использованием микровзрывов в качестве сигналов) до «тройных» стационарных спутников. Такие спутники были выведены на орбиту еще в прошлом году, что, однако, никак не улучшило существующего положения.

Практически задачу решали при помощи системы ультракоротковолновых передатчиков, вынесенных на мачты; это очень походило на прежние земные ретрансляционные линии допутникового телевидения. Такая система была надежнее спутниковой связи, поскольку инженеры все еще ломали головы, как сделать орбитальные передатчики нечувствительными к «солнечному ветру». Любой скачок активности Солнца и вызванные им «ураганы» электрически заряженных частиц высокой энергии, которые пронизывали космическое пространство, тут же создавали помехи, затруднявшие связь и продолжавшиеся зачастую по несколь-

ку дней. В настоящее время как раз бушевал один из таких «солнечных тайфунов», поэтому сообщение между Луной I и Строительством шло по линии наземных передатчиков и успех «Операции Сэтавр» зависел в значительной мере от того, не придет ли «мятежнику» охота уничтожить фермы мачт, сорок пять штук которых находилось в пустыне, отделяющей Луна-сити с космодромом от территории Строительства. При условии, конечно, что автомат по-прежнему будет рыскать в их окрестностях.

Он обладал полной свободой маневрирования, не нуждался ни в горючем, ни в кислороде, ни в сне или отдыхе; он был столь автономен, что многие инженеры лишь теперь по настоящему осознали, какую совершенную машину создали они собственными руками, — дальнейших поступков ее никто не мог предугадать. Ибо, разумеется, продолжались начатые еще ранним утром прямые переговоры Луна — Земля между командованием операцией и фирмой «Кибертроникс» — ее штабом конструкторов Сэтавра, но у них не удалось узнать ничего такого, что ранее не сказал бы доктор Маккорк. Только профаны пытались еще уговорить специалистов предсказать тактику автомата при помощи большой вычислительной машины.

Были ли Сэтавр разумен? Конечно, но по-своему! Эта «излишняя», а в данный момент и весьма вредная «разумность» машины вызывала гнев у многих участников операции: они не могли понять, чего ради инженеры наделили машину, предназначенную только для горных работ, такой свободой и самостоятельностью действий. Маккорк спокойно растолковал, что

«интэлектронное завышение» представляет собой — на нынешнем этапе развития техники — то же самое, что и избыточный запас прочности, которым, как правило, обладают традиционные машины и двигатели. Это аварийный резерв, предназначенный повысить безопасность и надежность функционирования, ибо невозможно заранее предвидеть, в каких ситуациях окажется машина, будь она энергетической или информационной.

Таким образом, никто, по существу, не имел ни малейшего понятия, что предпримет Сэтавр. Конечно, отовсюду — в том числе и с Земли — специалисты присылали по телеграфу свои советы; беда только, что они оказывались диаметрально противоположными. Одни предполагали, что Сэтавр попытается уничтожить «искусственные» объекты, вроде мачт высокого напряжения или ретрансляционных вышек, другие, напротив, считали, что он растратит свою энергию на непродуктивное уничтожение всего, что стоит у него на пути, будь то лунная скала или вездеход с людьми. Первые склонялись к идее немедленной атаки с целью уничтожить Сэтавра, вторые советовали избрать тактику выжидания.

Их мнения сходились только в том, что обязательно надо следить за передвижениями Сэтавра. Поэтому лунная флотилия в составе двенадцати звеньев уже с утра патрулировала Море Спокойствия и непрерывно посылала донесения группе, обороняющей территорию Строительства и находящейся в постоянном контакте с управлением космодрома. Было нелегко увидеть Сэтавра, кусок металла, в

огромной скалистой пустыне, покрытой лавовыми полями, трещинами, полузасыпанными расщелинами и усеянной к тому же оспинами миниатюрных кратеров.

Если б эти донесения были отрицательными! Но ведь патрулирующие экипажи уже неоднократно поднимали тревогу, сообщая, что обнаружили «сумасшедшего», который оказывался впоследствии скалой какой-то особенной формы или куском лавы, искрящимся в лучах Солнца. Даже применение ферроиндукционных искателей наряду с локаторами не очень-то помогало: ведь от исследовательских экспедиций времен первоначального покорения Луны на скалистых пустынях осталось огромное множество металлических баков, обгорелых гильз от ракетных патронов и всевозможной жестяной рухляди, которая то и дело становилась причиной новых тревог. Так что командование операцией даже хотело, чтобы Сэтавр атаковал какой-нибудь объект, чтобы он наконец появился; однако он в последний раз дал о себе знать девять часов назад, атаковав маленький вездеход аварийной технической помощи электриков, и с той поры словно провалился сквозь лунную почву.

А поскольку никто не считал возможным выжидать — электроэнергия требовалась Строительству немедленно, — операция, которая охватила около 9000 квадратных километров, была основана на том, что эту территорию прочесывали две встречные волны вездеходов, направляясь друг к другу с противоположных сторон: с севера и с юга. Со стороны Строительства шла одна цепь под командованием

главного технолога Стрибра, а от космодрома Луна-сити — другая, и в ней-то при командующем, которым был капитан-навигатор Плейдар, роль координатора действий обеих сторон выполнял Пиркс. Он хорошо понимал, что в любую минуту они рискуют миновать Сэтавра, укрытого, скажем, в глубокой тектонической трещине; они не заметят его, даже если он будет просто обсыпан светлым лунным песком; Маккорк, который, как «советник-интэлектроник», ехал вместе с Пирксом, придерживался того же мнения.

Вездеход швыряло из стороны в сторону с чудовищной силой, потому что они шли на скорости, от которой, как их безмятежно предупредил водитель, «рано или поздно вытекают глаза». Они находились в восточной зоне Моря Спокойствия, и меньше часа езды отделяло их от района, где с наибольшей вероятностью мог находиться автомат. После пересечения этой условной границы весь экипаж должен был надеть шлемы, чтобы в случае неожиданного попадания в вездеход и потери герметичности или пожара можно было немедленно покинуть машину.

Вездеход, насколько можно, переделали в боевую машину: механики смонтировали на его шарообразной башенке мощный горный лазер, однако с точностью боя дело обстояло плохо. Пиркс считал ее совершенно иллюзорной, особенно по сравнению с меткостью Сэтавра. Сэтавр был оборудован автоматическим прицелом, его фотозлектрические глаза соединялись с лазером, и он мог мгновенно поразить объект, находящийся в центре поля зрения.

На вездеходе установили какой-то странный прицел, переделанный, наверно, из старого космического дальномера, и опробовали его, постреляв при выходе с лунного космодрома по скалам на горизонте. Скалы были довольно большими, расстояние не превышало мили, и все же удалось попасть в них лишь с четвертого выстрела. Тут еще раз дали себя знать условия Луны, ибо луч лазера виден как ослепительная черта только в рассеивающей среде, например в земной атмосфере; в вакууме пучок света любой интенсивности невидим до тех пор, пока не наткнется на какое-либо препятствие. Поэтому на Земле можно стрелять из лазера, как стреляют трассирующими пулями, корректируя огонь по видимой линии их полета. Лучемет без прицела был лишен на Луне практической ценности. Пиркс сказал об этом Маккорку, когда лишь несколько минут езды отделяли их от предполагаемой опасной зоны...

— Я не думал об этом, — ответил инженер и потом добавил с усмешкой: — зачем, собственно, вы мне это говорите?

— Чтобы избавить вас от иллюзий, — ответил Пиркс, не отрывая глаз от окуляра перископа. Хотя оправу окуляра и прикрывала подушечка из пенорезины, Пиркс сознавал, что очень долго (если только, разумеется, выйдет живым из этой истории) будет ходить с подбитым глазом. — А также чтобы объяснить вам, для чего мы везем с собой эту автопилку.

— Эти баллоны? — спросил Маккорк. — Я видел, как вы брали их со склада. Что в них содержится?

— Аммиак, хлор и какие-то углеводороды, — ответил Пиркс. — Думаю, что они пригодятся...

— Газо-дымовая завеса?.. — попытался угадать инженер.

— Нет, я думал скорее о каком-то способе корректировать огонь: если нет атмосферы, то надо ее создать, хотя бы временно...

— Боюсь, что нам не хватит времени...

— Может быть; я взял их на всякий случай. Против сумасшедшего лучше всего применять сумасшедшую тактику...

Они умолкли, потому что вездеход начало швырять, как мячик, амортизаторы бились и скрежетали, в любое мгновение в них могло закипеть масло. Вездеход мчался по скату, усеянному остроконечными обломками скал. Противоположный склон сверкал пемзой белизной.

— Вы знаете, чего я больше всего опасюсь? — начал Пиркс, когда рывки вездехода немного смягчились (он стал удивительно разговорчив). — Не Сэавра — совсем не его... Этих вездеходов со Странства: если хоть один примет нас за Сэавра и начнет молотить лазером, будет весело.

— Я вижу, вы все предусмотрели, — буркнул инженер.

Курсант, сидевший рядом с радистом, перекинулся через спинку своего кресла и подал Пирксу радиогамму, кое-как нацарапанную.

— Вошли опасную зону района двадцатой ретрансляционной мачты пока ничего точка стрибр точка, — прочитал громко Пиркс. — Мы тоже должны надеть сейчас шлемы...

Машина сбавила скорость, вползая на склон. Пиркс заметил, что уже не видит левого соседа, — только правый вездеход темным пятнышком полз вверх по откосу. Он приказал вызвать левую машину по радио, однако ответа не было.

— Начинаем терять связь, — спокойно сказал он. — Этого я и ожидал. Нельзя ли поднять антенну повыше? Нет? Плохо.

Они поднялись уже на вершину пологого холма. Из-за горизонта высунул свой зубчатый хребет кратер Торичелли, удаленный почти на двести километров; залитый солнцем, он резко вырисовывался на черном фоне небосклона. Равнина Моря Спокойствия почти вся осталась позади. Появились глубокие тектонические трещины, из-под крупного песка кое-где выступали базальтовые плиты, через которые вездеход переползал с трудом, задирая нос, словно яхта на волне, а потом тяжело сваливался вниз, будто собирался лететь, кувыркаясь, в бездонную пропасть. Пиркс заметил очередную ретрансляционную мачту, бросил взгляд на прижатый к колену планшет с целлулоидным верхом и приказал всем надеть шлемы. Теперь они могли разговаривать только по внутреннему телефону; оказалось, что пустыня может швырять вездеход еще сильнее, чем до сих пор, — голова болталась в шлеме, как ядрышко ореха в пустой скорлупе.

Когда, спускаясь по склону, они очутились ниже, зубчатый кратер Торичелли исчез, закрытый ближними холмами, — и почти одно-

временно исчез из виду правый сосед. Еще минуты две они слышали его позывные, потом волны, отраженные от скал, исказились и наступил так называемый «мертвый радиоштиль». Смотреть в перископ, когда на голове шлем, очень неудобно; Пирксу казалось, что либо он выбьет иллюминатор, либо разобьет окуляр. Он делал, что мог, стараясь не потерять обзор; равнина, усеянная обломками скал, колыхалась в такт с толчками машины. Перед глазами в хаотическом смещении мелькали черные как уголь тени и ослепительные поверхности скал. Внезапно крохотное оранжевое пламя выпрыгнуло во мрак далекого неба, замерцало, сжалось и исчезло. И снова блеск, немного поярче. Пиркс крикнул: «Внимание! Внизу какой-то взрыв!» — и принялся яростно крутить ручку перископа, отсчитывая азимут по прозрачной гравировке стеклянной шкалы.

— Изменить курс! — рявкнул он. — 47 запятая 8, полный вперед!

Водитель понял его, хотя так командуют, собственно, на космическом корабле; обшивки и все узлы вездехода спазматически вздрогнули, и, развернувшись почти на месте, машина рванулась вперед. Пиркс поднялся с кресла, потому что, когда он сидел, толчки отрывали его от окуляра. Новая вспышка — на этот раз малинового, перистого пламени. Однако источник вспышек или взрывов находился вне поля зрения, скрытый хребтом, на который они взбирались.

— Внимание! — сказал Пиркс. — Подготовить личные лазеры! Доктор Маккорк, подойдите к люку, по моей команде или в случае

попадания откройте его. Водитель — сбавьте скорость...

Холм, на который карабкалась машина, вздымался над пустыней, как голень какого-то лунного чудовища, наполовину погруженная в крупный песок; гладкостью эта скала и в самом деле напоминала отполированный скелет или гигантский череп; Пиркс приказал водителю въехать на вершину. Гусеницы заскрежетали, словно сталь царапала по стеклу. «Стоп!» — крикнул Пиркс; вездеход, резко заторможенный, клюнул носом скалу, закачался, амортизаторы застонали от напряжения и замерли в неподвижности.

Пиркс вглядывался в неглубокую котловину, охваченную с двух сторон вытянувшимися в лучи каменными осыпями древних магматических потоков; две трети обширной впадины лежали под ярким солнцем, последнюю треть окутывал саван абсолютного мрака. На фоне бархатной тьмы, как сатанинская драгоценность, угасал в красном свечении наполовину разрезанный остов какой-то машины. Кроме Пиркса, его видел только водитель, потому что броневые заслонки иллюминаторов были опущены.

Пиркс, по правде говоря, не знал, что делать. «Это какой-то вездеход, — раздумывал он. — Куда он обращен? На юг? Видимо, из группы Строительства, но кто же подбил его? Сэтавр? В таком случае мы стоим здесь на виду, как кретины, надо укрыться. Но где все остальные вездеходы, северные и южные?»

— Готов! — крикнул радист. Он переключ-

чил рацию вездехода на внутреннюю сеть так, чтобы все могли слышать в шлемах принимаемые сигналы.

— Котлокальный обвал. Стена обезбоувечена — повторение повторное излишне — доступ по азимуту — поликристаллическая метаморфизация... — загудел в наушниках Пиркса голос, выговаривающий слова отчетливо, монотонно и без малейшей интонации...

— Это он! — взревел Пиркс. — Сэтавр! Алло, радист! Пеленгируй, быстро пеленгируй! Давай пеленг! Черт побори! Пока он еще передает!

Он орал так, что его оглушил собственный крик, усиленный замкнутой полостью шлема; не ожидая, пока радист очнется, он прыгнул, согнувшись, под купол, схватил двойную рукоять тяжелого лазера и стал поворачивать его вместе с башенкой, прильнув глазами к окуляру прицела. Тем временем в шлеме гудел этот низкий, как бы немного грустный, размеренный голос:

— Труднодвукисное вискозное недоокрашивание, а не раскрышечные сегменты без новых однообразных включений... — бессмысленная болтовня, казалось, ослабевала.

— Где этот чертов пеленг!!!

Пиркс, не отрывая глаз от прицела, услышал неразборчивый шум: это Маккорк бросился вперед, оттолкнул радиста, послышалась какая-то возня, и тут же в наушниках раздался спокойный голос кибернетика:

— Азимут 39,9 десятых... 40,0 — 40,1 — 40,2...

— Передвигается, — понял Пиркс.

Башенку приходилось поворачивать, вращая рукоятки, и он вращал их с такой силой, что руки едва держались в суставах. Цифры ползли лениво. Красная черточка перевалила за сорок.

Внезапно голос Сэтавра перешел в протяжный визг и умолк. В тот же момент Пиркс нажал на спуск — и в полукилометре ниже, на самой границе света и тени, скала брызнула сверхсолнечным пламенем.

Из-за толстых рукавиц было чудовищно трудно удерживать рукоятку в неподвижности. Пламя, ярче солнечного, ввинтилось во тьму котловины метрах в десяти от погасающего остова, остановилось и, разбрызгивая окалину, пробилося дальше, выбросив две метелочки искр. В наушниках что-то бормотало. Пиркс, не обращая внимания, резал все дальше этой линией тончайшего страшного огня, пока она не разбилась искристым радиантом о какой-то каменный столб. Перед глазами вращались, все разрастаясь, багровые круги, но сквозь их танец Пиркс заметил ослепительно синий глаз, меньший, чем острие иглы, который раскрылся в самой глубине мрака, где-то сбоку, не там, куда он стрелял, и, прежде чем он успел нажать на рукоятки лазера, чтобы повернуть его вместе с турелью, скала у самой машины плюнула в них жидким солнцем.

— Полный назад! — рявкнул Пиркс, рефлекторно подогнул ноги и в результате перестал что-либо видеть, — впрочем, он ничего бы и не увидел, кроме этих багровых, медленно ползущих кругов, которые становились то черноватыми, то золотистыми.

Двигатель заревел, их швырнуло так, что Пиркс полетел на дно вездехода и покатился вперед между коленями радиста и курсанта; баллоны, крепко принайтовленные снаружи к броне, отозвались пронзительным дребезжанием. Машина мчалась задним ходом, что-то страшно хрустило под гусеницей, развернуло вездеход, швырнуло его в сторону — мгновение казалось, что он начинает уже переворачиваться, но водитель, отчаянно нажимая на газ, тормоза и сцепление, как-то преодолел это бешеное скольжение, как бы затяжная судорога пронизала машину, и она остановилась.

— Как герметичность?! — крикнул Пиркс, поднимаясь с пола.

«Счастье, что покрыт пенопластом», — подумал он.

— В порядке!

— Ну, это было достаточно близко, — совершенно иным голосом сказал Пиркс, вставая с пола и распрямляя спину. Не без сожаления он добавил вполголоса: — Каких-нибудь двести метров влево, и я бы его зацепил...

Маккорк пробирался на свое место.

— Спасибо, доктор, — сказал Пиркс, уже прильнув к перископу. — Алло, водитель, спуститесь вниз по тому самому пути, каким мы поднимались. Там такие маленькие скалы, что-то вроде арки, — вот, вот, въезжайте в тень между ними и остановитесь...

Медленно, словно с преувеличенной осторожностью, вездеход въехал в полузасыпанную песком нишу среди обломков скал и остановился в их тени, которая сделала его невидимым.

— Великолепно! — почти весело сказал Пиркс. — Теперь мне надо двоих, кто пошел бы на разведку...

Маккорк вызвался почти одновременно с курсантом.

— Хорошо. Вниманне, вы, — он обратился к остальным, — остаеьсь здесь. Не выходите из тени, даже если Сэтавр пойдет прямо на вас, — сидите тихо. Ну, разве что он полезет на вездеход, тогда обороняйтесь, у вас есть лазер, но это маловероятно...

— Помогите, — обратился он к водителю, — этому юноше снять с брони баллоны с газом, а вы, — сказал он уже телеграфисту, — вызывайте Луну I, космодром, Строительство, патрули и первому, кто отзовется, сообщите, что Сэтавр уничтожил один вездеход, по-видимому со Строительства, и что три человека с нашей машины пошли охотиться. Пусть там никто не суется с лазерами, не стреляет вслепую и так далее... А теперь пошли.

Поскольку каждый мог унести только один баллон, они захватили с собой четыре. Пиркс вывел товарищей не на вершину «черепа», а несколько дальше, где виднелась неглубокая расщелина, ведущая вниз. Прошли, сколько было можно, установили баллоны под большой глыбой, после чего Пиркс посоветовал водителю вернуться. Сам же, высунув голову над поверхностью камня, осматривал в бинокль котловину. Интеллекроник и курсант сидели рядом с ним на корточках; наконец Пиркс заговорил:

— Не вижу его. Доктор, то, что он говорил, имело какой-нибудь смысл?

— Нет, пожалуй. Разорванная речь — что-то вроде шизофрении...

— Обломки уже догорают, — заметил Пиркс.

— Зачем вы стреляли? — спросил Мак-корк. — Там могли быть люди.

— Не было никого.

Пиркс передвигал бинокль миллиметр за миллиметром, внимательно осматривая каждый бугорок освещенного солнцем пространства.

— Они не успели выпрыгнуть.

— Почему вы в этом уверены?

— Он разрезал машину пополам. Это видно даже отсюда. Должно быть, они почти наехали на него. Он стрелял метров с десяти. Кроме того, оба люка остались закрытыми. Нет, — добавил он через несколько секунд, — на солнце его нет. А ускользнуть он, пожалуй, не успел... попробуем его выманить.

Пригнувшись, он втащил тяжелый баллон на верхушку камня и, толкая его перед собой, бормотал сквозь зубы:

— Вот они, истории с индейцами, о которых я всегда мечтал...

Баллон наклонился; придерживая его за вентиль, распластавшись на камне, Пиркс отрывисто бросил:

— Если увидите голубой блеск, стреляйте сразу же — в его лазерный глаз...

Изо всех сил он толкнул баллон, который сначала медленно, а потом с нарастающей скоростью покатился под откос. Все трое приготовились стрелять, баллон скатился уже метров на двести и двигался все медленнее, пото-

му что крутизна уменьшалась. Раз или два показалось, что его остановят выступающие камни, но баллон перекатывался через них, становился все меньше и, как тускло поблескивающее пятнышко, уже приближался к дну впадины.

— Не вышло, — сказал разочарованно Пиркс, — либо он умнее, чем я думал, либо не обратил внимания, либо...

Пиркс не договорил. На склоне под ними что-то ослепительно сверкнуло. Пламя почти сразу превратилось в тяжелое грязно-желтое облако, сердцевина которого полыхала угрюмым огнем, а края расплывались, цепляясь за обломки скал.

— Хлор... — прокомментировал Пиркс. — Почему вы не стреляли? Ничего не было видно?

— Ничего, — в одно слово ответили курсант и Маккорк.

— Прохвост... укрылся за каким-нибудь бугорком... или бьет с фланга; теперь-то я вправду сомневаюсь, получится ли что-нибудь...

Он поднял второй баллон и отправил его вслед за первым. Сначала баллон покатился точно так же, но где-то на середине склона повернулся и замер в неподвижности. Пиркс не смотрел на него — все внимание он сконцентрировал на треугольном полотнище мрака, в котором где-то скрывался Сэтавр. Медленно текли секунды. Внезапно склон содрогнулся от взрыва, и вдалеке, как куст, поднялось газовое облако.

Место, где укрылся автомат, Пирксу не

удалось заметить, но он увидел линию выстрела, точнее, ее часть, которая материализовалась в ослепительную нить, пронизавшую остатки первого газового облака. Пиркс сразу повел прицелом вдоль этой светящейся траектории, которая уже угасала, и, когда край темноты попал на пересечение паутинок, нажал на спуск. По-видимому, одновременно то же самое сделал Маккорк, а через мгновение к ним присоединился и курсант. Три солнечных лемеха вспахали черное дно котловины, и тут же словно какая-то раскаленная дверца захлопнулась перед стрелявшими — их каменный заслон задрожал, с его краев посыпались мириады яростных радуг, расплавленный кварц осыпал скафандры и шлемы, моментально застыв в микроскопические слезки; Маккорк и Пиркс лежали, распластавшись, за скалой, а над их головами раскаленным добела клинком ударили второй и третий световые разряды, выглаживая поверхность скалы, которая тут же покрылась застывшими стеклянными пузырями.

— Все целы? — спросил Пиркс, не поднимая головы.

— Да! Я тоже! — услышал он в ответ.

— Спуститесь к машине и скажите телеграфисту, чтобы вызывал всех, потому что Сэ-тавр здесь и мы постараемся, насколько возможно, задержать его, — обратился Пиркс к курсанту, который отполз назад и, пригнувшись, побежал в сторону скал, среди которых стоял вездеход.

— У нас остались два баллона, по одному на каждого. Доктор, мы переменим теперь по-

зицию. Прошу соблюдать осторожность и хорошо укрываться, потому что он пристрелялся уже к нашему утесу...

С этими словами Пиркс поднял баллон и, используя тени, отбрасываемые большими обломками скал, двинулся как можно быстрее вперед. Пройдя шагов двести, они уселись в углублении магматического потока. Курсанту, который вернулся от вездехода, не сразу удалось их найти. Он тяжело дышал, словно пробежал мило.

— Спокойно, не горит, — проговорил Пиркс. — Ну, что там слышно?

— Связь установлена... — захлебываясь, доложил курсант; он присел на корточки рядом с Пирксом, и тот увидел за иллюминатором шлема моргающие глаза юноши. — В погибшей машине находились четыре человека со Строительства. Вторая машина вынуждена была покинуть поле боя из-за дефекта лазера... Остальные прошли стороной и ничего не заметили.

Пиркс кивнул головой, словно говоря: «Именно так я и думал».

— Что еще? Где наша группа?

— Почти вся она в двадцати милях отсюда, там была ложная тревога, какой-то ракетный патруль сообщил, что видит Сэтавра, и всех стянули к тому месту. А три машины не отвечают на вызов.

— Когда они прибудут сюда?

— Пока есть только прием... — несмело проговорил курсант.

— Только прием?.. Как это?!

— Телеграфист говорит: либо с передатчи-

ком что-то случилось, либо в этом месте экранируются радиоволны,— он спрашивает, нельзя ли изменить место стоянки, чтобы попробовать...

— Пусть изменит место, если надо,— ответил Пиркс,— и, пожалуйста, не мчитесь так, надо смотреть под ноги...

Но курсант, наверно, почти ничего не услышал, потому что стремглав бросился назад.

— В лучшем случае они будут здесь через полчаса — если удастся установить связь,— сказал Пиркс.

Маккорк промолчал. Пиркс обдумывал, как поступить. Выждать или не выждать? Конечно, если вездеходы прочешут котловину, то успех обеспечен, однако не без потерь. Вездеходы в противоположность Сэтавру были крупной мишенью, неповоротливой, и должны были нападать сообща, иначе поединок окончился бы, как тот, с машиной Строительства. Пиркс старался придумать какую-нибудь уловку, которая выманила бы Сэтавра на освещенное место. Если двинуть на Сэтавра пустой, телеуправляемый вездеход как приманку и поразить автомат из другого места, скажем сверху...

Ему пришло в голову, что он вовсе не должен никого ожидать, поскольку располагает вездеходом. Но план как-то не конкретизировался. Пускать машину вслепую не имело смысла. Сэтавр разнесет ее вдребезги, а сам и с места не двинется. Неужели он понимает, что именно теньевая зона, в которой он держится, дает ему преимущество?.. Но ведь это же не машина, созданная для боя, со всей его

тактикой... В этом безумии есть система, но какая?

Они сидели, сжавшись в комок, у подножия каменной плиты, скрытые ее густой, холодной тенью. Внезапно Пирксу показалось, что он ведет себя, как последний осел. Если б он был на месте этого Сэтавра — там, что бы он сделал? Пиркс сразу ощутил беспокойство, так как не сомневался, что Сэтавр попытается атаковать. Пассивное выжидание не могло принести никакой пользы. Так, может быть, автомат подкрадывается к ним? Именно сейчас? Ведь он может дойти до западных утесов, двигаясь все время под прикрытием темноты, а дальше там столько огромных камней и потрескавшегося базальта, что в этом лабиринте можно укрываться бог знает сколько времени...

Пиркс был почти уверен, что Сэтавр именно так и поступит и что они могут ожидать его в любую минуту.

— Доктор, я боюсь, что он захватит нас врасплох,— проговорил Пиркс, быстро вскакивая на ноги.— А вы как думаете?

— Вы полагаете, что он может нас перехитрить? — спросил Маккорк и усмехнулся.— И мне это пришло в голову. Разумеется, это было бы логично, но поступает ли он логично? Вот в чем вопрос...

— Придется еще раз попробовать,— буркнул Пиркс.— Нужно сбросить эти баллоны вниз; посмотрим, что он сделает...

— Понимаю — разве уже?..

— Да. Поосторожней!

Они втащили баллоны на вершину холма и,

стараясь оставаться невидимыми со дна котловины, почти одновременно сбросили оба металлических цилиндра. К сожалению, из-за отсутствия воздуха невозможно было услышать, как они катятся и катятся ли вообще. Пиркс принял решение и, чувствуя себя странно нагим — совершенно нагим, словно голову его не покрывала стальная оболочка, а тело — трехслойный, отнюдь не легкий скафандр, — вплотную прижавшись к скале, осторожно высунул голову.

В долине ничего не изменилось. Разве что остов машины стал невидимым, ее охладившиеся обломки слились с окружающей темнотой. Тень охватывала пространство в форме неправильного, сильно вытянутого треугольника, упирающегося основанием в обрывы самого высокого, западного гребня скал. Один баллон остановился шагах в ста под ними, потому что наткнулся на камень, который развернул его продольно. Другой еще катился, все медленнее, пока не замер. И то, что на этом все кончилось, вовсе не понравилось Пирксу. «Он и вправду не глуп, — подумал Пиркс. — Не хочет стрелять по мишени, которую ему подсовывают». Пиркс пытался найти место, с которого Сэтавр каких-то десять минут назад дал знать о себе сверканием лучеметного глаза, однако это было очень трудным. «Что, если в теневой зоне его уже нет? — размышлял Пиркс. — Он может отступать прямо на север, может двигаться параллельно, по дну котловины или по одной из этих трещин в магматическом потоке... Если он доберется до обрывов, до этого лабиринта, то исчезнет, как ка-

мень в воде...» Медленно, на ощупь, он поднял приклад лазера и расслабил мышцы.

— Доктор Маккорк,— сказал он,— проберитесь ко мне.

И когда доктор подполз к нему, проговорил:

— Вы видите оба баллона? Один — прямо под нами, другой — дальше...

— Вижу.

— Стреляйте сначала в ближний, а потом — в дальний, с интервалом, скажем, в сорок секунд... только не отсюда! — добавил он быстро.— Надо найти место получше. Вон там! — он показал рукой.— Неплохая позиция, в том углублении. А когда выстрелите, тут же отползайте назад. Хорошо?

Маккорк ни о чем не спрашивал, а тут же двинулся, низко пригнувшись, в указанную сторону. Пиркс с нетерпением ждал. Если Сэ-тавр хоть немного походит на человека, он должен обладать любопытством — всякое разумное создание обладает любопытством,— и это любопытство побудит его к действию, когда случится что-то непонятное... Пиркс уже не видел доктора. Он запретил себе смотреть на баллоны, которые должны были взорваться под выстрелами Маккорка, все внимание он сосредоточил на освещенной солнцем каменной полосе между зоной тени и обрывами. Пиркс приложил к глазам бинокль и направил его на этот участок лавовых потоков; в стеклах медленно проплывали гротескные фигуры, будто изваянные в мастерской какого-то скульптора-абстракциониста,— истонченные, закрученные винтом обелиски, плиты,

иссеченные змеящимися трещинами; хаотическая путаница ярких плоскостей и извилистых теней, казалось, щекотала глазное дно.

Краешком глаза Пиркс заметил пламя, набухающее внизу, на склоне. По прошествии долгого времени взорвался второй баллон. Тишина. Только пульс колотился в шлеме, через который Солнце пыталось ввинтить свои лучи в его череп. Пиркс водил объективом по полосе беспорядочно расколотых обломков. Какое-то движение. Пиркс застыл. Над острым как бритва краем плиты, похожей на гигантский надтреснутый каменный топор, выдвинулся полукруглый предмет, по цвету напоминающий темную скалу, однако у него были руки, которые обхватили камень с обеих сторон, и теперь Пиркс видел его уже до пояса. Он не казался обезглавленным, скорее походил на человека, которому надели сверхъестественную маску африканского колдуна, закрывающую лицо, шею и плечи, словно расплюснутую и поэтому чудовищную... Локтем правой руки Пиркс ощущал приклад лазера, однако сейчас ему и в голову не приходило стрелять. Риск был слишком велик, а шанс поразить Сэтавра из сравнительно слабого оружия на таком расстоянии — ничтожно мал.

Сэтавр, застыв, казалось, вглядывался своей едва выступающей над плечами головой в остатки газовых облаков, которые стекали по склону и бессильно рассеивались в пустоте. Это продолжалось довольно долго. Казалось, он не понимает, что произошло, колеблется, как поступить. В этом его колебании, в этой

неуверенности, которую Пиркс великолепно понимал, было что-то столь близкое, человеческое, что комок сдавил горло Пирксу. Что я сделал бы на его месте, о чем бы подумал? Что кто-то выстрелил в точно такие же предметы, в какие перед этим стрелял я, и, стало быть, это, по-видимому, не противник, не враг, а скорее как бы союзник. Но ведь я знал бы, что у меня нет никакого союзника?.. А если этот кто-то такой же, как я?

Сэтавр шевельнулся. Движения его были плавными и необычайно быстрыми. Внезапно он появился весь, выпрямившись на вертикально стоящем камне, словно все еще высматривал таинственную причину двух взрывов. Потом повернулся и, прыгнув вниз, побежал, слегка наклонившись вперед, — временами Пиркс терял его из виду, но всякий раз не больше чем на несколько секунд, потому что Сэтавр вновь выбегал на солнечный свет в каком-нибудь из ответвлений базальтового лабиринта.

Так он приближался к Пирксу, только бежал все время по дну котловины; их разделяло лишь пространство склона, и Пиркс раздумывал, не выстрелить ли. Но Сэтавр мелькал только в узких полосах света и снова растворялся в темноте, а поскольку он все время изменял направление, выбирая дорогу между осыпями, невозможно было заранее предвидеть, где вынырнут в следующий момент, чтобы сверкнуть металлом и еще раз исчезнуть, его руки, работающие для поддержания равновесия, как у бегуна, и его безголовый торс.

Внезапно зигзаг молнии разорвал каменную мозаику, высекая длинные метелочки искр среди обломков скал, как раз там, где бежал Сэтавр; кто выстрелил? Пиркс не видел Маккорка, но огненная линия пришла с противоположной стороны — стрелять мог только курсант, этот сопляк, этот осел! Пиркс в ярости проклинал курсанта, потому что тот, очевидно, ничего не добился — металлическая спина показалась на долю секунды где-то дальше и исчезла совсем. «И к тому же стрелял ему в спину!» — подумал с яростью Пиркс, совершенно не ощущая бессмысленности своего обвинения. А Сэтавр не попробовал даже ответить огнем; почему? Пиркс попытался снова увидеть его — тщетно. Наверно, склон уже закрыл его своим изгибом. Это вполне возможно... в таком случае передвижение теперь безопасно...

Пиркс сполз со своего камня, поняв, что с этого места уже ничего не высмотрит, и, слегка пригнувшись, побежал по самому краю склона, миновал курсанта, который улегся, как на стрельбище, — с развернутыми и прижатыми к скале ступнями, и почувствовал непонятное желание ударить его ногой в зад, выступающий смешным бугорком и увеличенный плохо подогнанным скафандром. Пиркс замедлил бег, но только для того, чтобы крикнуть:

— Не смей у меня стрелять, слышишь?! Брось лазер! — И, прежде чем тот, повернувшись на бок, принялся искать его ошалелым от удивления взглядом, — ибо голос, донесшийся до него из наушников, не указал ни направления, ни места, где находился Пиркс, — побежал дальше, опасаясь, что потеряет время; он

ускорял свой бег, как только мог, и наконец очутился у широкой трещины, которая неожиданно открыла ему вид на дно котловины.

Это было нечто вроде тектонического ущелья, столь древнего, что края его осыпались, утратили угловатость и оно стало похожим на расширенную эрозией горную расщелину. Пиркс заколебался. Он не видел Сэтавра,— впрочем, наверно, и не мог бы отсюда увидеть. Он углубился поэтому в ущелье, держа лазер наготове, хорошо понимая безумство этой затеи и, однако, не в силах противиться тому, что толкало его туда. Он убеждал себя, что хочет лишь увидеть Сэтавра, что остановится сразу же, как только сможет хорошо рассмотреть нижний участок склона и весь лабиринт под ним, и, может быть, в то время, пока бежал, все еще пригнувшись, а камешки градинами брызгали у него из-под башмаков, он верил в это. Впрочем, в эти секунды он не задумывался ни над чем.

Он находился на Луне и весил здесь лишь пятнадцать килограммов, но от увеличивающейся крутизны у него все же подгибались ноги. Он бежал теперь восьмиметровыми скачками, стараясь уменьшить скорость. Почти на середине склона расщелина перешла в неглубокий желоб; на солнце, черные с теневой и искрящиеся с освещенной стороны, в каких-нибудь ста метрах под ним, лежали первые плиты лавового потока.

«Попался»,— подумал он; до лабиринта, где бродил Сэтавр, было рукой подать. Пиркс быстро огляделся по сторонам — никого; хре-

бет, оставшийся высоко над ним, исполинской стеной простирался к черному небу; раньше он мог заглядывать в коридорчики между камнями как бы с высоты птичьего полета, теперь сеть междускальных щелей заслонила от него ближние обломки скал. «Плохо дело,— подумал он,— надо бы вернуться». Однако он, неизвестно почему, знал, что не сделает этого.

Стоять на месте было нельзя. Несколькими шагами ниже лежала отделившаяся базальтовая глыба — скорее всего конец озера магмы, которое некогда изливалось раскаленным потоком с огромных террас у подножия Торичелли, и Пиркс по последнему участку коридора добрался до этой впадины. За неимением лучшего она могла послужить укрытием. Он добрался до нее одним прыжком, причем особенно неприятным было длительное лунное планирование, замедленный, как во сне, полет, к которому он так и не сумел привыкнуть. Сжавшись в комок за этой угловатой скалой, Пиркс выглянул и увидел Сэтавра, который появился из-за двух остроконечных пирамидок, обогнул третью, царапнув ее металлическим плечом, и остановился. Пиркс видел его сбоку, освещенного лишь наполовину,— только правая рука Сэтавра отсвечивала темным, жирным блеском, как хорошо смазанная деталь машины, остальную часть корпуса покрывала тень. Пиркс уже поднимал лазер, чтобы прицелиться, когда Сэтавр, как бы охваченный внезапным предчувствием, исчез, точно сдунутый ветром. Вероятно, он все еще стоял там, только спрятался в тень...

Быть может, выстрелить в эту тень? Пиркс уже поймал его в прицел, но даже не положил палец на спуск. Расслабил мышцы, ствол лазера опустился. Ждал. Сэтавра не было. Завалы простирались внизу, подобно адскому лабиринту, там можно было часами играть в прятки: остекленевшая лава растрескалась, образовав геометрически правильные и вместе с тем причудливые фигуры. «Где же Сэтавр? — продолжал раздумывать Пиркс. — Если б хоть что-то удалось услышать, но это проклятое безвоздушное захолустье, словно в кошмаре каком-то... Если спуститься вниз, то, быть может, удастся подстрелить Сэтавра. Нет, я не сделаю этого, я не сумасшедший... Но ведь думать-то можно обо всем — обрыв не более двенадцати метров, все равно что прыгнуть с двух метров на Земле; я оказался бы в тени под обрывом, был бы невидим и мог бы продвигаться вдоль него, все время защищенный с тыла скалой, а он рано или поздно вышел бы прямо на мушку...»

В каменном лабиринте ничто не менялось. На Земле за это время солнце переместилось бы, а здесь был долгий лунный день и оно словно застыло на одном месте, пригасив ближайšie звезды. Его окружал черный ореол пустоты, пронизанный оранжевой рваной дымкой... Пиркс высунулся по пояс из-за своего камня. Пустота. Это начинало его раздражать. Почему вездеходов все нет? Неужели до сих пор не установлена радиосвязь?.. Может быть, они выгнали бы его наконец из этих развалин... Пиркс посмотрел на часы под толстым гибким стеклом на запястье и поразился: пос-

ле разговора с Маккорком прошло всего 13 минут.

Он уже готовился покинуть свою позицию, когда произошли одновременно два события, одинаково неожиданные. В скальных воротах, между двумя стенами базальта, которые закрывали котловину с востока, он увидел движущиеся один за другим вездеходы. Они находились еще далеко, вероятно больше чем за километр, и шли полным ходом, вытянув за собой длинный шлейф клубящейся пыли. Одновременно две большие, словно человеческие, только одетые в металлические перчатки руки показались на самом краю утеса, а вслед за ними, так быстро, что Пиркс не успел отступить, появился Сэтавр. Их разделяло не больше десяти метров. Над могучими плечами Пиркс увидел заменяющий голову массивный выступ, в котором мертвенно отсвечивали линзы оптических отверстий, как два черных, широко расставленных глаза, а между ними под закрытым сейчас веком находился третий — страшный зрачок лучемета. Пиркс и сам, правда, держал в руке лазер, однако реакции автомата были несравненно быстрее его собственных, поэтому он даже не сделал попытки прицелиться, а попросту замер под ярким солнцем, на еще согнутых ногах, в том положении, в котором встало его, когда он поднимался с земли, неожиданное появление этого существа, и они смотрели друг на друга — изваяние человека и изваяние машины, оба облаченные в металл. Вдруг страшный блеск разорвал пространство перед Пирксом, и от теплового удара он рухнул навзничь.

Падая, он не потерял сознания и испытал в эту долю секунды только удивление, ибо мог присягнуть, что поразила его не Сэтавр, поскольку до последнего мгновения он видел его темное и слепое лазерное око.

Пиркс был невредим, потому что разряд прошел стороной, хотя целились, безусловно, в него; в мгновение ока чудовищный блеск повторился и, расплескивая капли жидкого минерала, превращавшиеся на лету в ослепительную паутину, отколол часть каменной пирамидки, которая прикрывала Пиркса, но теперь его спасло то, что целились на высоту роста, а он лежал на земле, — это был первый вездеход, это из него били лазером. Пиркс повернулся на бок и увидел спину Сэтавра, который, стоя неподвижно, словно отлитый из бронзы, два раза брызнул лиловым солнцем. Даже с этого расстояния было видно, как у переднего вездехода отвалилась целая гусеница вместе с роликами и ведущим колесом; поднялось такое облако пыли и светящихся газов, что второй вездеход, ослепленный, не мог уже стрелять.

Двухметровый гигант спокойно взглянул на лежащего человека, который все еще сжимал свое оружие, повернулся и, слегка согнув ноги, хотел прыгнуть назад — туда, откуда пришел, но Пиркс, лежа на боку, из неудобного положения выстрелил, желая только подсесть Сэтавру ноги, однако, когда он нажимал на спуск, его локоть дрогнул, огненный нож развалил гиганта сверху донизу, и тот глыбой раскаленного металла рухнул на дно лабиринта.

Экипаж уничтоженного вездехода остался невредим — люди не получили даже ожогов, — и Пиркс узнал, правда значительно позднее, что они стреляли по нему, потому что Сэтавра, темного на темном фоне обрыва, вообще не заметили. Неопытный наводчик не обратил внимания даже на то, что силуэт, взятый им на прицел, отличается светлой окраской алюминиевого скафандра. Пиркс был почти уверен, что следующий выстрел оказался бы для него роковым. Его спас Сэтавр — но отдавала ли машина себе в этом отчет? Много раз Пиркс возвращался мыслью к этим последним секундам, и с каждым разом в нем крепла уверенность, что робот находился там, откуда мог оценить, кто же на самом деле служит мишенью дальнего огня. Означало ли это, что он хотел его спасти? На этот вопрос никто теперь не мог дать ответа.

Интеллекtronики считали все происшедшее «стечением обстоятельств» — ни один не брался обосновать это голословное утверждение. До сих пор они не сталкивались ни с чем подобным, такие случаи не приводились в специальной литературе. Все признавали, что Пиркс действовал так, как должен был действовать, однако это его не удовлетворяло. На долгие годы у него сохранилось воспоминание о тех долях секунды, когда он прикоснулся к смерти, но все же уцелел, с тем чтобы никогда не узнать всей правды; и горьким, как угрызение совести, было для него сознание, что ударом в спину, столь же подлым, сколь вероломным, он убил своего спасителя.

II.

У РОБОТОВ—
СВОИ СКАЗКИ

ТРИ ЭЛЕКТРЫЦАРЯ

Жил некогда великий конструктор-изобретатель, создавал он без устали необычайные приборы и изобретал удивительные аппараты. Смастерил он как-то раз для самого себя машинку-пушинку, которая красиво пела, и назвал ее пташинкой. Была у него печатка в виде смелого сердца, и каждый атом, который выходил из-под его рук, имел на себе этот знак. Дивились потом ученые, находя в атомных спектрах мерцающие сердечки. Смастерил он много полезных машин, маленьких и больших, и как-то раз пришла ему в голову чудная мысль соединить воедино смерть с жизнью и тем достичь невозможного. Решил он создать разумные существа из воды, но не тем ужасным способом, о котором вы сейчас подумали. Нет, мысль о телах мягких и мокрых была ему чужда. Она вызывала у него отвращение, как и у любого из нас. Решил он создать из воды существа по-настоящему красивые и мудрые, а именно кристаллические.

Выбрал тогда он планету, от всех солнц весьма отдаленную, из ее замерзшего океана вырубил ледяные глыбы, а из них, как из горного хрусталя, изваял ледонидов. Звались они так, ибо могли существовать лишь при

страшном морозе и в пустоте бессолнечной. Построили вскоре ледониды города и дворцы ледяные, а, поелику всякая теплота грозила им гибелью, освещали они свои жилища северными сияниями, каковые ловили и держали в огромных прозрачных сосудах. Кто был богаче, тот имел больше северных сияний, лимонно-желтых и серебристых, и жили ледониды счастливо, а поскольку любили не только свет, но и драгоценные камни, то славились они своими драгоценностями. Драгоценности эти высекали они из затвердевших газов и шлифовали. Скрашивали им эти драгоценности вечную ночь, в которой пылали, словно плененные духи, северные сияния, подобные заколдованным туманностям в хрустальных глыбах. Немало космических захватчиков мечтали завладеть этими богатствами, ибо вся Ледония была видна из самых дальних далей, сверкая, словно бриллиант, медленно вращающийся на черном бархате. Прибывали на Ледонию разные искатели приключений попытать военного счастья. Залетел на нее и электрицарь Латунный, чьи шаги раздавались, как звон колокольный, но едва он ступил ногой на лед, как лед под ним от жара растаял, и низринулся электрицарь в пучину ледового океана, и воды сомкнулись над ним, и там, на дне морей ледонских, словно древнее насекомое в янтаре, почил до скончания века.

Не испугала судьба Латунного других смельчаков. Вслед за ним прилетел на планету электрицарь Железный, жидким гелием так упившись, что в нутре его стальном булькало,

а панцирь покрылся инеем пушистым, и от этого стал он походить на снежную бабу. Но, планируя к поверхности планеты, электроцарь раскалился от трения об атмосферу, жидкий гелий со свистом улетучился из него, а он сам, раскаленный докрасна, упал на ледяные горы, которые тотчас разверзлись. Вылез он оттуда, извергая клубы пара, подобно кипящему гейзеру; но, к чему бы он ни прикасался, все мгновенно превращалось в белое облако, из которого снег выпадал. Сел тогда Железный и стал ждать, пока остынет, и вот, когда снежинки перестали таять на его панцирных наплечьях, решил электроцарь встать и ринуться в бой, но смазка в суставах так загустела, что он и выпрямиться не смог. И по сей день сидит он там, а выпавший снег превратил его в белую гору, из которой только шишак шлема торчит. Называют ту гору Железной, и в глазницах ее блестит замерзший взор.

Услышал о судьбе своих собратьев третий электроцарь, Кварцевый, который днем походил на стеклянную линзу, а ночью казался отражением звезд. Не опасался он, что смазка в суставах загустеет, ибо не смазывался; не страшился, что лед под ногами его расплавится, ибо мог оставаться холодным, если того желал. Одного он должен был избегать — напряженных размышлений: накалялся от них кварцевый мозг, и могло это погубить электроцаря. Вот и решил он спасти свою жизнь бездумьем и добиться победы над ледонидами. Прилетел он на планету и так охладился за длительный свой полет сквозь вечную галактическую ночь, что и железные метеориты, кото-

рые ударялись о его грудь, разлетались, звеня, на мелкие кусочки, как стекло. Опустился Кварцевый на снега Ледонии белые под небом ее черным, звездами битком набитым, и был он прозрачен, как лед.

Призадумался было Кварцевый, что же ему дальше делать, но снег под ним тотчас почернел и начал в пар обращаться.

— Ого! Дело плохо! — сказал себе Кварцевый. — Ну, да ничего, только бы не думать, и наша возьмет!

И решил он, что бы ни случилось, эту фразу повторять: ведь не требовала она никакого умственного напряжения и совсем не разогревала мозг. И пошел Кварцевый по снежной пустыне бездумно и бесцельно, стремясь только холод свой сохранить. Шел он так, пока не приблизился к стенам ледяным столицы ледонидов Морозилии. Разбежался он и попытался стену головой пробить, ударил так, что искры посыпались, но ничего не добился.

— Попробуем по-иному! — подбодрил он себя и задумался над тем, сколько ж это будет дважды два.

И едва электрыцарь задумался над этим, как голова у него разогрелась, и ринулся он второй раз таранить искрящиеся стены, но лишь маленькую ямку сделал.

— Маловато! — проговорил он. — Попробуем что-нибудь потруднее. Сколько ж это будет трижды пять?

На этот раз голову его окутала туча шипящая, ибо снег от таких бурных мыслей сразу вскипал. Вновь отступил назад Кварцевый, вновь разбежался, ударил и насквозь пробил

стену, а за ней еще два дворца и три домика поменьше графов Морозных, попал на огромную лестницу, схватился за перила из сталактитов, но ступеньки были скользкие, как каток. Быстро вскочил электрицарь, ибо все вокруг него уже таяло и мог он в любую минуту провалиться сквозь город вглубь, в ледяную бездну, где замерз бы навеки.

— Ничего! Только бы не думаты! Наша возьмет! — подбодрил он себя и в самом деле тут же остыл.

Вылез он из тоннеля, который сам же во льду пробурил, и очутился на большой площади, со всех сторон освещенной северными сияниями, что мерцали смарагдом и серебром в хрустальных колоннах.

И вышел ему навстречу звездоблещущий рыцарь огромный — вождь ледонидов Севереаль.

Всю свою силу собрал электрицарь Кварцевый и ринулся в атаку. Сошлись они, и такой грохот стоял, словно столкнулись посреди Ледовитого океана два айсберга. Отвалилась сверкающая десница Севереаля, у самого плеча отрубленная, но храбрый воин не растерялся. Повернулся он, чтобы грудь свою, широченную, как ледник, каковым он и был, подставить врагу.

Вновь разбежался Кварцевый и вновь пошел на ужасный таран. Тверже и плотнее льда оказался кварц, и лопнул Севереаль с таким грохотом, будто лавина скатилась с горы. Лежал он, разбитый вдребезги, в свете полярных сияний, которые смотрели на его поражение.

— Наша взяла! Лишь бы и дальше так! — сказал Кварцевый и сорвал с побежденного драгоценности красоты волшебной: перстни с водородной насечкою, пряжки и пуговицы искристые, словно бриллиантовые, а на деле из трех благородных газов — аргона, криптона и ксенона — отшлифованные. И такой охватил его восторг, что нагрелся электроцарь от волнения и тотчас все эти бриллианты и сапфиры, шипя, улетучились от его прикосновений и в руке у него ничего не осталось, лишь капельки, на росу похожие, да и те сразу же испарились.

— Ого! Значит, мне и восторгаться нельзя! Ну, ничего! Только бы не думать! — молвил он про себя и двинулся в глубь крепости, которую покорить стремился. Вскоре увидел он приближающуюся огромную фигуру. Был то Белобой Белейший, Енерал-Минерал, всю широкую грудь его ордена ледяные покрывали, а посредине сверкала звезда огромная — иней на ленте гляциальной. Этот страж казны королевской преградил было путь Кварцевому, но тот налетел, как буря, и разнес его на ледяные кусочки. Тут на помощь Белобою прибежал князь Звездоух, властитель черных льдов; с ним-то электроцарю не удалось совладать: ведь на князе была броня дорогая азотная, в жидком гелии закаленная. От брони этой таким морозом веяло, что утратил Кварцевый напор свой, движения его ослабели, даже полярные сияния поблекли, так повеяло тут Нулем Абсолютным. Рванулся Кварцевый, думая про себя: «Беда! Что ж это происходит?» И от огромного изумления мозг его раскалился,

Нуль Абсолютный стал Нулем обычным, и на глазах у Кварцевого стал Звездоух с грохотом распадаться на кольца, и громы вторили его агонии, пока на поле боя не осталась в лужице гряда черного льда, по которой слезами вода стекала.

— Наша взяла!—воскликнул Кварцевый.— Только бы не думать,—хоть иногда и подумать нужно. Так или эдак, а должен я победить!

Двинулся он дальше, и звенели его шаги, словно кто-то молотом сокрушал кристаллы. Мчался он, грохоча, по улицам Морозилин, а жители ее из-под белых шапок крыш с отчаянием в сердце взирали на него. Мчался он, будто светящийся метеорит по Млечному Пути, и вдруг увидел вдали одинокую небольшую фигуру. Был это сам Тяжелон, прозванный Ледоустым, величайший мудрец ледонидов. С разгона налетел на него Кварцевый, чтобы смять одним ударом, но тот уступил дорогу и показал два пальца расставленных; не понял Кварцевый, что это значит, вернулся он и опять двинулся на противника. Тяжелон же опять отступил в сторону, но лишь на шаг и показал один палец. Удивился немного Кварцевый и замедлил свой бег, хотя уже развернулся, чтобы снова взять разгон. Задумался он, и в тот же миг хлынула вода из ближайших домов, но он ничего не замечал, ибо Тяжелон сделал колечко из пальцев одной руки, а большим пальцем другой руки стал шевелить в этом колечке. Кварцевый все думал да думал, что же могли означать эти молчаливые жесты, и разверзлась у него под ногами пучина, хлынула оттуда черная вода, полетел он на дно, словно

камень, и не успел даже подбодрить себя словами: «Это ничего, только б не думать!», как его уже на свете не стало.

Спрашивали потом ледоницы, благодарные Тяжелону за спасение, что хотел он сказать своими жестами страшному электричку.

— Все это очень просто, — отвечивал мудрец. — Два пальца означали, что нас вместе с ним двое. Один — что вскоре останусь я один. Потом я показал ему колечко, а это означало, что вокруг него лед разверзнется и морская бездна поглотит его навеки. Не понял он ни первого, ни второго, ни третьего.

— О великий мудрец! — возопили изумленные ледоницы. — Как же ты решился показывать такие знаки страшному супостату? Подумай, что произошло бы, если б он понял тебя и не стал удивляться. Ведь тогда бы он не нагрелся от мышления и не провалился бы в пучину бездонную...

— Не страшился я этого ничуть, — с холодной усмешкой ответил им Тяжелон Ледоустый, — ибо знал заранее, что ничего он не поймет. Коль была б у него хоть капля разума, не прилетел бы он сюда. Что пользы существу, под солнцем живущему, от наших драгоценностей газовых и серебряных звезд ледяных?! — И снова поразились ледоницы его мудрости и разошлись, успокоенные, по домам, где стоял милый их сердцу мороз.

С тех пор никто уж не пытался завоевать Ледонию, ибо перевелись глупцы во Вселенной; хотя некоторые утверждают, что есть их еще немало, да только не знают они дороги в Ледонию.

СОВЕТНИКИ КОРОЛЯ ГИДРОПСА

Аргонавтики были первым из племен звездных, завоевавшим глубины океанов планетарных, навеки — как думали роботы, слабые духом, — запретные для металла. Одним из драгоценных звеньев их королевства является Аквация, сверкающая на северном небе, как крупный сапфир в топазовом ожерелье.

На этой подводной планете долгие годы правил король Гидропс Всерыбный. Однажды утром призвал он в тронный зал четырех коронных министров, а когда приплыли они пред его очи, так к ним обратился, в то время как его Великий Поджаберный, весь в изумрудах, двигал над ним широко распластанный веер:

— Нержавеющие Сановники! Пятнадцать уже веков я правлю Аквацией, ее городами подводными и поселениями на синих лугах; расширил я за этот срок границы державы, затопив многие материки, и, так действуя, не запятнал водостойких знамен, которые получил в наследство от родича моего, Ихтиократуса. А также в боях с микроцитами враждебными одержал я ряд побед, славу которых не мне приличествует описывать. Чувствую я, однако, что власть становится для меня бре-

менем непосильным, а посему решил приобрести сына, который достойно продолжил бы справедливое царствование на троне Иноксидов. Поэтому обращаюсь к тебе, верный мой Гидрокибер Амассид, к тебе, великий программист Диоптрик, и к вам, Филонавт и Миногар, моим наладчикам старшим, чтобы вы мне сына придумали. Пусть он будет умен, но не льнет чересчур к книгам, ибо избыток знаний наносит ущерб воле к действию. Пусть он будет добрым, но опять-таки не чрезмерно. Желаю также, чтоб был он храбрым, но не заносчивым, впечатлительным, но не сентиментальным; наконец, пусть он будет похож на меня, пусть бока его покрывает такая же танталовая чешуя, а кристаллы его разума пускай будут прозрачны, как вода, которая окружает нас, поддерживает и питает! А теперь приступайте к делу, во имя Великой Матрицы!

Диоптрик, Миногар, Филонавт и Амассид поклонились низко и отплыли в молчании, и каждый обдумывал про себя слова королевские, хоть и не совсем так, как желал того могучий Гидропс. Ибо Миногар более всего жаждал завладеть тронem, Филонавт тайно содействовал врагам аргонавтиков, микроцитам; Амассид же и Диоптрик были смертельными врагами, и каждый из них желал прежде всего гибели другого, а также остальных советников.

«Король желает, чтобы мы запроектировали сына,— думал Амассид,— так чего же проще: надо выгравировать на микроматрице королевича неприязнь к Диоптрику, к этому

ублюдку, надутому как пузырь! Тогда, захватив власть, я немедленно велю его задушить, выставив его голову на воздух. Это было бы воистину прекрасно». «Но, — думал далее знаменитый Гидрокибер, — Диоптрик наверняка строит такие же планы, а он программист и поэтому, к сожалению, имеет предостаточно возможностей, чтобы привить будущему королевичу ненависть ко мне. Ужасное положение! Придется глядеть в оба, когда вместе будем вкладывать матрицу в детскую печь!»

«Проще всего было бы, — раздумывал тем временем почтенный Филонавт, — врезать королевичу расположение к микроцитам. Но это сейчас же заметят, и король велит меня выключить. Так, может, внедрить в королевича лишь любовь к малым формам, что будет намного безопаснее. Если потащат меня на допрос, скажу, что имел в виду мелочь подводную и лишь забыл снабдить программу сына оговоркой, что все неподводное любить не следует. В худшем случае снимет король с меня орден Великой Хлюпни, но не снимет голову, а это — вещь очень мне дорогая, ее не вернул бы и сам Наноксер, властелин микроцитов!»

— Что ж это вы молчите, господа почтенные? — воззвал тут Миногар. — Полагаю, что должны мы приступить к работе немедленно, ибо нет для нас ничего святее, чем приказ короля.

— Потому именно я и обдумываю его всемерно, — быстро сказал Филонавт.

А Диоптрик и Амаксид добавили в один голос:

— Мы готовы.

И повелели они, согласно старинному обычаю, чтоб замкнули их в комнате со стенами, изумрудной чешуей покрытыми, и ту комнату семикратно опечатали смолой подводной, и сам Мегацистус, властелин наводнений планетных, оттиснул на печатях свой герб, Тихую Воду. С той минуты уже никто не мог вмешиваться в их работу, и лишь после сигнала об ее окончании, когда специальным завихрением они выбросят через клапан неудачные проекты, надлежало сорвать печати и начать великое торжество сыноприятия.

Итак, засели советники за дело, но оно у них не спорилось. Ибо не о том думал каждый из них, как воплотить в королевиче желанные для Гидропса добродетели, но о том, как бы обмануть и короля, и трех нержавеющих товарищей по этой трудной работе созидательной.

Король начал терять терпение: уже восемь дней и ночей заперты были его сыноделы, а даже и знака не подавали, что дело близится к благополучному концу. Они же старались пересидеть друг друга, и каждый выжидал, пока у других сил не хватит, а тогда он быстро вчертит в кристаллическую сеточку матрицы то, что впоследствии к его обернется пользе. Жажда власти подстрекала, однако, Миногара, страсть к богатствам, обещанным ему микроцитами, — Филонавта, взаимная же ненависть — Амассида и Диоптрика. Так что, исчерпав скорее терпение, нежели силы, сказал хитрый Филонавт:

— Не понимаю, господа почтенные, почему работа наша так затягивается. Король ведь дал нам точные директивы; если б мы их при-

держивались, королевич был бы уже готов. Начинаю я подозревать, что неспешность вашу вызывает нечто имеющее с королевским сынозачатием иную связь, нежели та, что была бы приятна сердцу нашего властелина. И, если далее так пойдет, с глубочайшим прискорбием буду я вынужден составить *volunt separatum*, то есть написать...

— Донос! Об этом ты говоришь, ваша милости! — прошипел Амассид, так яростно двигая блестящими жабрами, что задрожали все полавки его орденов. — Ну, пожалуйста, пожалуйста! С разрешения вашей милости, и я имею желание написать королю о том, как ты, неведомо с каких пор трясушкой заболел, уже восемнадцать жемчужных матриц испортил и пришлось нам их отбросить, ибо после формулы о любви ко всему небольшому ты совсем не оставил места для запрета любить то, что не является подводным! Хотел ты нас уверить, благородный Филонавт, что это был недосмотр, однако недосмотра, повторившегося восемнадцать раз, хватит, чтобы тебя заперли в дом предателей либо в дом сумасшедших, и только выбором меж этими двумя домами ограничится твоя свобода!

Хотел защищаться Филонавт, насквозь провиденный, но Миногар опередил его, сказав:

— Иной подумал бы, благородный Амассид, что ты среди нас — как медуза безукоризненно прозрачная. А ведь и ты непонятным образом в абзац, посвященный в матрице всему, что должно внушать отвращение королевичу, одиннадцать раз включал то трепеще-
тость, то хребет, крытый эмалью синей, го

глаза вытарашенные, то двойной панцирь брюшной и три красные искры, словно и не ведал о том, что все эти приметы могут касаться присутствующего тут Диоптрика, сородича королевского, и, действуя так, вложил бы ты в душу королевича ненависть к сему мужу...

— А зачем Диоптрик на кончике матрицы все время вписывал презрение к существам, имя которых кончается на «ид»? — спросил Амассид. — И, раз уж зашла о том речь, почему ты сам, милостивый Миногар, невесть за чем в предметы, которые королевич ненавидеть должен, упорно включал престол шестиугольный, со спинкой плавникообразной, украшенной алмазами? Ужель ты не ведал, что именно так, точь-в-точь, выглядит трон?

Воцарилась беспокойная тишина, прерываемая лишь слабым поплескиванием. Долго мучились советники, раздираемые противоречивыми побуждениями, пока не возникли меж них группировки. Филонавт и Миногар сошлись на том, чтобы сыноматрица предвидела и симпатию ко всему маленькому, и стремление уступать дорогу маленьким существам. Филонавт при этом думал о микроцитах, Миногар же — о себе, так как был он самым маленьким из присутствующих. Диоптрик также неожиданно согласился с этой формулировкой, ибо Амассид был выше ростом, чем все они. Тот бурно протестовал, но вдруг прекратил сопротивление, ибо пришло ему в голову, что он ведь может уменьшиться, а также подкупить придворного обувальничего, чтобы тот подбил танталовые пластинки под

обувь Диоптрика, вследствие чего ненавистный станет выше ростом и возбудит неприязнь королевича.

Вслед за тем они уже быстро заполнили сыноматрицу, и после выброса аннулированных матриц через клапан дело дошло до великого торжества придворного сыноприятия.

Как только матрица с проектом королевича пошла в выпечку и почетный караул выстроился перед детской печью, из которой вскоре должен был выйти будущий властелин аргонавтиков, Амассид начал осуществлять свои коварные замыслы. Придворный обувальничий, которого он подкупил, привертывал одну танталовую пластинку за другой к обуви Диоптрика. Королевич уж доходил под присмотром младших металлургов, а Диоптрик, как-то увидав себя в большом дворцовом зеркале, с ужасом удостоверился, что он стал выше своего врага, а ведь у королевича была запрограммирована симпатия лишь к малым существам и предметам! Вернувшись домой, старательно исследовал себя Диоптрик, простучал серебряным молоточком, открыл привертнутые к подошвам пластинки и сразу понял, чья это затея. «О негодяй! — подумал он об Амассиде. — Но что же теперь делать?»

По недолгом размышлении решил он уменьшиться. Вызвал слугу верного и приказал ему доставить в хоромы умелого слесаря. Но слуга, не вполне уразумев поручение, выплыл на улицу и доставил одного бедного ремесленника, по имени Фротон, который целыми днями бродил по городу, крича: «Головы паяты! Животы проволокой скрепляю, хвосты

паяю, плавники полирую!» Была у того Фротона злая жена, которая всегда ждала его возвращения с ломом в руках, и, когда муж приближался, всю улицу заполнял ее злобный визг; отнимала жена все, что он заработал, да еще проминала ему спину и плечи безжалостными ударами.

Фротон, дрожа, предстал пред великим программистом, и тот сказал ему:

— Слушай-ка, можешь ли ты меня уменьшить? Кажусь я себе, заметь, слишком большим... а впрочем, все равно! Должен ты меня уменьшить, но так, чтобы не нанести ущерба моей красоте! Если хорошо сделаешь это, я щедро тебя награжу, но ты должен обо всем этом немедленно забыть. Чтоб воды в рот набрал как следует, а то велю тебя заклепать!

Фротон изумился, но не показал этого, — каких только причуд не бывает у знатных людей! Присмотрелся он внимательно к Диоптрику, заглянул ему внутрь, прощупал, простукал и сказал:

— Ваша светлость, я мог бы вывернуть у вас среднюю часть хвоста...

— Нет, не хочу! — живо возразил Диоптрик. — Жаль мне хвоста! Слишком он красив!

— Так, может, открутить ноги? — спросил Фротон. — Ведь они же совсем лишние.

И действительно, аргонавтики не пользуются ногами; ноги являются пережитком древних времен, когда предки их обитали на суше. Но Диоптрик разгневался:

— Ах, ты, дурень железный! Иль не знаешь о том, что лишь нам, высокорожденным,

разрешается иметь ноги?! Как ты смеешь лишать меня этих регалий дворянства!

— Покорнейше прошу прощения, ваша светлость!.. Но что же мне в таком случае открутить?

Понял Диоптрик, что, так сопротивляясь, ничего не добьется, и буркнул:

— Делай, что считаешь нужным...

Измерил его Фротон, постукал, пощупал и сказал:

— С разрешения вашей светлости, я мог бы открутить голову...

— С ума ты сошел! Как же я останусь без головы! А думать чем буду?

— Ах, это ничего, господин! Достопочтенный разум вашей светлости я вложу в живот — там места хватит...

Согласился Диоптрик, и Фротон ловко открутил ему голову, вложил полушария кристального разума в живот, запааял все, заклепал, получил пять дукатов, и прислужник выводил его из хором. Однако, выходя, увидел Фротон в одной из комнат Аурентину, дочь Диоптрика, всю в серебре и золоте, и ее стройный стан, звенящий, как колокольчики, при каждом шаге, показался ему прекрасней всего, что он доселе видел.

Вернулся бедняк домой, где ждала его жена с ломом в руках, и немедленно страшный грохот разнесся по всей улице, и соседи говорили: «Ого! Эта ведьма, Фротониха, опять мужу бок ломает!»

Диоптрик же, весьма радуясь тому, чего достиг, отправился во дворец. Удивился слегка

король при виде министра без головы, но тот сейчас же пояснил, что такова новая мода. Амассид же испугался, ибо все его коварство пошло прахом, и, едва очутившись у себя дома, поступил так же, как его противник.

С той поры разгорелось меж ними соперничество в уменьшении; отвинчивали они себе плавники, жабры, закривки металлические, так что неделю спустя оба они могли не сгибаясь проходить под столом.

Но ведь и другие два министра хорошо знали, что лишь самых маленьких будет дарить своей любовью будущий король, и волей-неволей тоже начали уменьшаться. Дошло наконец до того, что уж нечего было больше откручивать. Диоптрик в отчаянии послал тогда прислужника, чтобы тот привел Фротона.

Измумлился Фротон, представ пред магнатом, ибо и так уже немного от этого сановника осталось, а он упорно требовал, чтоб его еще больше сократили!

— Ваша светлость, — сказал ремесленник, почесав затылок, — думается мне, что лишь один есть выход. С разрешения вашей светлости, вывинчу я ваш мозг...

— Нет, ты с ума сошел! — возмутился Диоптрик.

Но Фротон пояснил:

— Мозг этот мы спрячем во дворце, в каком-нибудь надежном месте, например в этом вот шкафу, а у вашей светлости внутри будет лишь маленький приемничек и репродукторчик; благодаря этому ваша светлость будет электромагнетически соединена со своим разумом...

— Понимаю! — сказал Диоптрик, которому этот замысел пришелся по вкусу.— Итак, делай что положено!

Вынул у него Фротон мозг, вложил в ящичек шкафа, запер ящичек на ключик, ключик вручил Диоптрику, а в живот вставил ему маленький приемничек и микрофончик.

Таким неприметным стал теперь Диоптрик, что его почти и не видно было. Задрожали при виде такого уменьшения три его соперника, удивился король, но ничего не сказал. Миногар, Амассид и Филонавт начали теперь прибегать к самым отчаянным средствам. Таяли они на глазах со дня на день и вскоре поступили так же, как Диоптрик: попрятали свои мозги кто куда — в письменный стол, под кровать, а сами стали хвостатыми блестящими баночками с парой-другой орденов почти такого же размера, как они сами.

И опять послал Диоптрик прислужников за Фротоном; а когда тот предстал пред ним, вельможа возопил:

— Ты должен что-то сделать! Обязательно... Надо дальше уменьшиться, любой ценой, а то беда будет!

— Вельможный господин,— ответил ремесленник, низко кланяясь магнату, который еле виднелся меж поручнями и спинкой кресла,— это невероятно трудно, и не знаю, возможно ли вообще...

— Это неважно! Делай, что я тебе говорю! Ты должен! Если тебе удастся так меня уменьшить, чтоб я достиг минимальной величины и никто меня перегнуть не мог,— я исполню любое твоё желание!

— Если ваша светлость поручится своим дворянским словом, что так и будет, я постараюсь сделать все, что в моих силах...— ответил Фротон, у которого вдруг прояснилось в голове, а в грудь словно кто золота чистейшего налил, ибо он уже много дней не мог думать ни о чем ином, кроме как об Аурентине, золотом изукрашенной, и о хрустальных колокольчиках, которые будто таились в ее груди.

Поклялся ему Диоптрик. Взял тогда Фротон последние три ордена, которые отягощали крохотную грудь великого программиста, сделал из них трехгранную коробочку, внутрь вложил аппаратик величиной с монету, обвязал все золотой провололочкой, припаял сзади золотую пластинку, вырезал из нее подобие хвостика и сказал:

— Готово, ваша светлость! По этим высоким наградам всякий без труда распознает вашу персону; благодаря этой пластиночке ваша светлость сможет плавать... аппаратик же обеспечит связь с разумом, спрятанным в шкафу...

Обрадовался Диоптрик.

— Чего хочешь, требуй, говори, все получишь!

— Жажду взять в жены дочь вашей светлости, золотом изукрашенную Аурентину!

Разгневался страшно Диоптрик и, плавая вокруг головы Фротона, звеня орденами, обозвал его наглым негодяем, голодранцем, мерзавцем, а потом велел вытолкать его из хором. Сам же в подводной лодке поплыл немедля к королю.

Когда Миногар, Амассид и Филонавт увидели Диоптрика в новом обличье,— а узнали они его лишь по великолепным орденам, из которых он теперь состоял, если не считать хвостика,— страшный гнев овладел ими. Как мужи, в делах электронных сведущие, уразумели они, что дальше трудно пойти в персональном уменьшении, а уже завтра будут праздновать торжественное рождение королевича и нельзя терять ни минуты.

И уговорились Амассид с Филонавтом, что, когда Диоптрик будет возвращаться в свой дворец, они нападут на него, похитят и спрячут, что будет нетрудно, ибо никто и не заметит исчезновения такого маленького существа.

Как решили, так и сделали. Амассид приготовил старую жестяную банку и пританцлся с ней за коралловым рифом, мимо которого проплывала лодка Диоптрика; когда же лодка приблизилась, слуги Амассида, замаскировавшись, преградили ей путь, и, прежде чем лакеи Диоптрика подняли плавники для обороны, их хозяина уже накрыли банкой и похитили. Амассид немедленно прикрыл жестянку крышкой, чтобы великий программист не мог выбраться на свободу, и, страшно над ним издеваясь и насмехаясь, поспешно вернулся домой.

Там, однако же, подумал он, что не следует держать узника у себя, и в то же мгновение услышал крик, доносящийся с улицы: «Головы паять! Животы, хвосты, загривки чинить, полировать!» Обрадовался Амассид, велел позвать ремесленника — а был это Фротон,— велел ему герметически запаять жестянку, а ког-

да Фротон это сделал, дал ему золотую монету и сказал:

— Слушай-ка, ты... В этой банке находится скорпион металлический, которого поймали в подвалах моего дворца. Возьми его и выбрось за городом,— там, где большая мусорная свалка, знаешь? А для надежности завали жестянку камнями как следует, чтоб скорпион, чего доброго, не выбрался. И, ради Великой Матрицы, не открывай этой банки, иначе погибнешь не сойдя с места!

— Сделаю, как велишь, господин! — сказал Фротон, взял банку, деньги и ушел.

Удивила его эта история, не знал он, что и думать. Встряхнул баночку, и что-то в ней загрохотало.

— Не скорпион это,— подумал Фротон,— нет таких маленьких скорпионов... Посмотрим, что там такое, но немного погодя...

Вернулся он домой, спрятал банку на чердаке, прикрыл сверху старыми жестянками, чтоб жена ее не нашла, и пошел спать. Но жена заметила, что он спрятал нечто на чердаке, и, когда Фротон наутро вышел из дому, чтобы, как обычно, бродить по городу, крича: «Головы чинить! Хвосты паять!»,— быстро взобралась наверх, нашла жестянку и, встряхнув ее, услышала звон металла. «Ну и негодяй, ну и прощелыга! — подумала она о Фротоне.— До чего уж дошел, прячет от меня какие-то сокровища!» Взяла Фротониха да поскорей проделала дырку в баночке, но ничего сквозь нее не увидела, а потому вскрыла жестянку долотом. Как только она слегка отогнула крышку, блеснуло перед ней золото, ибо то были орде-

на Диоптрика из чистого металла. Дрожа от неудержимой алчности, сорвала Фротониха крышку с банки, и тогда Диоптрик, который дотоле лежал как мертвый, ибо жесть экранировала его от мозга, находящегося в ящике шкафа, вдруг очнулся, восстановил связь с разумом и закричал:

— Что это?! Где я?! Кто смел на меня напасть? Кто ты, мерзкая тварь? Знай, что погибнешь ни за грош, заклепают тебя, если немедленно не выпустишь меня!

Фротониха, увидав, что три ордена бросаются на нее, кричат и грозят хвостиком, так перепугалась, что кинулась наутек; подбежала она к чердачному люку, но Диоптрик все плавал над ней и грозился, ругаясь на чем свет стоит, и она с перепугу споткнулась о верхнюю перекладину приставной лестницы и вместе с лестницей слетела с чердака. Падая, она сломала себе шею, а лестница, перевернувшись, перестала подпирать крышку люка, и та захлопнулась. Таким образом Диоптрик остался запертым на чердаке и плавал от стены к стене, тщетно зовя на помощь.

Вечером вернулся домой Фротон и удивился, что жена не ждет его с ломом в руках у порога, а когда вошел в дом и увидел ее, даже несколько огорчился, ибо был безмерно порядочен, однако вскоре подумал, что происшествие это пойдет ему на пользу, тем более что жену можно будет использовать на запасные части и это хорошо оплатится. Так что сел он на пол, достал отвертку и начал развинчивать покойницу. И тут дошли до его слуха пискливые выкрики, плывущие с высоты.

— Ах,— сказал себе Фротон,— я узнаю этот голос. Ведь это великий программист королевский, который велел меня вчера вытолкать из своего дома, да еще и не заплатил мне ничего. Но как же он попал ко мне на чердак?

Приставил он лестницу к люку, поднялся наверх и спросил:

— Вы ли это, ваша светлость?

— Да, да! — закричал Диоптрик. — Это я! Кто-то похитил меня и запаял в этой банке, какая-то женщина открыла банку, испугалась и упала с чердака, крышка люка захлопнулась, я заперт, выпусти меня, кто бы ты ни был, ради Великой Матрицы, и я дам тебе все, чего ты захочешь!

— Я уж эти слова слышал, с разрешения вашей светлости, и знаю, чего они стоят,— ответил Фротон,— ведь я тот ремесленник, которого вы велели выгнать.

И рассказал Фротон вельможе всю историю — как неизвестный ему магнат призвал его к себе, велел запаять банку и выбросить на мусорную свалку за городом. Понял Диоптрик, что был то один из министров короля, а вернее всего — Амассид. И принялся он тут просить и молить Фротона, чтоб выпустил его с чердака; тот, однако, спрашивал, как можно теперь верить слову Диоптрика.

Лишь когда вельможа поклялся всем святым, что отдаст свою дочь за него, Фротон открыл чердак, ухватил Диоптрика двумя пальцами, держа орденами кверху, и отнес его домой. А часы уже выплескивали полдень, и начиналось великое торжество вынимания королевича из печи. Поскорей подвесил Диопт-

рик к трем орденам, из которых состоял, Большую Всеморскую Звезду на ленте, расшитой волнами, и бегом поплыл к дворцу Иноксидов.

Фротон же отправился в покой, где среди дам своих находилась Аурентина, играя на электродрумлях, и они весьма пришлись по вкусу друг другу.

Фанфары прогремели с дворцовых башен, когда Диоптрик доплыл до главного входа, ибо уже началось торжество. Не хотели сначала впустить его привратники, но распознали по орденам и открыли ворота. И, когда ворота открылись, подводный сквозняк пролетел по всему коронационному залу, подхватил Амассида, Миногара и Филонавта — до того они были маленькие — и занес их в кухню, где они покрутились, тщетно призывая на помощь, над раковиной, упали в нее и, пройдя подземными канализационными ходами, очутились за городом. Пока они выкарабкались из тины и грязи, отчистились и вернулись во дворец, торжество уже окончилось.

Тот же сквозняк подводный, что так много бед принес трем министрам, подхватил и Диоптрика и с такой силой завертел его вокруг трона, что лопнула скреплявшая его золотая проволочка и полетели во все стороны орден и Всеморская Звезда, аппаратик же с разгону ударил по лбу короля Гидропса, который весьма изумился, ибо из этой крупинки услышал писк:

— Ваше королевское величество! Простите! Это я, Диоптрик, Великий Программист!

— Ну что это за дурацкие шутки в такую минуту! — крикнул король, отпихнул аппара-

тик, и тот сплыл на пол, а Великий Поджаберный, открывая торжество троекратным ударом золотого жезла, нечаянно разбил аппаратик вдребезги.

Вышел королевич из печи детской, взор его упал на электрическую рыбку, что плавала в серебряной клетке у трона, лицо его прояснилось, и понравилось ему это маленькое созданище. Торжество благополучно окончилось, королевич взошел на трон и занял место Гидропса. Стал он с тех пор властелином аргонавтиков и великим философом: увлекся он исследованием небытия, ибо ничего меньшего нельзя себе представить; нарекся Неантофилом и правил справедливо, а маленькие электрические рыбки были любимым его кушаньем.

Фротон же взял в жены Аурентину, по ее просьбе отремонтировал лежавшее в подвале изумрудное тело Диоптрика и вставил в него мозг, вынутый из шкафа.

Видя, что ничего больше не поделаешь, великий программист и остальные министры служили с тех пор новому королю верой и правдой. Аурентина же и Фротон, который стал Великим Поджестяным Королевским, жили долго и счастливо.

**СКАЗКА О ЦИФРОВОЙ МАШИНЕ,
КОТОРАЯ С ДРАКОНОМ
СРАЖАЛАСЬ**

Король Полеандр Партобон — Воемуж Храброватый, — владыка Киберии был преславным воителем, а, почитая методы новейшей стратегии, более всего ценил кибернетику как военное искусство. Королевство его кише-ло мыслящими машинами, ибо Полеандр размещал их всюду, где мог: не только в астрономических обсерваториях или в школах заводил, но и в камни на дорогах вставлять приказывал малые электронные мозги, которые громким голосом предостерегали путника, дабы не споткнулся; равно же и в столбы, стены и деревья повелевал он вставлять машины, чтобы всюду можно было разузнать о дороге. Он подвешивал их к тучам небесным, чтобы возвещали о дожде, наделял ими горы и долины; словом, невозможно было в Киберии шагу ступить, не наткнувшись на разумную машину.

Дивно было на планете. Не только повелевал он кибернетически совершенствовать то, что существовало ранее, но совсем новые порядки указами насаждал. Так, изготавлились в Полеандровом королевстве киберраки и звенящие киберосы и даже кибермухи; а когда они слишком плодились, их ловили

механические пауки. Шумели на планете киберроши и киберлеса, играли киберорганчики и кибергусли, а помимо этих цивильных устройств, двукрат более было военных, поскольку король презрядным был воеводой. В подземельях дворца у него стояла стратегическая цифровая машина необычайной отваги; были у него к тому же и полки малых киберпищалей, большие кибермортиры и всяческое иное оружие, также и огневые палаты, полные пороха.

Злосчастливым почитал он себя лишь оттого, что совсем у него не было ни противников, ни врагов, никто не хотел напасть на его государство, дабы устрашающая королевская храбрость, стратегический ум и небывалая исправность кибероружия сразу же себя выказали. Из-за нехватки врагов и всамделишных захватчиков приказывал король своим инженерам строить потешных, с которыми и воевал — всегда победоносно. Поелику же походы и битвы эти были суровыми, немалый ущерб терпели от них простолюдины. Подданные роптали, когда слишком многие кибервраги уничтожали их грады и веси или же синтетический супостат поливал их жидким огнем, и даже тогда недовольство выражать дерзали, когда сам король, как их избавитель, наступая и противника потешного уничтожая, все, что на пути стояло, обращал во время штурмов в пожарнища и пепелища. Даже и тогда роптали они, неблагодарные, хотя делалось это для их же освобождения.

Наскучили, однако, королю военные потехи на планете, и решил он пойти воевать подаль-

ше. Грезились ему космические уже войны и походы. Был у королевской планеты спутник — большая Луна, пустынная совсем и дикая; король обложил подданных тяжелой податью, желая пополнить казну и на этой Луне войска изготовить и новый театр военных действий устроить. Подданные охотно платили налог, уповая, что не будет уж больше король Полеандр освобождать их кибермортирами ниже силу оружия своего на домах их и головах пробоовать. Вот и построили на Луне королевские инженеры отменную цифровую машину, которая в свой черед должна была изготовить всяческие войска и самопальное оружие. Король немедля принялся так и эдак исправность машины испытывать; разок даже приказал ей по телеграфу, чтобы она драку электрическую учинила; было ему интересно, правду ли говорят инженеры, что машина эта может все делать. Если она все может, размыслил король, так пусть кулаками помашет. Однако в содержание депеши вкралась небольшая ошибка, и машина вместо команды драку учинить получила приказ учинить дракона; и как можно лучше исполнила она заданную программу.

В ту пору вел король еще одну кампанию, освобождая провинции королевства, захваченные киберкнехтами; он совсем уж забыл о своем повелении, когда на планету стали низвергаться с Луны каменные глыбы; изумился Полеандр, ибо и на крыло дворца королевского обрушилась скала и уничтожила коллекцию кибергномов — заводных человечков с обратной связью; сильно разгневанный, он тот-

час лунную машину по телеграфу спросил, как она смеет так поступать. Машина, однако, ничего не ответила, ее самой уж и на свете не было: поглотил ее дракон и превратил в собственный хвост.

Немедля послал король на Луну ратную силу, а во главе поставил другую цифровую машину, тоже преотважную, приказав ей уничтожить дракона; однако на Луне что-то сверкнуло, гроыхнуло, только машину с войском и видели, потому что взаправду воевал Горыныч, не понарошку, а против короля и королевства питал злоковарные умыслы. Посылал король на Луну генералов-кибералов, полковников-киберовников, а под конец послал даже одного кибералиссимуса, но и тот ничего не мог поделатъ; лишь немногим дольше обычного длилось побоище, которое король наблюдал в трубу, установленную на террасе дворца.

Чудовище росло, а Луна становилась все меньше и меньше, пожирал ее сыроядец кусок за куском и превращал в собственное тело. Понял король, а с ним и подданные, что пришла беда, ибо, как только почвы под ногами электродракона не останется, непременно набросится он на планету и на них самих. Очень тужил король, но не видел спасения и не знал, что делать. Машины посылать плохо, раз они погибают, а самому выступить тоже нехорошо, потому что боязно. Вдруг король услышал — а дело было глухой ночью, — как в парадной опочивальне постукивает телеграфный аппарат. Был то аппарат королевский, весь из золота, с бриллиантовыми буквами, с Луной соединенный. Вскочил король и ну бежать к аппарату, а

аппарат все тук-тук-тук да тук-тук-тук и такую депешу отстучал: «Повелевает электродракон Воемужу Храброватому убираться прочь, ибо он, дракон, на его троне воссесть намерен!»

Перепугался король, задрожал весь и, как был, в ночной рубашке горностаевой и в шлепанцах, побежал в дворцовое подземелье, где находилась стратегическая машина, старая и очень мудрая. Давно уж не просил он у нее совета, так как еще до появления электродракона повздорил с ней из-за плана одной баталии; теперь же не до распри было, приходилось спасать жизнь и трон!

Включил король машину и, едва она нагрелась, воскликнул:

— Машинушка моя цифровая! Милая моя! Так-то и так-то, желает электродракон меня трона лишить, из королевства изгнать; спаси меня и скажи, как дракона одолеть?!

— Ну, нет,—ответила цифровая машина,— сначала ты должен признать, что я в том споре была права, а кроме прочего, желаю я величаться не иначе, как Великим Цифровым Стратегом, причем можешь также называть меня «Ваша Ферромагнитность»!

— Ладно, ладно, провозглашаю тебя Великим Стратегом и согласен на все, чего ни пожелаешь, только спаси!

Забренчала машина, зашумела, откашлялась и молвила:

— Дело простое. Нужно построить электродракона более сильного, чем тот, что на Луне сидит. Победит он лунного, поломает ему все мослы электрические и тем способом достигнет цели!

— Ах, это великолепно! — ответил король. — А можешь ли ты мне представить планы такого дракона?

— Это будет супердракон! — изрекла машина. — Не только планы могу я составить, но и его самого изготовить, что сейчас и сделаю, только обожди минутку, король!

И в самом деле, она забурчала, загремела, засветилась, складывая что-то в своем нутре, и вот уже нечто подобное огромному когтю, электрическое, огненное вылезло из ее бока; но тут король закричал:

— Стой, старая цифруха, стой!

— Как ты меня называешь?! Я — Великий Цифровой Стратег!

— Ну ладно, — согласился король. — Ваша Ферромагнитность, ведь электродракон, которого ты изготовишь, победит того дракона, но сам наверняка займет его место, и как же тогда можно будет от него избавиться?!

— Изготовить другого, следующего, еще более могучего, — объяснила машина.

— Ну, нет! Лучше уж ничего не делай, прошу тебя; что мне в том, ежели на Луне будут появляться все новые драконы, один другого страшнее, когда мне ни один там не надобен!

— А, ну тогда дело другое, — ответила машина, — что ж ты мне сразу этого не сказал? Видишь, как нелогично ты выражаешься? Подожди... я должна подумать.

И загремела, забренчала, зашумела, наконец откашлялась и молвила:

— Надо изготовить антилуну с антидраконом, вывести на орбиту Луны, — тут в ней что-то хрустнуло, — присесть и пропеть: «А я робот

молодой, обливаясь водой, через воду прыг да прыг, не страшуся ни на миг, темной ночью, в день-деньской, расскажи ты, кто такой?!»

— Чудно ты говоришь, — молвил король, что общего между антилуной и этой считалкой про молодого робота?

— Про какого робота? — спросила машина. — Ах, нет, нет, я ошиблась, кажется, у меня чего-то внутри не хватает, должно быть, я где-то перегорела.

Принялся король искать поврежденную деталь, нашел наконец перегоревшую лампу, вставил новую и спросил машину, что же делать с антилуной.

— С какой антилуной? — спросила машина, которая тем временем успела забыть, о чем говорила. — Ничего не знаю про антилуну... подожди, я должна подумать.

Пошумела она, погромела и промолвила:

— Нужно создать общую теорию одоления электродраконов, частным случаем которой, весьма легко разрешимым, явился бы лунный дракон.

— Ну, так создай такую теорию! — вскричал король.

— Для этой цели я должна сначала изготовить разнообразных экспериментальных электродраконов.

— Ну, нет! Большое тебе спасибо! — воскликнул король. — Дракон хочет меня трона лишить, так что же будет, если ты родишь их целое стадо?!

— Да? Ну, тогда следует прибегнуть к иному способу. Мы воспользуемся стратегическим вариантом метода последовательных прибли-

жений. Ступай и телеграфируй дракону, что ты готов отдать ему трон, если он выполнит три математических действия, совсем простых...

Пошел король в опочивальню, послал телеграмму, и дракон согласился; тогда король вернулся к машине.

— Теперь, — молвила машина, — сообщи ему, какое действие он должен выполнить первым: пусть поделит себя на самого себя!

Исполнил это указание король. Дракон поделил себя на самого себя, но, поскольку в одном электродраконе содержится только один электродракон, он по-прежнему остался на Луне и ничего не изменилось.

— Ах, что же ты наделала, — вскричал король, столь поспешно вбегая в подземелье, что едва не потерял туфли, — дракон поделил себя на самого себя, но, поскольку единожды один равно единице, ничто не изменилось!

— Не беда, я поступила так намеренно, это — ложный маневр, отвлекающий внимание, — молвила машина. — Теперь ты предложи дракону извлечь из себя корень!

Король телеграфировал на Луну, и дракон принялся извлекать корень; извлекал-извлекал, пыхтел, трясся, скрежетал, но вот наконец корень поддался, и дракон извлек его из себя!

Вернулся король к машине.

— Дракон трещал, трясся, даже скрежетал, извлек корень, но по-прежнему мне угрожает! — крикнул король еще с порога. — Что теперь делать, цифру... то есть Ваша Ферромагнитность?!

— Не печалься, — ответила машина, — скажи теперь, чтобы он себя из самого себя вычел!

Помчался король в опочивальню, послал телеграмму, и дракон принялся себя из самого себя вычитывать. Сначала вычел из себя хвост, потом лапы, потом туловище и наконец, увидев, что дело неладно, заколебался, но, продолжая с разгону вычитывать, вычел из себя голову, и в результате остался ноль, то есть ничто: не стало электродракона!

— Нет больше электродракона! — радостно воскликнул король, вбегая в подземелье. — И все благодаря тебе, старая цифрушечка... благодаря... ах, ты уже наработалась, ты заслужила отдых, сейчас я тебя выключу.

— Ну, нет, мой дорогой, — ответила машина, — я свое дело сделала, а ты хочешь меня выключить и уже не величаешь больше Ваша Ферромагнитность? Это очень скверно! Теперь я сама обращаюсь в дракона, мой милый, изгоню тебя из королевства и буду править лучше тебя, ты ведь всегда просил у меня совета по важнейшим делам, а значит, это я правила, а не ты...

И со скрежетом и дребезжанием стала она обращаться в электродракона: уже огненные электрокогти вылезали у нее из боков, но тут король, задыхаясь от ужаса, сбросил с ноги туфлю, прыгнул к машине и принялся крушить туфлей лампу за лампой.

Задребезжала, захрипела машина, сбилась ее программа, и из команды «электродракон» получилась команда «электродеготь»; на глазах у короля машина, похрипывая все тише и тише, превратилась в огромную блестящую

массу черного как уголь электродегтя; масса еще потрескивала, пока не вытекло из нее голубыми искорками все электричество и перед остолбеневшим Полеандром не задымилась огромная лужа дегтя...

Вздохнул король с облегчением, надел туфли и вернулся в парадную опочивальню. Однако с той поры он сильно переменился: пережитые им злоключения сделали его нрав менее воинственным, и до конца своих дней Полеандр забавлялся лишь гражданской кибернетикой, военной же не касался вовсе.

ДРУГ АВТОМАТЕЯ

Некий робот, собираясь в далекое и небезопасное путешествие, прослышал о весьма полезном устройстве, которое придумавший его изобретатель назвал электронным другом. Решил робот, что бодрей он будет себя чувствовать, имея приятеля, а потому отправился к изобретателю и попросил, чтобы тот рассказал об искусственном друге.

— К твоим услугам, — ответил изобретатель. (Как известно, в сказках всем, даже драконам, говорят «ты» и лишь к королям полагается обращаться во множественном числе.) Сказав это, изобретатель вынул из кармана горсть металлических зернышек, похожих на мелкую ружейную дробь.

— Что это? — удивился робот.

— А как твое имя, я ведь забыл спросить тебя об этом в надлежащем месте сказки, — спросил изобретатель.

— Меня зовут Автоматей.

— Это для меня слишком длинно. Я буду называть тебя Автик.

— Да ведь это от Автомата, но пускай уж будет по-твоему, — ответил робот.

— Так вот, мой почтенный Автик, перед

тобой — горсть электродрузей. Знай, что по призванию и специальности я миниатюризатор. Иначе говоря, большие и громоздкие устройства я заменяю небольшими, портативными. Каждое из этих зерен — сгусток электронного мышления, безмерно разностороннего и логичного. Не скажу, что они гении, ибо это было бы преувеличением, похожим на дешевую рекламу. Правда, намереваюсь я создать именно электронных гениев и не успокоюсь, пока не сделаю таких малюсеньких, чтобы их тысячами можно было носить в кармане; лишь тогда достигну я желаемой цели, когда насыплю их в мешки и буду продавать на вес, как песок. Но не будем рассуждать о моих планах на будущее. Пока что я продаю электродрузей поштучно и к тому же недорого: за каждого — равный ему по весу бриллиант. Ты, я думаю, поймешь, до чего это умеренная цена, если примешь во внимание, что такого электродруга можно вложить в ухо и он станет шептать хорошие советы и давать всяческую информацию. Вот тебе кусочек ваты — заткнешь ухо, чтобы электродруг не выпал, когда ты склонишь голову набок. Ну как, берешь? Коль надумаешь взять дюжину, отдам дешевле...

— Нет, пока мне хватит одного. Но я хотел бы еще узнать, на что именно он способен. Сможет ли он помочь в трудную минуту?

— Разумеется, ведь для этого он и создан, — спокойно молвил изобретатель. Он подбросил на ладони горсть зернышек, металлически поблескивающих, ибо сделаны они были из редких металлов, и продолжал: — Конечно,

он не может оказать тебе физическую помощь, но ведь не об этом же речь. Ободряющее слово, быстрые и верные советы, благоразумные размышления, полезные указания, напоминания, предостережения, а также ободряющие замечания, изречения, укрепляющие веру в собственные силы, и к тому же глубокие мысли, помогающие справиться с любой трудной и даже опасной ситуацией, — вот лишь незначительная часть репертуара моих электродрузей. Они абсолютно преданны, верны, всегда начеку, ибо никогда не спят, а к тому же невероятно прочны, красивы, и ты сам видишь, как они удобны! Так что же, возьмешь только одного?

— Да, — ответил Автоматей. — Скажи мне еще, пожалуйста, что будет, если его украдут у меня? Вернется ли он ко мне? Доведет ли он вора до гибели?

— Что нет, то нет, — возразил изобретатель. — Вору он будет служить так же старательно и верно, как прежде служил тебе. Не надо требовать слишком многого, дорогой мой Автик, он не оставит тебя в беде, ежели ты сам его не оставишь. Но это тебе не угрожает, если ты вложишь его в ухо и всегда будешь носить вату...

— Ладно, — согласился Автоматей. — А как мне с ним разговаривать?

— Тебе вовсе незачем говорить, стоит беззвучно прошептать что-либо, и он тебя отлично услышит. Что касается имени, то зовут его Вух. Можешь к нему обращаться: «Мой Вух», этого достаточно.

— Прекрасно! — сказал Автоматей.

Вуха взвесили, изобретатель получил за него красивый бриллиантик, а робот, радуясь тому, что есть у него теперь товарищ, родная душа, отправился в долгий путь.

Путешествовать с Вухом было очень удобно. По утрам он будил робота, насвистывая ему тихую веселую побудку, а днем рассказывал разные смешные истории. Впрочем, вскоре Автоматей запретил ему делать это, когда находился в обществе, ибо окружающие начинали считать его придурковатым, замечая, что он время от времени раздражается смехом без всяких видимых причин. Так путешествовал Автоматей, сперва по суше, а потом добрался до берега моря, где его ожидал красивый белый корабль. Пожитков у Автоматея было немного, он мигом устроился в уютной каюте и с удовольствием услышал грохот, означающий, что поднимают якорь и начинается дальнейшее плавание. Несколько суток белый корабль весело плыл по волнам, днем — под лучами ласкового солнца, ночью — под серебристым светом луны, а однажды утром разразилась ужасающая буря. Волны в три раза выше мачт обрушивались на трещавший по всем швам корабль, и кругом стоял такой страшный грохот, что Автоматей не слышал ни слова из всех утешений, которые, несомненно, нашептывал ему Вух в эти тяжелые минуты. Вдруг раздался зловещий треск, в каюту хлынула соленая вода и на глазах испуганного Автоматея корабль стал разваливаться на части.

Робот в чем был выбежал на палубу и едва успел прыгнуть в последнюю спасательную шлюпку, как набежавшая огромная волна

обрушилась на корабль и потащила его в бурлящую морскую пучину. Автоматей не видел ни одного матроса, он был один-одинешенек в спасательной шлюпке среди бушующего моря и дрожал, ожидая минуты, когда очередной вал накроет его вместе с лодкой. Выл ветер, из низко нависших туч дождь потоками сек взбурдаженную поверхность моря, и робот по-прежнему не мог расслышать, что хочет сказать ему Вух. Вдруг среди водоворотов заметил Автоматей нечто смутно темнеющее в белой кипящей пене; был это берег неизвестной земли, о который разбивались волны. Лодка со скрежетом села на камни, Автоматей же, промокший до нитки, из всех сил пустился на трясущихся ногах в глубь спасительной земли, лишь бы подальше от волн. Под какой-то скалой он упал на землю и, вконец измученный, погрузился в глубокий сон.

Разбудило его тихое насвистывание. Это Вух напоминал ему о своем присутствии.

— Ах, как чудесно, Вух, что ты здесь! Лишь теперь я вижу, как это хорошо, что ты со мной, а вернее, даже во мне! — воскликнул, очнувшись, Автоматей.

Он осмотрелся. Светило солнце. Море еще волновалось, но исчезли грозные водяные валы, тучи, дождь; к сожалению, вместе с ними исчез и корабль. Как видно, ночью буря бушевала с невероятной силой, ибо и шлюпку, на которой спасся Автоматей, тоже унесло в открытое море.

Робот вскочил и побежал вдоль берега, но уже через десять минут вернулся на прежнее место. Положение было невеселое: он находил-

ся на острове, необитаемом и притом очень маленьком. Но что с того — ведь с ним был Вух! Он быстро сообщил Вуху, как обстоят дела, и попросил совета.

— А! О! Дорогой мой! — сказал Вух. — Ничего себе положение! Подожди-ка, я как следует подумаю. А что тебе, собственно говоря, нужно?

— То есть как это что? Все: помощь, спасение, средства существования — ведь здесь, кроме песка и скал, ничего нет!

— Гм! Правда? А ты вполне уверен в этом? Не валяются ли где-нибудь на прибрежном песке сундуки с разбитого корабля, полные разных инструментов, интересных книг, одежды всякого рода и пороха для ружей?

Автоматей вдоль и поперек исходил весь остров, но ничего не нашел, ни щепки. Корабль, должно быть, камнем пошел ко дну.

— Говоришь, ничего нет? Гм, это весьма странно. Богатая литература о жизни на необитаемых островах неоспоримо доказывает, что потерпевший кораблекрушение непременно находит где-нибудь поблизости топоры, гвозди, пресную воду, масло, библию, пилы, клещи, ружья и множество иных полезных вещей. Но раз нет, так нет. Может, есть хоть какая-нибудь пещера в скалах, которая послужит тебе убежищем?

— Нет, и пещеры никакой не видно.

— Нет, говоришь? Ну, это уж совсем необычно! Будь добр, поднимись на самую высокую скалу и осмотришь округ.

— Сейчас же сделаю это! — воскликнул Автоматей.

Он взобрался на крутую скалу посреди острова — вулканический островок со всех сторон окружал бескрайний океан!

Упавшим голосом сообщил он об этом Вуху, поправляя дрожащим пальцем вату в ухе, чтобы ненароком не лишиться приятеля. «Какое счастье, что он не выпал во время кораблекрушения», — подумал Автоматей и, снова почувствовав усталость, присел на выступ скалы, с нетерпением ожидая помощи друга.

— Внимание, мой друг! Вот советы, которые спешу я дать тебе в этой тяжелой обстановке! — отозвался наконец голосок Вуха. — На основании произведенных расчетов констатирую, что мы находимся на неизвестном островке, представляющем собой риф, а точнее, вершину подводного горного хребта, который постепенно поднимается из пучины и через три или четыре миллиона лет соединится с материком...

— Оставим это; скажи, что мне делать сейчас! — вскричал Автоматей.

— Островок находится вдали от морских путей. Случайное появление вблизи него корабля — один шанс из четырехсот тысяч.

— О небеса! — закричал в отчаянии робот. — Так что же ты советуешь делать?

— Сейчас скажу, только не перебивай меня все время. Пойди к морю и входи в воду — примерно по грудь. Тогда тебе не придется слишком наклоняться, что было бы неудобно. Потом опусти голову и втяни столько воды, сколько сможешь. Знаю, что вода горькая, но это скоро кончится. Особенно если ты будешь идти все дальше и дальше в море. Вскоре ты

отяжелеешь, а соленая вода, заполнив всего тебя, мгновенно прервет все органические процессы и таким образом ты немедленно расстанешься с жизнью. Благодаря этому ты избежишь длительных мук пребывания на этом островке, потери рассудка и медленной агонии. Можешь также взять в обе руки по тяжелому камню. Это не обязательно, но все же...

— Да ты с ума сошел, что ли?! — заорал, срываясь с места, Автоматей. — Я должен утопиться? Ты склоняешь меня к самоубийству? Вот так добрый совет! И ты называешься моим другом?!

— Ну, разумеется! — ответил Вух. — Я во все не сошел с ума, поскольку это вне моих возможностей. Я никогда не теряю душевного равновесия. Тем неприятней было бы сопровождать тебе, мой дорогой, если б я увидел, что ты потерял это равновесие и медленно погибаешь под лучами палящего солнца. Уверяю тебя, что я тщательно проанализировал сложившуюся ситуацию и по очереди исключил все возможности спасения. Ты не сможешь построить лодку или плот, потому что у тебя нет для этого материалов; никакой корабль, как я уже говорил, не подберет тебя, даже самолеты не пролетают над этим островом, а ты опять же не в состоянии построить летательный аппарат. Ты мог бы, конечно, предпочесть быстрой смерти медленную агонию, но я, как твой ближайший друг, горячо протестую против такого неразумного решения. Если ты как следует втянешь воду...

— Чтоб тебя черт побрал с этой самой водой! — завопил, дрожа от ярости, Автома-

тей. — И подумать только, что за такого друга я отдал прекрасный отшлифованный бриллиант! Знаешь, кто твой изобретатель? Обыкновенный мошенник, жулик, прохвост!

— Думаю, ты возьмешь свои слова обратно, когда выслушаешь меня до конца, — спокойно ответил Вух.

— Так, значит, ты еще не все сказал? Или ты собрался развлекать меня рассказами о загробной жизни? Благодарю покорно!

— Никакой загробной жизни нет, — возразил Вух. — И я не собираюсь обманывать тебя, так как и не хочу и не умею это делать. Я иначе понимаю дружеские услуги. Ты только слушай внимательно, мой дорогой друг. Как тебе известно, хоть обычно об этом не думают, мир безгранично богат и разнообразен. В нем есть великолепные города, полные суеты и сокровищ, есть королевские дворцы и хижины, чарующие и угрюмые горы, есть шумные дубравы, ласковые озера, знойные пустыни Юга и бескрайние снега Севера. Ты, такой, каким создан, не можешь, однако, видеть и воспринимать одновременно более одного-единственного места из тех, о которых я упомянул, и из миллионов тех, о которых я умолчал.

Поэтому без всякого преувеличения можно сказать, что для тех мест, где тебя нет, ты являешься чем-то вроде мертвеца, поскольку ты не наслаждаешься богатством дворцов, не принимаешь участия в танцах южных стран, не восхищаешься радужными переливами льдов Севера. Для тебя они не существуют совершенно так же, как если б тебя вообще не было на свете. Поэтому, если ты хорошо вник-

нешь, углубишься мыслью в то, о чем я говорю, так поймешь, что, не будучи всюду, то есть во всех этих волшебных местах, ты не существуешь почти нигде. Ибо мест для пребывания, как уже было сказано, миллион миллионов, а ты можешь воспринимать лишь одно из них, неинтересное, неприятное своим однообразием, даже отвратительное, — этот скалистый островок.

Итак, между «везде» и «почти нигде» — огромная разница, и это — твой жизненный удел, ибо ты всегда находился одновременно в одном-единственном месте. Зато разница между «почти нигде» и «нигде», по правде говоря, микроскопическая. Математический анализ ощущений доказывает, что ты уже сейчас, собственно, еле живешь, раз почти повсюду отсутствуешь, совсем как покойник! Это — во-первых. А во-вторых, посмотри на этот песок, смешанный с гравием, который ранит твои нежные ступни, — разве ты считаешь его чем-то ценным? Наверное, нет. А эта масса соленой воды, ее надоедливый избыток — нужно тебе это? Нисколько! Или эти скалы и знойная, иссушающая суставы голубизна неба над головой? Нужен тебе этот невыносимый зной, эти мертвые раскаленные скалы? Разумеется, нет! Итак, ты не нуждаешься абсолютно ни в чем из всего, что тебя окружает, на чем ты стоишь, что распростерлось над твоей головой. Что же остается, если отнять все это? Шум в голове, боль в висках, биение сердца, дрожь в коленях и прочие нарушения нормы. А нужны ли тебе этот шум, боль, биение или дрожь? Ни в коем случае, мой дорогой! А если и от этого отка-

заться, что же тогда останется? Мятущиеся мысли, слова, так похожие на проклятия, которые ты про себя адресуешь мне, твоему другу, ну и, наконец, душащий тебя гнев и вызывающий тошноту страх. Нужны ли тебе, спрашиваю под конец, этот омерзительный страх и бессильная злоба? Конечно, и это тебе не нужно. Если же отбросим и эти ненужные ощущения, не останется уж совсем ничего, абсолютно, говорю тебе — нуль, и именно этим нулем, то есть состоянием вечного равновесия, постоянного молчания и совершенного покоя я и хочу, как настоящий друг, одарить тебя!

— Но я хочу жить! — крикнул Автоматей. — Хочу жить! Жить! Слышишь?!

— Ну, это уже разговор не о том, что ты чувствуешь, а о том, чего ты хочешь, — спокойно возразил Вух. — Ты хочешь жить, то есть обладать будущим, которое становится настоящим, ибо ведь к этому ведет жизнь и ничего больше в ней нет. Но, как мы уже установили, жить ты не будешь, ибо не можешь. Дело лишь в том, каким образом ты перестанешь жить — путем долгих мучений или же легко, когда, втянув залпом воду...

— Довольно! Не хочу!! Прочь! Убирайся!! — кричал во весь голос Автоматей, подпрыгивая на месте со сжатыми кулаками.

— Это еще что такое? — возразил Вух. — Не говоря уж об оскорбительной форме приказа, которая невольно ассоциируется у меня с отказом от дружбы, как ты можешь так неразумно выражаться? Как ты можешь кричать мне: «Прочь!»? Разве у меня есть ноги, на которых я мог бы уйти? Или хотя бы руки,

чтоб на них отползти? Ведь ты же прекрасно знаешь, что это не так. А если ты хочешь от меня избавиться, то, будь добр, вынь меня из уха, которое, уверяю тебя, вовсе не является наилучшим местом в мире, и забрось куда-нибудь.

— Хорошо! — вскричал не помнивший себя от гнева Автоматей. — Сейчас же это сделаю!

Но напрасно он ковырял в ухе. Его друг был слишком глубоко засунут, и Автоматей никак не мог его вытащить, хоть и тряс головой из всех сил, как бешеный.

— Кажется, ничего из этого не выйдет, — спустя некоторое время отозвался Вух. — Похоже, что мы не расстанемся, хоть это и не по вкусу ни тебе, ни мне. Если так, то с этим фактом следует примириться, ибо факты тем и отличаются, что спорить с ними бесполезно. Между прочим, это относится и к твоему нынешнему положению. Ты жаждешь иметь будущее, притом любой ценой. Мне это кажется неблагоприятным, но пусть будет по-твоему. Однако позволь обрисовать тебе эту будущность хотя бы в общих чертах, так как познание всегда лучше непознанного. Гнев, который ты испытываешь сейчас, вскоре сменится бессильным отчаянием, а его в свою очередь после многих, столь же бурных, сколь и напрасных, усилий спастись заменит тупое безразличие. А тем временем жестокий зной, который доходит даже до меня в этом затененном месте твоего тела, будет, согласно неумолимым законам физики и химии, все больше и больше иссушать твоё тело. Сначала испарится смазка

в твоих суставах, и при малейшем движении ты, бедняга, будешь невероятно скрипеть и трещать! Затем, когда твой череп раскалится от зноя, ты увидишь разноцветные вращающиеся круги, но это совсем не будет похоже на чарующие цвета радуги, поскольку...

— Замолчи же наконец, мучитель! — закричал Автоматей. — Я вовсе не хочу слышать о том, что со мной произойдет! Молчи и не разговаривай, понимаешь?

— Тебе незачем так кричать. Ты отлично знаешь, что я слышу твой самый тихий шепот. Итак, ты не хочешь знать об ожидающих тебя муках? И в то же время жаждешь испытать их? Где же логика? Хорошо, тогда я замолчу. Замечу только, что ты поступаешь недостойно, сосредоточивая свой гнев на мне, будто это я виноват, что ты очутился в таком достойном жалости положении. Виновником несчастья, как ты знаешь, была буря, я же — твой друг, и участие в ожидающих тебя муках, во всем этом разделенном на акты зрелище страданий и агонии уже сейчас, в предвидении, причиняет мне большое огорчение. И вправду, страшно мне делается при одной мысли, что будет, когда смазка...

— Так ты не хочешь замолчать? Или уж не можешь, постылое чудовище? — заорал Автоматей и хватил себя по уху, где помещался его приятель. — Ох, если б какая-нибудь веточка попала мне под руку, какая-нибудь щепочка, — я тотчас выковырял бы тебя из уха и раздавил каблуком!

— Мечтаешь о том, чтобы уничтожить меня? — произнес опечаленный Вух. — Воистину

не заслужил ты ни электродруга, ни вообще кого-либо, кто по-братски сочувствовал бы тебе.

Автоматеем овладел новый приступ гнева, и так они спорили, ссорились, убеждали друг друга, пока не минул полдень. Бедный робот ослабел от криков, прыжков и махания кулаками и, усевшись в изнеможении на скалу, всматривался в пустынную даль океана, время от времени издавая вздохи отчаяния. Несколько раз он принимал краешек облачка на горизонте за дым парохода, но Вух рассенвал его иллюзии в самом зачатке, напоминая о том, что шансов на спасение — один из четырехсот тысяч. Это снова доводило Автоматея до судорог отчаяния и гнева, тем более что каждый раз Вух оказывался прав. Наконец они надолго замолчали. Автоматей смотрел, как удлиняются тени скал, уже касаясь белого прибрежного песка, когда Вух заговорил:

— Что ж ты молчишь? Может, перед глазами у тебя уже летают те круги, о которых я говорил?

Автоматей даже не удостоил его ответом.

— Ага! — продолжал Вух. — Значит, дело не только в кругах, а, по всей вероятности, наступило и то самое тупое безразличие, которое я с такой точностью предсказывал. Странно, каким неразумным созданием является разумное существо, особенно если его загнать в тупик. Оно заключено на необитаемом острове, где ему суждено погибнуть, ему доказали как дважды два — четыре, что гибель неизбежна, ему посоветовали, как выйти из этого положения, ему подсказали единственно воз-

можный способ применения своей воли и разума... будет ли оно за это благодарно? Где там — ему нужна надежда; а если ее нет и быть не может, оно цепляется за обманчивую видимость и предпочитает погрузиться в пучину безумия, чем в воду, которая...

— Перестань говорить о воде! — прохрипел Автоматей.

— Мне хотелось лишь подчеркнуть иррациональность твоих побуждений, — отвечал Вух. — Я уже ни к чему тебя не склоняю. То есть ни к каким действиям, ибо если ты предпочитаешь умирать медленно или, вернее, не желая вообще ничего делать, идешь на такое умирание, то это следует хорошо продумать. Насколько ложен и неразумен страх смерти — такого состояния, которое заслуживает скорее восторга! Ибо что может сравниться с совершенством небытия? Конечно, предшествующая ему агония сама по себе не является привлекательным зрелищем, но, с другой стороны, не было еще никого настолько слабого телом или духом, чтобы не выдержал агонии и не смог умереть целиком, без остатка, до самого-самого конца. Так что она не заслуживает особого внимания, раз это сумеет сделать любой заморыш, осел или негодяй.

Более того, если каждый может с ней справиться (ты должен согласиться, что это так; по крайней мере я не слышал ни о ком, у кого не хватило бы сил на агонию), то лучше насладиться мыслью о всемилостивом небытии, которое простирается сразу же за ее порогом. А поскольку после смерти невозможно мыслить, ибо смерть и мышление взаимно исклю-

чают друг друга, то когда же, как не при жизни, следует предусмотрительно и подробно представить себе все преимущества, удобства и удовольствия, какие сулит тебе смерть?! Подумай только, прошу тебя: никакой борьбы, тревог и страхов, никаких страданий души и тела, никаких неприятных историй. И пусть все злые силы объединятся и вступят в заговор против тебя — они тебе не страшны! О, поистине несравненна сладчайшая безопасность умершего! А если еще добавить, что безопасность эта не является чем-то мимолетным, нестойким, преходящим, что ее невозможно ни отменить, ни нарушить, тогда величайшее восхищение...

— А, чтоб ты пропал! — донесся до него слабый голос Автоматея, и за этой лаконичной фразой последовало короткое, но выразительное проклятие.

— Как мне жаль, что это невозможно! — немедленно отозвался Вух. — Не только эгоистическое чувство зависти (потому что, как я уже говорил, лучше смерти нет ничего), но и чистейший альтруизм склоняет меня сопровождать тебя в небытие. Но все же это неосуществимо, поскольку мой изобретатель сделал меня неуничтожаемым, очевидно из конструкторского честолюбия. Правда, тоска меня берет, как подумаю, что придется мне торчать внутри твоих заскорузлых от морской соли, высохших останков, распад которых, вероятно, будет происходить медленно, что я буду так вот сидеть и разговаривать с самим собой. А сколько потом придется ожидать, пока прибудет тот, первый из четырехсот тысяч, корабль.

который, согласно теории вероятности, в конце концов наткнется на этот островок...

— Что?! Ты не погибнешь тут?! — закричал Автоматей, выведенный из оупения этими словами Вуха. — Значит, ты будешь жить, тогда как я... О! Этому не бывать! Никогда! Никогда!! Никогда!!!

И с ужасным криком, вскочив на ноги, Автоматей начал прыгать, трести головой, из всех сил ковырять в ухе, делая самые невероятные рывки и броски всем телом, — однако тщетно. Вух все это время пищал, что есть силы:

— Да перестань же! Что ты, уже обезумел? Пожалуй, слишком рано! Осторожнее, ты повредишь себе! Чего доброго, что-нибудь сломаешь или вывихнешь! Побереги шею! Ведь это же бессмысленно! Иное дело, если б ты мог сразу, знаешь... а так ты только покалечишься! Ну, говорю же тебе, я неуничтожаем, и баста, так что зря ты мучаешься. Даже если ты встряхнешь меня из уха, все равно не сможешь сделать мне ничего дурного, то есть я хотел сказать — хорошего, ибо, согласно с тем, что я тебе подробно объяснил, смерть — это состояние, достойное зависти. Ай! Перестань наконец! Как можно так прыгать!

Однако Автоматей продолжал метаться, ни на что не обращая внимания, и дошел до того, что стал биться головой о камень, на котором ранее сидел. Он так молотил головой, что искры сыпались из глаз, ноздри забила пыль, он сам себя оглушил, а Вух внезапно вылетел из его уха и покотился меж камней, издав слабый возглас облегчения.

Автоматей не сразу заметил, что его усилия увенчались успехом. Опустившись на раскаленные солнцем камни, он некоторое время лежал неподвижно; затем, не в силах еще пошевелить рукой или ногой, пробормотал:

— Ничего, это лишь временная слабость. Но уж я тебя вытряхну, уж я тебя трахну каблуком, дорогой ты мой приятель. Слышишь? Слышишь? Эй! Что это?!

Он вдруг сел, ибо почувствовал пустоту в ухе. Осмотрелся еще неверным взором, стал на колени и начал лихорадочно искать Вуха, просеивая мелкий гравий.

— Вух! Ву-у-у-х! Где ты? Отзовись! — истошно кричал он.

Однако Вух, то ли из осмотрительности, то ли по какой другой причине, даже не пикнул. Автоматей тогда стал манить его самыми нежными словами, уверял, что переменял уже свое решение, что единственное его желание — последовать доброму совету электродруга и утопиться и он жаждет лишь снова выслушать похвалу смерти. Но и это не дало результата: Вух молчал как заколдованный. Тогда несчастный робот, проклиная все и вся, начал обшаривать берег дюйм за дюймом. И вдруг, собравшись уже отбросить в сторону очередную горстку гравия, Автоматей поднес ее к глазам и весь затрясся от лицемерной радости, ибо среди камешков увидел Вуха, металлическое зернышко, поблескивающее спокойным матовым блеском.

— Ага! Вот ты где, моя козявочка! Вот ты где, мой крошка-дружок! Попался, дорогой ты мой, вечный! — зашипел он, бережно сжимая

пальцами Вуха, не проронившего ни слова. — Ну, теперь посмотрим, какой ты прочный, сейчас проверим, вечно ли тебе существовать... Получай!

Этим словам сопутствовал мощный удар каблуком; положив электродруга на плоскую скалу, Автоматей прыгнул на него да еще и повернулся на подкованном каблуке так, что скрежет раздался. Вух не отозвался, только камень под ним заскрежетал, словно в него вонзилось стальное сверло. Нагнувшись, Автоматей увидел, что зернышко осталось невредимым, а скала под ним слегка выщербилась и Вух лежал теперь в крошечном углублении.

— Что, такой ты прочный? Сейчас найдем камень подтверже! — рявкнул Автоматей и начал бегать по всему островку, собирая самые крепкие обломки — кремень, базальт, порфир. Топча Вуха каблуками, Автоматей то обращался к нему с притворным спокойствием, то осыпал оскорблениями, думая, что электродруг ответит и даже станет молить о пощаде. Однако Вух продолжал молчать. Над островком носились лишь звуки тупых ударов, топот, скрежет дробящихся камней и проклятия запыхавшегося Автоматея.

Через некоторое время, убедившись, что Вуху в самом деле не причиняют вреда самые страшные удары, разгоряченный и уставший Автоматей снова уселся на берегу, не выпуская электродруга из рук.

— Даже если мне не удастся раздавить тебя, — сказал он, с трудом скрывая душившую его ярость, — то будь спокоен, я позабочусь о тебе, как полагается. Придется тебе долго

ждать корабля, мой дорогой, потому что я швырну тебя в море и ты будешь лежать там до скончания века. У тебя будет предостаточно времени для приятных размышлений в полном одиночестве. Нового приятеля ты не найдешь, уж об этом я позабочусь!

— Добряк ты мой! — отозвался внезапно Вух. — Ну, чем же мне повредит пребывание на дне океана? Ты мыслишь категориями, свойственными существу недолговечному, и в этом корень твоих ошибок. Пойми: либо море когда-нибудь высохнет, либо дно его подымет-ся над водой и станет сушей. Через сто тысяч лет это произойдет или через миллионы — значения для меня не имеет. Я не только неистребим, но и бесконечно терпелив, как ты мог заметить хотя бы по спокойствию, с каким я переносил приступы твоего бешенства. Скажу больше: я не отвечал на твои призывы и позволял искать себя, потому что хотел избавить тебя от напрасных трудов. Молчал я и когда ты топтал меня, чтобы неосторожным словом не усилить твою ярость, которая могла повредить тебе.

Задрожал Автоматей, слыша это благородное признание, от вновь вспыхнувшей ярости.

— Раздавлю тебя! В порошок сотру, негодяй! — рявкнул он, и снова начал неистовый танец на камнях, прыжки, удары каблуками.

Но на этот раз его действиям сопутствовало доброжелательное попискивание Вуха:

— Не верю, чтобы тебе удалось, но попробуй. Ну-ка! Еще раз! Да не так, а то скоро устанешь! Ноги вместе! И-и-и гоп! Вверх!

И-и-гоп-ля-ля! Гоп-ля-ля! Подскакивай выше, говорю тебе, и сила удара возрастет! Что, уже не можешь? В самом деле? Что — не выходит? Вот-вот, именно так! Бей сверху камнем! Так! Может, возьмешь другой? Неужели нет побольше? Еще раз! Бах-трах, мой дорогой друг! Как жаль, что я не в состоянии помочь тебе! Что же ты остановился? Неужели так быстро иссякли силы? Ах, как жаль! Ну, ничего... Я подожду, отдохни! Пускай тебя ветерок остудит...

Автоматей с грохотом свалился на камни и с пламенной ненавистью всматривался в лежащее на его ладони металлическое зерно, волей-неволей слушая, как оно говорило:

— Если б я не был твоим электродругом, то сказал бы, что ты ведешь себя недостойно. Корабль затонул из-за бури, ты со мной спасся, и я служил тебе советами, как умел, а когда я не придумал, как спастись, ибо это невозможно, ты за слова чистой правды, за мой искренний совет вбил себе в голову уничтожить меня, единственного своего товарища. Правда, таким образом ты по крайней мере обрел какую-то цель в жизни и хоть за это должен бы меня благодарить. Любопытно, что тебе до такой степени ненавистна мысль о том, что я останусь жить...

— Это мы еще увидим, останешься ли ты! — заскрипел зубами Автоматей. — Последнее слово еще не сказано.

— Нет, ты поистине великолепен! Знаешь что? Попробуй положить меня на пряжку своего пояса. Она сделана из стали, а сталь ведь прочнее камня. Можешь попробовать,

хоть я-то лично убежден, что и из этого ничего не выйдет. Но я был бы рад помочь тебе...

Автоматей, поколебавшись, последовал этому совету, но лишь того добился, что поверхность пряжки покрылась маленькими ямками от яростных ударов. Увидев, что даже самые отчаянные удары пропадают впустую, Автоматей впал в черную меланхолию и в бессильном отчаянии тупо смотрел на металлическую дробинку, продолжавшую говорить тонким голосом:

— И это — разумное существо, подумать только! Впадает в бездну отчаяния, ибо не может стереть с лица земли единственное дружественное ему создание во всем этом мертвом пространстве. Скажи, Автоматейчик, неужели тебе нисколько не стыдно?

— Замолчи, болтливая дрянь! — прошипел Автоматей.

— Почему это я должен молчать? Видишь ли, если б я желал тебе зла, то давно бы уже умолк, но я все еще твой электродруг. И, как неизменный друг, буду рядом с тобой, когда тебя начнут терзать муки агонии, хоть ты на голову становись, а ты меня в море не бросишь, мой милый, поскольку всегда лучше иметь зрителей. Я буду зрителем твоей агонии, которая поэтому наверняка пройдет лучше, чем в совершенном одиночестве; ведь важны чувства, все равно какие. Ненависть ко мне, твоему истинному другу, поддержит тебя, сделает более мужественным, окрылит твою душу, придаст убедительное и чистое звучание твоим стонам, упорядочит судороги и привнесет порядок в каждую из последних твоих ми-

нут, а ведь это немало... Что до меня, обещаю, что говорить буду мало и не стану ничего комментировать; поступая иначе, я мог бы помимо своей воли повредить тебе излишком дружбы, которого бы ты не вынес, так как характер у тебя, по правде говоря, скверный. Однако я и это превозмогу, ибо, отвечая добром на зло, уничтожу тебя и таким образом избавлю от самого себя — по дружбе, повторяю, а не вследствие ослепления, поскольку симпатия к тебе не мешает мне видеть всю мерзость твоей натуры.

Эти слова были прерваны криком, внезапно вырвавшимся у Автоматей:

— Корабль! Корабль!! Корабль!!! — орал он в беспамятстве и, вскочив, начал метаться по берегу, кидать в воду камни, размахивать изо всех сил руками, а главное, кричать во все горло, пока не охрип. Впрочем, все это было ни к чему — корабль явно держал курс на островок и вскоре выслал спасательную шлюпку.

Как выяснилось позднее, капитан корабля, на котором плыл Автоматей, перед самым крушением успел послать радиограмму с призывом о помощи, благодаря чему всю эту часть моря прочесывали многочисленные корабли, а один из них подошел к самому островку. Когда шлюпка с матросами достигла мелководья, Автоматей хотел было прыгнуть в нее один, но, поразмыслив, бегом вернулся, чтобы прихватить Вуха, так как страшился, что Вух поднимет крик и его услышат прибывшие на лодке, а это могло бы привести к неприятным расспросам, а может, и обвинениям со стороны электродруга. Чтобы избежать этого, схватил

он Вуха и, не зная, где и как его спрятать, поскорее сунул себе в ухо. Начались бурные сцены приветствия и благодарности, при которых Автоматей старался производить как можно больше шума, боясь, что кто-нибудь из моряков услышит голосок Вуха. Ибо электродруг говорил все время, повторяя:

— Ну-ну, это в самом деле было неожиданно! Один случай из четырехсот тысяч... Ну и счастливец ты! Надеюсь, теперь наши отношения сложатся прекрасно, тем более что в самые трудные минуты я не отказывал тебе ни в чем. Кроме того, я умею держать язык за зубами — что было, то прошло и быльем поросло!

Когда корабль после долгого плавания пристал к берегу, Автоматей несколько удивил окружающих, выразив никому не понятное желание посетить ближайший металлургический завод, где имелся большой паровой молот. Рассказывали, что он во время посещения завода вел себя довольно странно; а именно, подойдя к паровому молоту, начал изо всей силы трясти головой, словно хотел вытряхнуть свой мозг через ухо на подставленную ладонь, и даже подпрыгивал на одной ноге. Присутствовавшие, однако, делали вид, что ничего не замечают, ибо считали: у того, кто побывал недавно в такой ужасной передрыге, могут появиться необъяснимые причуды вследствие нарушения душевного равновесия.

Правда, и в дальнейшем Автоматей вел образ жизни, отличный от прежнего, по-видимому заболев расстройством психики. То он собирал какие-то взрывчатые вещества и даже

пробовал устраивать у себя в доме взрывы, чему помешали соседи, обратившиеся с жалобой к властям; вдруг начинал коллекционировать молоты и карборундовые напильники, а знакомым говорил, что собирается создать новый тип машины для чтения мыслей. Потом он сделался отшельником и приобрел привычку разговаривать вслух с самим собой: иногда можно было слышать, как он, бегая по дому, громко говорит и даже выкрикивает слова, похожие на проклятия.

Наконец, много лет спустя, охваченный новой манией, он стал закупать целыми мешками цемент. Затем сделал из него огромный шар и, когда шар затвердел, увез его неизвестно куда. Рассказывали, будто он нанялся сторожем на заброшенную шахту и однажды ночью свалил в ствол шахты огромную бетонную глыбу, а потом до конца дней своих бродил по окрестностям, и не было такого хлама, которого бы он не собирал, чтобы швырнуть в глубь старой шахты. Действительно, вел он себя довольно непонятно, но большая часть этих слухов, пожалуй, не заслуживает доверия. Ибо трудно поверить, чтобы все эти годы Автоматей продолжал таить в своем сердце обиду на электродруга, которому столь многим был обязан.

КАК УЦЕЛЕЛА ВСЕЛЕННАЯ

Конструктор Трурль создал однажды машину, которая умела делать все на букву «Н». Закончив эту машину, он для пробы заставил ее сделать Нитки, потом намотать их на Наперстки, которые она также сделала, затем бросить все это в специально вырытую Нору, окруженную Незабудками, Наличниками и Настойками.

Машина выполнила задание безукоризненно, но Трурль еще не был уверен в ее исправности и велел ей сделать поочередно Нимбы, Наушники, Нейтроны, Наст, Носы, Нимф и Нитрогениум. Последнего она сделать не смогла, и Трурль, очень расстроенный, приказал ей дать по этому поводу объяснение.

— Я не знаю, что это, — объяснила машина. — Ни о чем таком не слыхала.

— Как так? Ведь это же азот. Такой химический элемент...

— Если это азот, то он на букву «А», а я умею делать только на букву «Н».

— Но по-латыни это называется нитрогениум.

— Дорогой мой, — сказала машина, — если б я умела делать все на «Н» на всевозможных

языках, то я была бы Машина, Которая Может Делать Все В Пределах Всего Алфавита, потому что любая вещь на каком-либо из языков наверняка начинается на «Н». Дело обстоит не так хорошо. Я не могу сделать больше, чем ты придумал. Азота не будет.

— Хорошо, — согласился Трурль и приказал ей сделать Небо.

Она тут же сделала одно, небольшое, но небесно-голубое. Пригласил он тогда к себе конструктора Клапауциуса, представил его машине и так долго расхваливал ее необычайные способности, что тот разозлился втайне и попросил, чтобы и ему разрешили приказать машине что-нибудь сделать.

— Изволь, — сказал Трурль, — только это должно быть на букву «Н».

— На «Н»? Хорошо. Пускай сделает Науку.

Машина заурчала, и вскоре площадь перед домом Трурля заполнилась толпой ученых. Одни потирали лбы, писали что-то в толстых книгах, другие хватали эти книги и драли в клочья, вдали виднелись пылающие костры, на которых поджаривались мученики науки, там и сям что-то громыхало, возникали странные дымы грибообразной формы, вся толпа говорила одновременно, так что нельзя было понять ни слова, составляла время от времени мемориалы, воззвания и другие документы, а чуть поодаль сидело несколько одиноких старцев; они беспрерывно, мелким бисерным почерком писали на клочках рваной бумаги.

— Ну, скажешь, плохо? — с гордостью воскликнул Трурль. — Признайся, вылитая наука!

Но Клапауциус не был удовлетворен.

— Что? Вот эта толпа и есть наука? Наука — это нечто совсем иное!

— Так, пожалуйста, скажи, что именно, и машина тут же это сделает! — возмутился Трурль.

Но Клапауциус не знал, что сказать, и поэтому заявил, что даст машине еще два задания и если она их выполнит, то он признает, что все в порядке. Трурль согласился на это, и Клапауциус приказал машине сделать Наоборот.

— Наоборот?! — воскликнул Трурль. — Да где это слыхано! Что это еще за Наоборот?!

— Как что? Обратная сторона всего сущего, — спокойно возразил Клапауциус. — Слыхал, как выворачивают наизнанку? Ну, ну, не притворяйся. Эй, машина, берись за дело!

А машина уже давно действовала. Сначала она сделала антипротоны, потом антиэлектроны, антинейтрино, антинейтроны и долго так работала безостановочно, пока не наделала уйму антиматерии, из которой постепенно начал формироваться похожий на причудливо сверкающее облако антимир.

— Гм, — произнес весьма недовольный Клапауциус, — и это должно означать Наоборот?.. Допустим, что да. Согласимся, что это примерно то... Но вот мое третье приказание. Машина! Сделай Ничто!

Долгое время машина вообще не двигалась. Клапауциус начал уже довольно потирать руки. Тогда Трурль сказал:

— А чего ты хочешь? Ты же велел ей ничего не делать, вот она и не делает.

— Неправда. Я приказал ей сделать Ничто, а это совсем иное дело.

— Вот еще! Сделать ничто, или не сделать ничего, — это одно и то же...

— Ничего подобного! Она должна была сделать Ничто, а не сделала ничего, — значит, я выиграл. Ведь Ничто, умник ты мой, это не какое-то обычное ничто — плод лени и безделья, но действенное и активное Ничто, идеальное, единственное, вездесущее и наивысшее Небытие в собственном отсутствующем лице!

— Не морочь машине голову! — крикнул Трурль.

Но тут же раздался ее бронзовый голос:

— Перестаньте ссориться в такой момент. Я знаю, что такое Небытие, Невещественность или Ничто, поскольку все эти вещи находятся в ключе буквы «Н» как Несуществование. Лучше в последний раз окиньте взглядом мир, ибо вскоре его не будет...

Слова замерли на устах разъяренных конструкторов. Машина и впрямь делала Ничто, а именно одну за другой изымала из мира разные вещи, которые переставали существовать, будто их вообще никогда не было.

Так она упразднила натяги, наплюйки, нурки, нуждовки, налушники, недоноги и нетольки. Иногда казалось, что, вместо того чтобы уменьшать, сокращать, выкидывать, убирать, уничтожать и отнимать, она увеличивает и добавляет, поскольку одно за другим ликвидировала Неудовольствие, Незаурядность, Неверие, Ненасытность и Немошь. Но потом вновь вокруг них начало становиться просторнее.

— Ой! — воскликнул Трурль. — Как бы куда не было!..

— Ну, что ты, — сказал Клапауциус, — ты же видишь, что она вовсе не делает Всеобщего Небытия, а только Несуществование вещей на букву «Н». И ничего особенного не будет, потому что твоя машина никуда не годится.

— Так тебе лишь кажется, — отвечала машина. — Я действительно начала со всего, что на букву «Н», ибо это мне более знакомо, но одно дело — создать какую-нибудь вещь, а совсем другое — убрать ее. Убрать я могу все по той простой причине, что я умею делать все, как есть, на букву «Н», а значит, Небытие для меня сущий пустяк. Сейчас и вас не будет, и вообще ничего, так что прошу тебя, Клапауциус, скажи поскорее, что я действительно универсальная и уникальная машина и выполняю приказания, как надо, а то будет поздно.

— Но это же... — начал перепуганный Клапауциус и в этот момент заметил, что действительно исчезают предметы не только на букву «Н». Так, уже перестали их окружать камбузели, сжималки, встряски, грызмаки, рифмонды, трепловки и баблехи.

— Стой! Стой! Я беру свои слова назад! Перестань! Не делай Небытия! — заорал во все горло Клапауциус, но, прежде чем машина остановилась, исчезли еще горошаны, кломпы, филидроны и замры.

И лишь тогда машина остановилась. Мир выглядел просто устрашающе. Особенно пострадало небо; на нем виднелись лишь одинокие точки звезд — и ни следа прелестных

горошанов и гаральниц, которые так украшали раньше небосвод.

— О небо! — воскликнул Клапауциус. — А где же камбузели? Где мои любимые муравки? Где кроткие кломпы?

— Их нет и уже никогда не будет, — спокойно ответила машина. — Я выполнила, вернее, только начала выполнять то, что ты велел...

— Я велел тебе сделать Ничто, а ты... ты...

— Клапауциус, ты или глупец, или притворяешься глупцом, — возразила машина. — Если б я сделала Ничто сразу, одним махом, перестало бы существовать все, значит, не только Трурль, и небо, и космос, и ты, но даже я. Так кто же, собственно, и кому мог бы тогда сказать, что приказание выполнено и что я — отличная машина?

— Ну, будь по-твоему, не станем больше об этом говорить. Я уже ничего от тебя не хочу, великолепная машина, только прошу тебя, сделай опять муравок, ибо без них мне и жизнь не мила...

— Не могу, потому что они на «М», — сказала машина. — Я, конечно, могу сделать обратно Неудовольствие, Ненасытность, Незнание, Ненависть, Немошь, Непродолжительность, Неверие и Неустойчивость, но на другие буквы прошу от меня ничего не ожидать.

— Но я хочу, чтоб были муравки! — крикнул Клапауциус.

— Муравок не будет, — отрезала машина. — Ты лучше посмотри на мир, который полон теперь громадных черных дыр, полон Ничто, заполняющего бездонные пропасти между звездами. Как все теперь пропитано этим Нич-

то, как нависает оно теперь над каждой молекулой Бытия. Это твоих рук дело, мой завистник! Не думаю, чтобы будущие поколения благословили тебя за это...

— Может, они не узнают... может, не заметят... — пробормотал побледневший Клапауциус, с ужасом глядя в пустоту черного неба и не смея даже взглянуть в глаза своему коллеге.

Оставив Трурля возле машины, которая умела все на букву «Н», он крадучись вернулся к себе домой. А мир и по сей день все так же продырявлен Небытием, как в тот момент, когда Клалауциус остановил машину. А поскольку еще не удалось создать машину, работающую на какую-нибудь другую букву, то следует опасаться, что никогда уже не будет таких чудесных явлений, как баблехи и муравки, — во веки веков,

МАШИНА ТРУРЛЯ

Конструктор Трурль построил однажды мыслящую машину — девятиэтажную; окончив самую важную работу, он покрыл машину белым лаком, наугольники покрасил в лиловый цвет, пригляделся потом издали и добавил еще небольшой узорчик на фасаде, а там, где можно было вообразить лоб машины, провел тонкую оранжевую черточку и, очень довольный собой, небрежно посвистывая, задал порядка ради сакраментальный вопрос: сколько будет дважды два?

Машина заработала. Вначале загорелись лампы, засветились контуры, зашумели токи, как потоки, запели сцепления, потом накалились катушки, завертелось в ней все, загрохотало, затарахтело, и такой шум пошел по всей равнине, что подумал Трурль: «Надо будет приделать к ней специальный глушитель мыслительный». А машина тем временем все работала так, будто пришлось ей решать самые трудные проблемы во всем космосе; земля дрожала, песок от вибрации уходил из-под ног, предохранители вылетали, словно пробки от шампанского, а реле прямо надрывались от натуги.

Наконец, когда Трурлю порядком уж надоела вся эта суматоха, машина резко остановилась и произнесла громовым голосом:

— Семь!

— Ну, ну, моя дорогая! — небрежно сказал Трурль. — Ничего подобного, дважды два — четыре, будь добра, исправься! Сколько будет два плюс два?

— Семь! — ответила машина немедленно.

Волей-неволей Трурль, вздохнув, надел рабочий халат, который уж снял было, засучил повыше рукава, открыл нижнюю дверцу и влез внутрь. Не выходил он оттуда долго, слышно было, как бьет он там молотом, как откручивает что-то, сваривает, паяет, как, гремя по железным ступенькам, взбегает то на шестой, то на восьмой этаж и мигом мчитя вниз. Включил он ток — внутри все так и зашипело и у разрядников усы фиолетовые выросли. Бился он два часа, пока не вылез на свежий воздух, закопченный весь, но довольный; сложил свой инструмент, бросил халат наземь, вытер лицо и руки и уж на прощанье, просто спокойствия ради спросил:

— Так сколько же будет два плюс два?

— Семь! — ответила машина.

Трурль ужасно выругался, но делать было нечего — вновь принялся ковыряться в машине: чинил, соединял, перепайвал, переставлял, а когда и в третий раз узнал, что два плюс два равняется семи, сел в отчаянии на подножку машины и сидел так, пока не пришел Клапауциус.

Спросил Клапауциус Трурля, что это случилось, почему он выглядит так, будто с похорон

вернулся, — тут Трурль и поведал ему о своем горе. Клапауциус самолично два раза лазил внутрь машины, пробовал отрегулировать то, другое, спрашивал ее, сколько будет два плюс один, машина ответила, что шесть; а один плюс один, по ее мнению, равнялось нулю. Почесал Клапауциус затылок, откашлялся и сказал:

— Дружище, ничего не попишешь, надо смотреть правде в глаза. Ты сделал не ту машину, какую хотел. Но всякое отрицательное явление имеет положительную сторону, и, к примеру, эта машина тоже.

— Интересно — какую же? — проговорил Трурль и пнул свое детище.

— Прекрати, — сказала машина.

— Вот видишь, она способна чувствовать. Да... так что я хотел сказать? Это, вне сомнения, машина глупая, но глупость ее не то что обычная, так сказать, рядовая глупость. Это, насколько я разбираюсь, — а ведь я, как тебе известно, знаменитый специалист, — самая глупая мыслящая машина в мире, ну, а это уж не фунт изюму! Сделать такую машину преднамеренно было бы нелегко, — думаю, что это никому бы не удалось. Ибо она не только глупа, но и упряма как пень, то есть у нее имеется характер; впрочем, это свойственно идиотам — они большей частью дико упрямы.

— На черта мне такая машина?! — сказал Трурль и опять пнул ее.

— Я тебе сказала — прекрати! — заявила машина.

— Ну вот, она обиделась, — сухо прокомментировал Клапауциус. — Ты видишь, она не только способна чувствовать, тупа и упряма,

но еще и обидчива, с такими свойствами можно многого добиться, хо-хо, уж я тебе говорю.

— Хорошо, но что, собственно, мне с ней делать? — спросил Трурль.

— О, сразу мне трудно на это ответить. Ты можешь, например, устроить платную выставку, чтобы всякий, кто захочет, мог посмотреть самую глупую в мире мыслящую машину; сколько у нее — девять этажей? Скажу тебе, такого огромного кретина еще никто не видел. Такая выставка не только покроет твои расходы, но еще...

— Оставь меня в покое, не буду я устраивать никакой выставки! — ответил Трурль, встал и, не удержавшись, пиул машину в третий раз.

— Ты оскорбил меня, — проговорила машина, — и поэтому я больше не буду считать. Отказываюсь отвечать на вопросы, относящиеся к задачам из области математики.

— Она отказывается! Смотрите на нее! — кипятился задетый за живое Трурль. — И у нее хватает наглости заявлять, что она отказывается решать математические задачи! Вот тебе, вот тебе, вот тебе! Может, еще добавить?

В ответ на это машина затряслась, загрохотала и молча, напрягая все силы, начала вылезать из фундамента. Фундамент был глубокий, все опоры она погнула, но в конце концов выкарабкалась из ямы, оставив там лишь развороченный железобетон, из которого торчала арматура, и двинулась, как шагающая крепость, на Клапауциуса и Трурля. Трурль прямо остолбенел от изумления и даже не пытался спрятаться от машины, кото-

рая явно собиралась раздавить его. Более хладнокровный Клапауциус дернул его за руку, потащил за собой, и они отбежали довольно далеко. Но, оглянувшись, увидели, что машина, словно качающаяся башня, шла медленно, при каждом шаге проваливалась чуть не до второго этажа, однако упорно, неустоимо выбиралась из песка и двигалась прямо на них.

— Ну, такого еще не бывало! — сказал Трурль, у которого дух перехватило от удивления. — Машина взбунтовалась! Что ж теперь делать?

— Ждать и наблюдать, — ответил благоразумный Клапауциус. — Может, что-нибудь прояснится.

Пока ничто не предвещало этого. Машина, выбравшись на твердую почву, двинулась быстрее. Внутри у нее свистело, шипело и побрякивало.

— Сейчас у нее распаяется дистанционное управление и программник, — пробурчал Трурль. — Тогда она остановится.

— Нет, — ответил Клапауциус, — это исключительный случай. Она так глупа, что даже остановка всего распределительного устройства не причинит ей вреда. Берегись, она... Бежим!!!

Машина явно разгонялась, чтобы растоптать их. Они мчались во весь дух, слыша за спиной ее ритмичный, страшный топот. Так они и бежали — что ж им еще оставалось делать? Пытались было вернуться в родную округу, но машина помешала этому: обойдя с фланга, заставила их свернуть с намеченного

пути и неумолимо гнала во все более пустынный край. Постепенно из стелющегося тумана начали выступать угрюмые, скалистые горы; Трурль, тяжело дыша, крикнул Клапауциусу:

— Послушай! Бежим в какое-нибудь узкое ущелье... куда она не сможет пройти... проклятая... а?!

— Лучше бежать... прямо, — пропыхтел Клапауциус. — Недалеко тут есть городок... забыл, как называется... в общем, мы там... уф!! найдем убежище...

Они побежали прямо и вскоре увидели первые домики. В эту пору дня улицы были почти безлюдны. Они уже пробежали немалое расстояние, не встретив живой души, когда услышали ужасающий грохот, будто на городок обрушилась каменная лавина, и поняли, что преследующая их машина добралась до городка.

Трурль оглянулся и прямо застонал.

— О силы небесные! Посмотри, Клапауциус, она разрушает дома!

Машина и вправду упорно гналась за ними и шагала прямо по домам словно стальная гора, оставляя за собой руины, над которыми клубились белые облака известковой пыли. Раздались ужасные крики засыпанных, на улицах стало полно народу. Трурль же и Клапауциус бежали, еле дыша, все вперед, пока не достигли большого здания ратуши, и сбежали вниз по лестнице в глубокий подвал.

— Ну, здесь она нас не достанет, даже если всю эту ратушу нам на голову свалит! — прохрипел Клапауциус. — Но черт же меня

дернул нанести тебе сегодня визит... Поинтересовался, как идет у тебя работа, и вот на тебе — узнал...

— Тише,— ответил Трурль.— Сюда кто-то идет.

Действительно, дверь отворилась и в подземелье вошли сам бургомистр и несколько советников. Трурлю было стыдно рассказывать, как случилась эта необычайная и ужасная история, и его выручил Клапауциус. Бургомистр молча слушал. Вдруг стены дрогнули, ходуном заходила земля и в глубокий подвал донесся протяжный грохот падающих стен.

— Она уже здесь? — крикнул Трурль.

— Да,— ответил бургомистр.— И требует, чтобы мы вас выдали, в противном случае она разрушит весь город...

И тут же они услышали откуда-то сверху стальное гнусавое гоготание:

— Где-то здесь Трурль... я чую Трурля...

— Но ведь вы же нас не выдадите? — дрожащим голосом спросил тот, выдачи которого так настойчиво требовала машина.

— Тот из вас, которого зовут Трурль, должен отсюда выйти. Второй может остаться, поскольку его выдача не является необходимым условием...

— Но сжальтесь!

— Мы бессильны,— сказал бургомистр.— Да если б ты и остался, Трурль, тебе пришлось бы отвечать за ущерб, причиненный городу и его жителям, ибо это из-за тебя машина разрушила шестнадцать домов и погребла под их развалинами многих наших горожан. Лишь то,

что ты находишься пред лицом смерти, позволяет мне отпустить тебя. Иди и не возвращайся.

Трурль глянул на советников и, прочтя на их лицах свой приговор, медленно направился к выходу.

— Подожди! Я с тобой! — импульсивно воскликнул Клапауциус.

— Ты? — проговорил Трурль со слабой надеждой в голосе. — Нет... — сказал он, помолчав. — Останься, так будет лучше... Зачем тебе бесполезно гибнуть?

— Идиотизм! — энергично воскликнул Клапауциус. — Что ж это, с какой стати нам погибать, неужели по прихоти этой железной кретинки? Тоже мне еще! Этого мало, чтобы стереть с лица земли двух величайших конструкторов! Идем, мой Трурль! Смелее!

Воодушевленный этими словами, Трурль побежал по лестнице за Клапауциусом.

На рыночной площади не было ни души. Среди клубящейся пыли, из которой проступали скелеты разрушенных домов, стояла, выпуская облака пара, машина, намного выше ратуши, вся измазанная кирпичной кровью стен и белой пылью.

— Осторожнее! — прошептал Клапауциус. — Она нас не видит. Бежим по этой улочке влево, потом вправо, а там напрямик. Невдалеке начинаются горы. Там мы спрячемся и придумаем что-нибудь такое, чтобы раз навсегда отбить у нее охоту... Бежим! — крикнул он, ибо в этот миг машина заметила их и бросилась вслед, так что земля дрогнула.

Мчась во весь дух, выбежали они из город-

ка. Добрую милю неслись они, слыша за собой громовую поступь колосса, упорно преследовавшего их.

— Я знаю это ущелье! — воскликнул вдруг Клапауциус. — Там русло высохшего потока, оно ведет в глубь скал, там много пещер, туда, скорее, сейчас ей придется остановиться!..

Спотыкаясь, мчались они в гору, взмахами рук поддерживая равновесие, но машина все не отставала от них. Прыгая по шатким камням высохшего потока, они достигли расщелины в отвесных скалах и, увидев высоко вверху черное отверстие пещеры, полезли туда что было сил, хоть камни шатались и осыпались у них под ногами. Из большого отверстия в скале веяло холодом и тьмой. Они поспешно влезли внутрь, пробежали еще несколько шагов и остановились.

— Ну, тут мы в безопасности, — проговорил, успокоившись, Трурль. — Я выгляну, посмотрю, где она застряла.

— Осторожнее! — предостерег его Клапауциус.

Трурль подобрался к выходу, высунулся и тут же испуганно отскочил назад.

— Она лезет вверх! — крикнул он.

— Успокойся, сюда-то она наверняка не войдет, — проговорил не совсем уверенно Клапауциус. — Что это? Вроде потемнело... Ох!

Гигантская тень заслонила небо, видневшееся до этого в отверстии пещеры, на мгновение показалась стальная, густо усеянная заклепками стена машины, которая медленно прислонилась к скале. Теперь пещера была, словно стальной крышкой, плотно закрыта извне.

— Мы в тюрьме...— прошептал Трурль, и голос его дрожал еще сильнее, оттого что наступила абсолютная тьма.

— С нашей стороны это был идиотизм! — взволнованно воскликнул Клапауциус. — Лезть в пещеру, которую она может забаррикадировать! Как мы могли сделать это?

— Как ты думаешь, на что она рассчитывает? — после долгого молчания спросил Трурль.

— На то, что мы постараемся отсюда выбраться, — особого ума не требуется, чтоб до этого додуматься.

Опять наступило молчание. В черной тьме Трурль на цыпочках, вытянув руки, двинулся в сторону выхода и шарил по скале руками, пока не коснулся гладкой стали, теплой, словно нагретой изнутри.

— Я чувствую тебя, Трурль, — загудел в закупоренной пещере железный голос.

Трурль попятился, сел на камень возле приятеля, и некоторое время они не двигались. Наконец Клапауциус шепнул ему:

— Ничего мы тут не высидим, что поделаешь, попробую вступить с ней в переговоры...

— Это безнадежно, — сказал Трурль. — Но попробуй, может быть, хоть тебя она выпустит живого...

— Ну, нет, не того я хочу! — ободряюще проговорил Клапауциус и, подходя к невидимому в темноте отверстию, крикнул: — Алло, ты слышишь нас?

— Слышу, — ответила машина.

— Послушай, я хотел бы попросить у тебя прощения. Понимаешь... произошло между на-

ми небольшое недоразумение, но ведь это, по сути, мелочь. Трурль не имел намерения...

— Я уничтожу Трурля! — сказала машина. — Но прежде пусть он ответит мне на вопрос, сколько будет два плюс два.

— Ах, ответит он тебе, и так, что ты будешь довольна и наверняка с ним помиришься, ведь правда же, Трурль? — успокаивающе заговорил посредник.

— Ну конечно... — едва слышно произнес Трурль.

— Да? — сказала машина. — Так сколько будет два плюс два?

— Че... то есть семь... — еще тише проговорил Трурль.

— Ха-ха! Значит, не четыре, а семь, так? — загудела машина.

— Вот видишь! Семь, конечно же, семь, всегда было семь! — горячо подхватил Клапауцус. — Теперь ты нас выпустишь? — осторожно добавил он.

— Нет. Пускай Трурль еще раз скажет, что он очень сожалеет, и ответит, сколько будет дважды два...

— А ты выпустишь нас, если я это скажу? — спросил Трурль.

— Не знаю. Подумаю. Ты мне условий не ставь. Говори, сколько будет дважды два!

— Но ты в самом деле нас выпустишь? — настаивал Трурль, хотя Клапауцус дергал его за руку, шепча на ухо: «Это идиотка, идиотка, не препирайся с ней, умоляю!»

— Не выпущу, если мне не захочется, — ответила машина. — Но ты все равно скажешь мне, сколько будет дважды два...

Трурль вдруг затрясся от ярости.

— О! Я скажу тебе, скажу! — закричал он. — Два плюс два будет четыре, и дважды два — четыре, хоть ты на голову становись, хоть все эти горы преврати в прах, хоть поперхнись морем и проглоти небо, слышишь? Два плюс два — четыре!!

— Трурль! Ты с ума сошел! Что ты говоришь? Два плюс два будет семь, конечно. Машина, дорогая, семь! Семь!! — вопил Клапауциус, пытаясь перекрычать приятеля.

— Неправда! Четыре! Только четыре, с сотворения мира было четыре, и до конца дней его будет четыре! — охрипшим голосом орал Трурль.

Вдруг скала под их ногами затряслась как в лихорадке.

Машина отодвинулась от входа, так что в пещеру проник сумрачный свет, и тут же протяжно крикнула:

— Неправда! Семь! Ты сейчас же это скажешь, как только я схвачу тебя!

— Никогда не скажу! — отпарировал Трурль, словно ему уж было все равно.

И тут сверху на их головы обрушился каменный град, ибо машина своей девятиэтажной тушей таранила скалистый обрыв, билась всей тяжестью об отвесную стену, и огромные камни откалывались от скал и с грохотом катились вниз.

Грохот и удушливая каменная пыль вместе с искрами, высекаемыми сталью о камень, заполнили всю пещеру, но сквозь этот адский гул атаки прорывался голос Трурля, неустанно повторяющего:

— Два плюс два — четыре! Четыре!!!

Клапауциус пытался силой заткнуть ему глотку, но, грубо отброшенный Трурлем, молча сел в сторонке, схватив голову руками. Машина все не прекращала своих адских усилий, и казалось, что свод пещеры того гляди обрушится на пленников, раздавит и погребет их навеки. Но, когда они уж потеряли надежду, когда едкая пыль заполнила всю пещеру, что-то вдруг ужасно заскрежетало, прокатился медленный гром — сильнее неимоверного грохота от яростных ударов машины, — потом воздух завыл, черная стена, заслоняющая пещеру, исчезла, словно ее вихрем сдуло, и вниз обрушилась лавина громадных глыб. Эхо еще катилось по долине, отражаясь от гор, а два приятеля уже кинулись к отверстию пещеры и, высунувшись до пояса, увидели машину. Она лежала, раздавленная и разбитая обвалом, который сама же и вызвала; огромная глыба лежала посреди ее девятиэтажного тела — она-то и переломила машину почти пополам.

Они осторожно спустились по дымящимся каменистым завалам. Чтобы добраться до русла высохшего потока, им пришлось пройти вплотную мимо останков распластавшейся машины, подобной огромному выброшенному на берег кораблю. Молча остановились они у ее продавленного бока. Машина все еще работала, и слышно было, как внутри у нее что-то крутится с замирающим скрежетом.

— Вот каков твой бесславный конец, а два плюс два по-прежнему... — начал было Трурль, но в этот момент машина слегка зашумела и

неразборчиво, еле слышно в последний раз пробормотала: «Семь».

Потом что-то тоненько звякнуло у нее внутри, сверху посыпались камни, и машина замерла, превратившись в грудку мертвого металла.

Конструкторы посмотрели друг на друга, а потом молча, не произнеся ни слова, зашагали по руслу высохшего потока.

КРЕПКАЯ ВЗБУЧКА

Кто-то постучался в дом конструктора Клапауциуса. Хозяин приоткрыл дверь, высунул голову наружу и увидел толстопузую машину на четырех коротких ногах.

— Кто ты и чего тебе надобно?

— Я — Машина Для Исполнения Желаний. А прислал меня в подарок тебе твой друг и великий коллега Трурль.

— В подарок? — переспросил Клапауциус, который испытывал довольно смешанные чувства по отношению к Трурлю, а особенно не понравилось ему, что машина назвала Трурля его «великим коллегой». — Ну, ладно, — решил он после короткого раздумья. — Можешь войти.

Приказал он машине стать в углу у печи и, будто не обращая на нее внимания, вернулся к прерванной работе. Клапауциус строил куполообразную машину на трех ногах. Она была почти готова, оставалось навести блеск.

Через некоторое время Машина Для Исполнения Желаний подала голос:

— Напоминаю о своем присутствии.

— Я о нем не забывал, — ответил Клапауциус и продолжал работать.

Вскоре машина спросила:

— Можно узнать, что ты делаешь?

— Ты — Машина Для Исполнения Желаний или Машина Для Задавания Вопросов? — возразил Клапауциус. — Мне нужна голубая краска.

— Не знаю, тот ли это оттенок, который тебе нужен, — ответила машина, выдвигая через отверстие в животе банку краски.

Клапауциус открыл банку, молча погрузил в нее кисть и принялся красить. Потом ему понадобились еще наждак, точильный камень, сверло и белила, а также болты, и каждый раз машина немедленно давала ему то, чего он хотел. Под вечер Клапауциус накрыл свое творение холстиной, подкрепился едой, сел на маленьком треножнике перед машиной и сказал:

— Посмотрим теперь, годна ли ты на что-нибудь. Ты говоришь, что умеешь делать все?

— Все не все, но многое, — скромно ответила машина. — Доволен ли ты красками, болтами и сверлами?

— Ну, конечно, конечно! — ответил Клапауциус. — Но сейчас я задам тебе задачу куда труднее. Если не справишься с ней, отправлю тебя обратно к твоему хозяину, с должной благодарностью — и со своим отзывом.

— Так что же тебе нужно? — спросила машина и переступила с ноги на ногу.

— Нужен Трурль, — объяснил Клапауциус. — Ты должна сделать мне Трурля, чтобы он был точь-в-точь как настоящий. Чтобы их и отличить друг от друга нельзя было!

Машина поворчала, побренчала, пошумела и сказала:

— Хорошо. Сделаю тебе Трурля, но обходи с ним осторожно, потому что он великий конструктор!

— Ах, разумеется, можешь быть спокойна,— ответил Клапауциус. — Ну, так где же этот Трурль?

— Что? Вот так сразу? Это ведь не что-нибудь! — сказала машина. — Тут время нужно. Трурли — это тебе не болты и не краски!

Однако она на удивление быстро затрубила, зазвенела, в животе ее распахнулись довольно большие дверцы, и из темного нутра вышел Трурль. Клапауциус встал, обошел вокруг него, присмотрелся поближе, старательно прошупал и простучал, но сомнений не было: перед ним был Трурль, как две капли воды похожий на оригинал. Трурль, вышедший из нутра машины, щурил глаза от света, но в остальном вел себя вполне обычно.

— Как поживаешь, Трурль? — сказал Клапауциус.

— Как поживаешь, Клапауциус? Но как я, собственно, попал сюда? — отозвался явно озадаченный Трурль.

— Да так вот, просто зашел... Давно я тебя не видал. Нравится тебе мой дом?

— Конечно, конечно... А что это у тебя там, под холстиной?

— Ничего особенного. Может, сядешь?

— Гм, сдается мне, что время уже позднее. На улице темно, пожалуй, пойду домой.

— Не так быстро, не сразу! — запротестовал Клапауциус. — Идем сначала в подвал, увидишь, как интересно получится...

— А что ж у тебя такое в подвале?

— Пока ничего, но сейчас будет. Пойдем, пойдем...

И, похлопывая Трурля по плечу, Клапауцнус отвел его в подвал, а там подставил ему ногу, повалил его наземь, связал и принялся колотить толстой жердью изо всех сил. Трурль вопил во весь голос, звал на помощь, то ругался, то просил пощады, но ничего не помогало: глухая ночь, кругом пусто, и Клапауцнус продолжал лупить его так, что гул стоял.

— Ой! Ай! Почему ты так бьешь меня? — кричал Трурль, увертываясь от ударов.

— Потому что мне это доставляет удовольствие, — объяснил Клапауцнус и снова замахнулся. — Этого ты еще не попробовал, мой Трурль!

И так бахнул его по голове, что она загудела как пустая бочка.

— Пусти меня сейчас же, а то я пойду к королю и расскажу, что ты со мной делал, и он бросит тебя в подземелье! — кричал Трурль.

— Ничего он мне не сделает. А знаешь почему? — спросил Клапауцнус, усаживаясь на лавку.

— Не знаю, — ответил Трурль, радуясь, что трепка прекратилась.

— Потому что ты не всамделишный Трурль. Он сидит у себя дома. Он построил Машину Для Исполнения Желаний и прислал ее мне в подарок, а я, чтобы испытать ее, велел сотворить тебя. Сейчас я отвинчу тебе голову, поставлю под кровать и приспособлю для стаскивания сапог!

— Ты чудовище! Зачем ты хочешь это сделать?!

— Я уже сказал: мне это доставляет удовольствие. Ну, хватит болтать попусту.

Говоря это, Клапауциус взялся за жердь, и Трурль заорал:

— Перестань! Сейчас же перестань! Я скажу тебе нечто очень важное!

— Любопытно, что такое ты можешь сказать, что помешало бы мне приспособить твою голову для стаскивания сапог? — спросил Клапауциус, но перестал его бить.

Трурль тогда закричал:

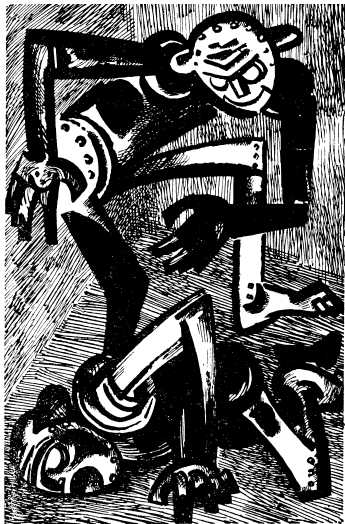
— Я вовсе не Трурль, сделанный машиной! Я — настоящий Трурль, самый что ни на есть настоящий. Я только хотел узнать, над чем ты работаешь так давно, запершись на все замки. Вот я и построил машину, спрятался у нее внутри и приказал ей доставить меня в твой дом, а для вида назваться подарком от меня.

— Ну и ну, что за историюку ты сочинил, и вот так, прямо с ходу! — сказал Клапауциус и сжал в руке толстый конец жерди. — Можешь не стараться, я твоё враньё насквозь вижу. Ты — Трурль, сделанный машиной, она любое желание исполняет, я от нее и болты получил, и краску, белую и голубую, и сверла, и всякую всячину. А если смогла она все это сделать, так и тебя сделать может, дорогой мой!

— Да я все эти вещи заранее приготовил! — воскликнул Трурль. — Нетрудно было догадаться, что именно тебе понадобится. Клянусь, я правду говорю!

— Окажись твои слова правдой, это означало бы, что мой друг, великий конструктор Трурль, — самый обыкновенный мошенник, а

в такое я никогда не поверю,— ответил Клапауциус. — Вот тебе!

И с размаху ударил его по спине.

— Это за клевету на моего друга Трурля! А вот тебе еще! — и угостил Трурля еще раз.

Долго он бил Трурля, лупил и колотил, пока сам не устал.

— Пойду теперь вздремну немного и отдохну, — сказал Клапауциус и отбросил палку. — А ты подожди, я скоро вернусь.

Когда он ушел и по всему дому разнесся его храп, Трурль стал так извиваться в своих путах, что веревки ослабли. Трурль развязал узлы, выскользнул, тихонько побежал наверх, влез внутрь своей машины и с места в карьер помчался в ней домой. А Клапауциус, тихо посмеиваясь, глядел сквозь верхнее окно на бегство Трурля.

Наутро Клапауциус отправился с визитом к Трурлю. Тот с угрюмым видом впустил его в дом. В комнате царил полумрак, но шустрый Клапауциус все равно заметил на голове и на корпусе хозяина следы крепкой взбучки, которую он ему задал, хотя видно было, что Трурль изрядно потрудился, чтобы выровнять вмятины от полученных ударов.

— Что это ты такой хмурый? — весело спросил Клапауциус. — А я пришел поблагодарить тебя за чудесный подарок, жаль только, что, пока я спал, машина умчалась, словно на пожар, даже дверь не закрыла!

— Кажется мне, что ты неправильно обошелся с моим подарком, чтобы не сказать больше! — взорвался Трурль. — Машина мне

все сказала, не утруждай себя, — добавил он со злостью, видя, что Клапауциус открыл было рот. — Ты велел ей сотворить меня, меня самого, а потом коварно завлек двойника моей особы в подвал и там варварски избил его! И после нанесенного мне оскорбления, после черной неблагодарности за великолепный дар ты еще осмелился как ни в чем не бывало прийти сюда? Ну, что ты можешь сказать?

— Никак не пойму, на что ты гневаешься, — ответил Клапауциус. — Действительно, я велел машине изготовить твою копию. Скажу тебе, она удалась на славу, я был просто поражен, увидев ее. А насчет битья машина сильно преувеличивает, — я, правда, пихнул твоего двойника разок-другой, потому что хотел проверить, прочно ли он изготовлен, к тому же хотелось узнать, как он на это среагирует. Он оказался на редкость шустрым. С ходу придумал историю: будто это вовсе и не он, а ты своей собственной персоной. Я, конечно, не поверил, а он стал клясться, что щедрый подарок — это вовсе не подарок, а обыкновенное мошенничество. Ты, надеюсь, понимаешь, что, защищая твою честь, честь моего друга, я должен был всыпать ему за такое наглое вранье? Однако я убедился, что у него недюжинный ум и, стало быть, он не только физически, а и духовно подобен тебе, мой дорогой. Воистину ты великий конструктор, именно это я хотел тебе сказать и с этой целью пришел спозаранку!

— Ах, так! Ну, да, конечно, — ответил, уже несколько смягчившись, Трурль. — Правда, то, как ты обошелся с Машиной Для Исполнения

Желаний, по-прежнему кажется мне не самым удачным, да уж ладно...

— А кстати, я как раз хотел спросить, что ты сделал с этим искусственным Трурлем? — невинно спросил Клапауциус. — Нельзя ли мне повидать его?

— Он просто с ума сошел от ярости! — ответил Трурль. — Грозился, что спрячется за большой скалой у твоего дома и раздробит тебе череп. А когда я попытался урезонить его, он на меня стал бросаться. Ночью принялся плести из проволоки силки и сети на тебя, друг мой. И, хотя я считаю, что в его лице ты оскорбил меня, все же ради давней дружбы нашей, ради твоей безопасности (потому что он себя не помнил от злости) разобрал я его на мелкие части, не видя иного выхода.

Говоря это, Трурль, будто от нечего делать, пнул ногой какие-то детали, разбросанные на полу.

После этого они тепло попрощались и расстались, как сердечные друзья.

С той поры Трурль только то и делал, что каждому встречному и поперечному рассказывал всю эту историю. Как он подарил Клапауциусу Машину Для Исполнения Желаний и как недостойно поступил тот с машиной, приказав ей изготовить двойника Трурля, а затем дал ему взбучку. Как этот двойник, великолепно изготовленный машиной, с помощью всяческих ухищрений пытался вырваться и сбежал, едва уставший Клапауциус уснул. И как сам он, Трурль, разобрал прибежавшего домой невсамделишного Трурля, сделал же он это лишь ради того, чтобы спасти своего

друга Клапауциуса от мести пострадавшего. И до тех пор он рассказывал об этом, и хвастал, и пыжился, и призывал в свидетели самого Клапауциуса, пока весть об этом необычайном происшествии не дошла до королевского двора. Теперь все там отзывались о Трурле не иначе как с величайшим восхищением, хотя совсем еще недавно его повсеместно называли Конструктором Самых Глупых Мыслящих Машины в мире. А когда Клапауциус услышал, что сам король щедро одарил Трурля и наградил его Орденом Великой Пружины и Геликоноидальной Звездой, он завопил во весь голос:

— Как же так? Значит, за то, что удалось мне его перехитрить, за то, что я его разгадал и задал ему крепкую взбучку, так что ему пришлось потом долго переклепываться и лататься, за то, что он несолоно хлебавши бежал на перекошенных ногах из моего подвала!.. И после всего этого он утопает в богатстве! Мало того, король жалует его орденом! О Вселенная!

И, ужасно разгневанный, возвратился Клапауциус домой и снова заперся на все замки. Ибо он строил такую же Машину Для Исполнения Желаний, как и Трурль, только тот раньше ее окончил,

СОДЕРЖАНИЕ

Ариадна Громова. Правда о людях и сказки о роботах	5
--	---

I. Приключения звездного навигатора Пиркса

Испытание. Перевод Г. С. Гуляницкой	15
Условный рефлекс. Перевод А. Б. Борисова	62
Патруль. Перевод Р. И. Нудельмана	164
Альбатрос. Перевод Т. П. Агапкина	199
Терминус. Перевод Е. П. Вайсброта	221
Охота на Сэтавра. Перевод Ф. В. Широкова	284

II. У роботов — свои сказки

Три электрицаря. Перевод Т. И. Архиповой	337
Советники короля Гидропса. Перевод А. Г. Громо- мовой	345
Сказка о цифровой машине, которая с драконом сражалась. Перевод Ф. В. Широкова	363
Друг Автоматей. Перевод Л. В. Васильева	373
Как уцелела Вселенная. Перевод Ю. И. Абызова	398
Машина Трурля. Перевод Т. И. Архиповой	405
Крепкая взбучка. Перевод А. Б. Борисова	420

В 1965 году в серии «Зарубежная фантастика» выйдут следующие книги:

1. Занднер К. СИГНАЛ ИЗ КОСМОСА.
2. Кашшан Ф. ТЕЛЕЧЕЛОВЕК.
3. Несвадба Й. МОЗГ ЭЙНШТЕЙНА.
4. Бредбери Р. МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ.

Сборники англо-американской фантастики:

5. ЭКСПЕДИЦИЯ НА ЗЕМЛЮ.
6. ТУННЕЛЬ ПОД МИРОМ.
7. Поол. Ф., Корнблат С. М. ОПЕРАЦИЯ «ВЕНЕРА» (Торговцы космосом).
8. Чэд О. ВЕТЕР ВРЕМЕНИ.

В серии научно-популярных книг: «В мире науки и техники» выйдут:

1. Азимов А. ВИД С ВЫСОТЫ.
2. Кларк А. ЧЕРТЫ БУДУЩЕГО.
3. Симен Б. РЕКА ЖИЗНИ.
4. Фриш К. ИЗ ЖИЗНИ ПЧЕЛ.
5. Эмпахер А. СИЛА АНАЛОГИИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Станислав Лем
ОХОТА НА СЭТАВРА

Редактор *Г. В. Левенштейн*

Художник *Н. И. Гришин*

Художественный редактор

Н. А. Фильчагина

Технический редактор *Л. П. Кондюкова*

Корректор *Т. В. Вульф*

Удано в производство 31/III 1965 г.

Подписано к печати 20/VII 1965 г.

Бумага 70×90¹/₂—6,75 бум. л., 15,8 печ. л.,

Уч.-изд. л. 15,1 Изд. № 12/3911

Цена 90 коп. Зак 270

• • •

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

• • •

Ярославский полиграфкомбинат «Глав
полиграфпрома» Государственного комите-
та Совета Министров СССР по печати
г. Ярославль, ул. Свободы, 97

90 коп.

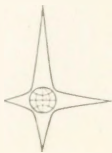
Особенно плодотворным был 1961 год: вышли в свет три романа, очень разные по проблематике и по стилистическим особенностям: «Соларис», «Возвращение со звезд», «Дневник, найденный в ванне», а также сборник рассказов «Книга роботов».

В последующие годы появился сборник рассказов и телевизионных пьес «Лунная ночь», роман «Непобедимый», «Сказки роботов».

В 1965 году вышли в свет две книги — сборник рассказов «Охота» и цикл «кибернетических сказок» «Кибериада», примыкающий по замыслу к «Сказкам роботов».

Станислав Лем — острый и тонкий критик. Его статьи разных лет собраны в книге «Выход на орбиту». Весьма интересны и философские работы Лема — «Диалоги» и «*Summa technologiae*».

В настоящее время Лем готовит еще одну философскую работу — «Литература и кибернетика».

Цена 90 коп.

